

РОМАН ГАЗЕТА

№10(382) · 1967

ГЕННАДИЙ
ФЕДОРОВ

КОГДА НАСТУПАЕТ РАССВЕТ

В суровом полночном краю, среди неоглядных таежных лесов, на берегах живописных рек Сысолы, Вычегды и Печоры живет и творит свои чудесные песни талантливый и трудолюбивый народ коми. Лет сто тому назад мало кому был известен затерявшийся в глубине угрюмой северной пармы и бескрайних просторов тундры этот малочисленный народ. До Великого Октября у коми не было своей письменности.

Тем радостнее сознать теперь, как неузнаваемо преобразился коми край. И каждому понятна гордость, звучащая в словах поэта Серафима Попова о родной земле:

Кто не был в нашей стороне,
Не слышал никогда,
Как темный лес шумит во сне,
Как плещется вода.
Кто нашей не бродил тайгой,
Что „пармою“ зовут,
Не знает, как в тиши ночной
Сказанья здесь плетут.

Одним из зачинателей молодой литературы коми является автор романа „Когда наступает рассвет“ Геннадий Александрович Федоров. Родился он в 1909 году в селе Троицко-Печерске. Окончил в Сыктывкаре педагогический техникум, работал в детских домах, а затем в Коми книжном издательстве. Одновременно он заочно учился и закончил Литературный институт имени Горького в Москве.

На коми языке Г. Федоров начал писать в девятнадцать лет. Сначала он пробовал свои силы в стихах и рассказах и уже с 1928 года начал печатать их. Спустя четыре года он выступил с первой повестью „Деревенское утро“, которую впоследствии значительно переработал. Теперь эта повесть имеет другое название — „Марийка“ и пользуется большой любовью у читателей.

В годы Великой Отечественной войны, будучи уже признанным писателем, автором многих повестей, рассказов и пьес, Геннадий Федоров находился на фронте, командовал стрелковым взводом, защищая родину с оружием в руках. Под Пултуском он был ранен.

После войны, вернувшись в родные края, Геннадий Федоров возглавил писательскую организацию республики и одновременно продолжал творческую деятельность. Им написаны повесть „В дни войны“ о нефтяниках Ухты, пьесы „Лес звенит“, „В предгорьях Тимана“.

Над романом „Когда наступает рассвет“ писатель работал много лет. На коми языке роман был опубликован в 1962 году и отмечен республиканской премией. Это большое эпическое полотно, открывающее малоизвестную страницу революционного прошлого нашей страны. Увлечательно и живо отражена в книге борьба за победу Великой Октябрьской революции в отдаленном северном краю. Интересны страницы, рисующие быт и нравы населения этой когда-то глухой стороны.

Роман Г. Федорова посвящен героине гражданской войны Домне Каликовой. О ее подвиге сложены песни. На ее могиле возвышается обелиск. Писатель создал свой памятник — роман о яркой, подвижнической жизни молодой коммунистки.

Обычно в подобных книгах главным достоинством является документальность. Но если произведение создает подлинный художник, то документальность воедино сливается с художественностью. Домна Каликова точно живая встает со страниц романа, который дал ей вторую жизнь — бессмертие.

С большой любовью выписан автором образ деревенского батрака, красноармейца Прокония Юркина. Судьбы двух молодых людей — Прони и Домны — тесно переплетаются. Их чистая, едва зарождавшаяся любовь подвергается тяжким испытаниям. Но хотя жизнь главной героини трагически обрывается, книга до конца пронизана оптимизмом. Образ отважной дочери народа коми становится достоянием всей советской литературы.

Время листает книгу жизни. Давно нет захолостного уездного городка Усть-Сысольска. На его месте вырос прекрасный город Сыктывкар, столица ордена Ленина республики Коми. Из Москвы теперь до него лёту — два часа. Парят над безбрежными просторами пармы воздушные лайнеры. И видно, как над зелеными массивами тайги и тундрой тянутся к небу нефтяные вышки и копры угольных шахт, бегут по дорогам машины и плывут по величавым рекам плоты. Труженики сурового северного края строят новую жизнь.

— Чолэм тебе, славный народ коми!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА

ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВ КОГДА НАСТУПАЕТ РАССВЕТ

Р О М А Н

(Окончание)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТУЧЫ СГУЩАЮТСЯ

1

Прошло три месяца, как Домна вернулась из Петрограда в родные края. В трудной крестьянской работе и домашних хлопотах пролетело жаркое, но короткое северное лето. Наступил сентябрь, прохладный и сырой.

В один из таких осенних дней, в воскресенье, в Троицком соборе служба подходила к концу. Протопоп отец Яков, спеша закончить обедню, провозгласил многая лета, и прихожане стали подходить целовать крест. Среди них был и Гыч Опонь. Когда Гыч Опонь подошел к протопопу, тот поднес к его жирным, мяси-

стым губам большой серебряный крест и, чуть наклонив голову, шепнул:

— Собираемся в сторожке. Но чтобы никто не видел...

Предупреждение не удивило Гыч Опоня. Усть-Сысольск жил тревожно и настороженно. В городе ввели осадное положение. Всякие сборища были запрещены, и Гыч Опонь в душе только похвалил протопопа за его предусмотрительность.

В тесной и мрачной сторожке собралось уже немало. Бросилась в глаза раздвоенная борода лесного доверенного Космортова. Влеснул в улыбку хищный, как у щуки, оскал зубов статистика Харьюзова. Из-под лохматых бровей стрельнул настороженным взглядом кожевник. Были и другие богатеи, в недавнем прошлом воротилы судеб города и уезда. Не было среди них лишь председателя земской

управы Латкина, скрывавшегося от Советской власти.

Протопоп Потопов зашел в сторожку последним. Шуруша шелковой расой, он прошел в глубину каморки, мимо вставших ему навстречу людей, неторопливым голосом дал распоряжение сопровождавшему его сторожу выйти и внимательно следить, чтобы никто из посторонних ненароком не заглянул сюда. Присев к закапанному воском столу, он погладил рукой ниспадавшие на плечи волнистые волосы и острым, пытливым взглядом остановился на каждом из присутствующих. Здесь находились только свои. Люди застыли в немом ожидании, почтительно склонив головы. В помещении пахло затхлым, могильным тленом. Выждав мгновение, отец Яков дал знак, чтобы сели.

— Братья во Христа! Члены святого Союза духовенства и мирян! — начал он негромко, с грустной надрывностью, с какой обычно привык читать проповеди с амвона. — За последнее время многое нам приходится терпеть. Христос, наш спаситель, сам много терпел... Но нашим страданиям скоро придет конец. Есть важные вести. В Архангельске уже пала власть антихристовая. Туда морем прибыли наши союзники — американские, английские, французские войска...

— Слава тебе, господи! — отозвался из угла Гыч Опонь. — Бог-то не совсем еще нас позабыл. Архангельск не за семью морями. На плотках и то рукой подать. А коли Архангельск освободили, теперь и нам недолго ждать.

— Может, еще до наступления зимы избавимся от нехристей, — проскрипел кожевник. — Не могу позабыть, как они меня за неплату контрибуции держали в каталажке. А недавно последнюю кожу забрали, целый тюк. По-ихнему — реквизиция в пользу народа. Что за жизнь пошла? Можно сказать, последнюю шкуру содрали с меня...

— Ежели прикинуть, что мы, торговые люди, потеряли, — вклинился в разговор купец, — твоя кожа, братец, суший пустячок. В зырянское пароходство нами было вложено, к нашему сведению, сто восемьдесят пять тысяч рубликов золотом — все отобрали, ни одного пароходника не оставили. Дальше считают: товаров реквизировано более чем на сто тысяч, тоже в золотых ценах. Да разных налогов уплатили на восемьдесят тысяч. Сколь получается? Под самый что ни есть корень подрубили нашу торговлю...

— Вернем! Все вернем!.. Пусть только избавители наши быстрее сюда едут!.. — посышались голоса. — Будем день и ночь бить поклоны, ждать...

— Зачем ждать, братья! — возразил про-

топоп. — Потому и собрал я вас, чтобы начать действовать. Время наступило удобное. Пора поднять всех, кому ненавистны Советы и нембеда. Слыхали, как наши поступили в Керчомье, в Гарье?

— Слыхать-то слышали, — сказал кто-то из сидевших у дверей. — Да ведь и другое нам известно: посланные из города отряды быстро там все погасили, а кой-кого и к стене поставили. Не то ли самое ожидает и нас?

— На это я вам ответчу притчей. — Придерживая распятие, протопоп откинул упавшую на лицо прядь волос. — Когда подожгут небольшой лесок, затушить нетрудно. Но если пламя охватило большой массив леса, с ним ничего не поделать. А наш край такой — поднеси спичку, и пойдет полыхать! Нужно широко оповестить, что союзники в Архангельск привезли хлеб, сахар, чай и вдоволь другого продовольствия. Новое правительство всех накормит и оденет, окажет помощь людям, если они, со своей стороны, помогут прикончить антихристову власть. Не поможем союзникам, потом будет поздно. Надо действовать — таков мой совет.

Притихшие братья из Союза духовенства и мирян молчали в раздумье. Притча, конечно, понятна. Но одно — притча, а другое — что получится на деле. У каждого одна голова, и она дороже тюка кожи и прочих богатств. А посмотреть с другой стороны — заманчива приманка, которой подразнил отец Яков. Ведь он не какой-нибудь пустобрех, в свое время избирался в Государственную думу.

Поговорив, собравшиеся согласились с протопопом.

— Однако без вожака начинать нельзя! — поднялся Гыч Опонь. — Может, вы возьметесь, отец Яков?

— Мое дело — молиться богу, — сказал Потопов. — Мне больше пристало иметь дело с крестом, нежели с мечом. Я благословил бы Латкина. Кому другому, как не председателю уездной управы поднять знамя освобождения?! Кстати, между нами был разговор, и господин Латкин не возражает.

— А где найти его? — выглянул из-за спины Харьюзов, но Потопов предостерегающим движением руки остановил его:

— Т-с-с-с-с!.. Не надо громко об этом... Могу сказать: он жив, здоров, находится недалеко от нас. У него связи в городе и в гарнизоне. Такова обстановка. Решайте сами.

Потопов извлек из кармана расы платок и стал утираться. В сторожке было жарко, но вспотел он не от этого. Нелегко было ломать трусость своей братии, и все же он смог.

— Передайте, коли так, что мы согласны! — решили главари союза.

— С нами бог! — заключил отец Яков. — Я пошлю весточку по церквям, чтобы связались у себя с верными людьми. На этом кончим. Помните: о чем мы беседовали, должно остаться между нами. Когда надо будет, я снова соберу вас. Можете расходиться. А ты, Афанасий Петрович, — обратился Потопов к Гыч Опоню, — останься на минутку...

Со щучьей проворностью первым выскользнул за дверь Харьюзов. За ним с небольшими перерывами, словно тени, стали исчезать кожевник, доверенный, торговцы и другие. В сторожке остались Потопов и Гыч Опонь. У них были свои особые дела...

2

Тусклое сентябрьское солнце то исчезало в редких разводах лохматых туч, то снова появлялось. Временами накрапывал дождь, и когда выглядывало солнце, на красных гроздьях брусники блеснули крупные дождевые капли.

Было по-осеннему тоскливо в этом мрачном, густом ельнике, из которого местами выглядывали низкорослые сосны, воздух был сырой, тяжелый, пахло мхом и хвоей. От Черного ручья порывы ветра иногда доносили резкий запах дикой смородины.

Ничто не нарушало застывшего покоя.

Но так могло лишь показаться. А если свернуть с дороги да заглянуть глубже в чащобу, где стоит разбитая молнией ель, можно было увидеть потухший костер и человека, что сидел, привалившись спиной к ели и полузакрыв глаза. Временами, когда раздавался протяжный скрип дерева или треск обломившегося сучка, человек вздрагивал и настороженно прислушивался.

Это был недобрый человек. Он уже несколько раз покидал свое укрытие и выходил к сараю наблюдать за дорогой.

Когда солнце склонилось на запад, из-за поворота показался возок Гыч Опоня.

— Что так долго? Я уже опасался, не попал ли ты чекистам в лапы.

— Упаси боже, Степан Осипович! — перекрестился Гыч Опонь. — Кто ждет, тому всегда кажется долго. Быстрее никак было нельзя, тайном да с оглядкой... Поди проголодался? Твои домашние тусуют творога с молоком послали, подкакуси.

— Боишься? Чего руки трясутся? — заметил Латкин.

— Чека, дорогой мой, не родная маменька, против шерсти гладит, — оправдывался Гыч Опонь. — Вот почитай газетку. Там и про тебя упомянуто.

Латкин схватил местную газету и нашел нужное место. Это было извещение от Усть-Сысольского ЧК. Разыскиваются скрывающиеся. Перечислено несколько фамилий, в том числе назван и Латкин. Ниже напечатано: «...Гражданам, знающим их местожительство, предписывается немедленно довести до сведения ближайших Советов, каковые должны их немедленно представить в распоряжение ЧК. Виновные в укрывательстве несут ответственность по законам осадного положения...»

— Так, так! — сдерживая дрожь, сказал Латкин. — И что же дальше?

— Боже упаси, не подумай чего нехорошего. Это отец Яков надоумил показать тебе газетку. Пусть, говорит, прочтает — злее будет!

— Ладно, хватит об этом... Видел Потопова?

— Видел. Все передал, как было приказано.

— Ну, и что он? Блаженствует на воле? — Сегодня служил в соборе. Жив-здоров, того и тебе желает, Степан Осипович...

— Хитер бобер! — как бы про себя заметил Латкин, принимаясь за домашнюю снедь. — Чем хвалился он? Какие новости сообщил?

— Новости хорошие! В Архангельские союзники. Американцы, англичане...

— Слыхал. Еще что?

— Правительство там объявилось какое-то. Чайковский...

— И это знаю. А это что у тебя в кармане торчит?

— Отец Яков послал тебе погреться — церковного вина, — сказал Гыч Опонь.

— Добро! — довольно крикнул Латкин. Открыв пробку, он жадно припал ртом к горлышку бутылки.

Гыч Опонь рассказал о тайной сходке в церковной сторожке.

— Все решили, пора начинать, Степан Осипович! — закончил он свое сообщение. — Отец Яков благословляет вас на ратные подвиги. — Благословляет? — Губы Латкина дрогнули от усмешки.

— Все просили тебя стать главарем. Ты образованный, смелый, в академии учился. Знаешь, как с этим сбродом справиться. Потому просим...

— Просите? — Латкин самодовольно улыбнулся. Лицо его порозовело, глаза оживились, повеселели. Теперь и валявшаяся у ног газета не пугала. Леденящий страх отступил. Голос Гыч Опоня, по-домашнему простой и обычный, успокаивал.

— Так и велели передать, — докладывал тот. — Союз духовенства и мирян поможет

деньгами и всем, в чем будет нужда. Время подходящее наступило. В городе новый приказ развесили за подписью командующего советским фронтом: у кого две и больше лошади, одну оставить себе, остальные — сдать для нужд фронта. А у меня две лошади и жеребчик. Выходит, две-то надо сдавать, Степан Осипович?

— Видимо, так. Не отдашь — отберут!..

— Вонец разорят безбожники! — закачал сокрушенно головой Гыч Опонь. — Степан Осипович, бога ради, будьте нашим главарем.

— Да?.. — Латкин закурил папиросу и, скрестив по-наполеоновски руки на груди, задумался. Когда папироса догорела, он швырнул окурочек далеко в сторону и, не глядя на собеседника, заговорил: — За новости спасибо, Афанасий Петрович. И за содействие тоже. Потом за все отблагодарю... Ну, а заваривать теперь кашу не собираюсь. Так и передай Потопову: я изменил решение. Буду пробиваться в Архангельск...

— В Архангельск?.. А мы как?

— Вы?.. Придется подождать до моего возвращения. Сил у нас мало, оружия нет. Допустим, захватим город. Большевики немедленно двинут из Котласа карательную экспедицию и восстановят прежнее положение, а нас... Понимаешь, чай, не маленький. Такой исход наиболее вероятен.

— Может, не посмеют сунуться? Край наш лесной, глухой... Ежели дружно подняться...

Латкин махнул рукой.

— Думаешь, народ встанет на защиту? У меня мало надежды. Слишком много разошлось по деревням солдат-фронтовиков. Это они распространили красную заразу. Нет, лучше пока не начинать. Я решил пока воздержаться. Буду пробираться в Архангельск, просить вооруженный отряд. Вернусь скоро. Вы будьте начеку. Так и передай нашим... Есть еще дело. Жена Керенского живет тут у вас, в Кочпоне?

— Тут. А что?

— Мне нужно сегодня повидать ее по важному делу. — Латкин тронул ногой валявшуюся газету и нахмурился. — Как бы встретиться с Керенской? А?

— Ох, не знаю. Опасно. Два раза у нее были обыски, — попытался возражать Гыч Опонь, но Латкин резко его одернул:

— Пойми: это необходимо для нашего дела.

— Да я ничего... Коли надо, могу сходить, пригласить на чашку чая. Благо, сегодня воскресенье. Ты, Степан Осипович, как стемнеет, приходи к нам. Только, ради бога, осторожнее!

— Когда снова стану председателем управы — не забуду тебя. Тогда не таким кирпичным сарайчиком помогу обзавестись. Завод по-

строишь! — щедро сыпал обещания Латкин, провожая Гыч Опоня. Притаившись за кустом, он долго не спускал глаз с возка, пока тот не скрылся за поворотом дороги.

3

В воскресенье с утра Домна отправилась в Кочпон. Ее давно тянуло повидать подружек. Летом она так и не смогла выбрать свободное время: с матерью и сестрой на чужих полях сгребала сено, таскала конны, помогала комбеду в учете урожая.

По делам комбеды ей нужно было повидать и Макара, старого знакомого по кирпичному заводу Гыч Опоня.

Макар оказался дома. Он был все такой же. Усы по-прежнему торчали воинственно, словно пики. И нога-деревяшка все так же угрожающе постукивала.

Макар был руководителем комитета бедноты. Он с воодушевлением стал рассказывать Домне о своей работе.

— Главное в нашем деле, — говорил Макар, — своевременно учесть на полях урожай. Все излишки — на сыпной пункт, в общественный амбар. Потом разделим нуждающимся.

— А если кто откажется везти хлеб? — вспомнив разговор в вагоне, спросила Домна.

— Если человек не хочет делиться излишками хлеба с голодающими, тогда... надо заставить! Комбедам дано такое право. Борьба с голодом — теперь главная задача. Читала воззвание Ленина?

— Кулаки прячут хлеб, в лес везут, в ямы хоронят, — сообщила Домна про повадки богатеев своего села.

— И у нас такие, — подтвердил Макар. — Взять того же Гыч Опоня.

— У этого, думаю, старого хлеба еще немало, полдеревни можно его запасами год кормить!

— Знаем, есть у него запасы, но куда он попрятал — найти не можем. Нету, говорит, у меня, и все.

Они долго еще беседовали. Макар расспрашивал, как ездил Домна, чего насмотрелась в Питере.

— Слыхала, какое злодейство совершили наши враги над Лениным? Чуть жизни не лишили! — Макар возмущенно потряс кулаком. — Я бы им головы поотрывал!..

Домна нахмурилась.

— Выздоровеет, — успокоил девушку Макар. — Без него нам никак нельзя...

Жена Макара угостила гостью жареной рыбой, пойманной хозяином на озере. Жаренка

была пресной, без соли. Семья Макара, видеть, тоже жила в нужде. Без соли были зажарены и грибы. Однако Домна не успела их отведать. На улице поднялся шум, послышались крики: — Эй, мужики! Скорее на помощь! Выходите все, быстро!

Выбежав на улицу, Домна прислушалась. В верхний конец села бежали мужики, бабы, дети.

— Что случилось? — спросила Домна у рыжебородого мужика, который, подняв, как секиру, колодезный черпак, спешил вслед за другими.

— Читские бьют наших, кочлонских! — бросил на ходу рыжебородый и крикнул выглядывавшему в окно мужику: — Эй, Софрон! Выходи на помощь! Дадим жару читским! Скорее!..

Домна тоже собралась было бежать к месту драки, но Макар остановил ее:

— Ты, дочка, лучше не суйся туда. Там сынки богатеев перепились и мордобой затеяли. Сид девать им некуда. Самогон варить хлеб у них есть, а вот помочь голодающим — не хотят...

Уже смеркалось, когда драчунов утихомирили и жизнь в селе потекла своим чередом. Пожилые разбрелись по домам, а молодежь осталась петь песни.

На широком лугу около церкви слышался девичий смех. Туда направилась и Домна. Многие из здешних девчат она знала: с одними месила глину Гыч Опоню, с другими встречалась на посиделках.

Девушки были одеты по-праздничному: в цветных сарафанах, в пестрых платьях, в нарядных платочках, с яркими лентами в косах. Все загорелые после летних работ в поле, с натруженными, мозолистыми руками и все же веселые. Домна присоединилась к ним. Вскоре она громко смеялась, сыпала шутками и прибаутками, которых набралась от бойких фабричных девушек.

— Споемте, девчата, про ласточку! — предложила Домна. — Соскучилась я по этой песенке. — И, не дожидаясь других, начала грудным голосом:

Надо ласточку словить,
В клетку надо посадить...

Пели, водили хороводы. А когда сумерки стали сгущаться, вздумали играть в прятки. Заводилый и тут была Домна.

Прикрыв глаза рукой, она стала считать. Девушки рассыпались в разные стороны, прятались за угол бани, за ближайшую поленницу дров. Кто где сумеет. Быстроногая Клава побежала к дому Гыч Опоня, притаилась у крыльца.

Взгляд с трудом различал отдельные предметы. Дома громоздились серыми глыбами. Нелегко в такую темень разыскивать подружек. Но Домна не унывала. Захваченная интересной игрой, она осторожно продвигалась от поленницы к бане, прислушиваясь к каждому шороху.

Уже многих она нашла. Осталась Клава. Эта обязательно заберется в такое место, с собакой не разыщешь. И все же Домна нашла ее и, схватив за подол сарафана, радостно крикнула:

— Чур, попалась!..

— Тс-с... — И Клава зашептала: — В этот дом вошел человек, через огороды пробрался, задами.

— Мало ли шатается. Может, кому самогону выпить захотелось? У Гыч Опоня всегда есть... Пошли к девчатам...

— Нет, нет! Он озирался, словно вор.

— А ты не видела его в лицо?

— По одежде он показался мне чужим. Таких у нас на селе нет.

— Кто же это? Хороший человек не будет прятаться от людей. Видно, темное дело его привело сюда, — сказала Домна. — Может, беглый из тюрьмы? Или вор?.. А в окне-то, гляди, свет виднеется. Значит, хозяева дома.

У Гыч Опоня горела лампа. Окна были занавешены, и в одном пробивался свет.

Девушки крадучись подошли к поленнице дров под окном.

— Ты останься здесь, — сказала Домна. — Покарауль. Я посмотрю...

С ловкостью белки она вскарабкалась на поленницу и прильнула к холодному стеклу. В просвет между занавеской и косяком она увидела стол с самоваром, сахарницу, тарелку с румяными шаньгами.

Наискосок к окну, за столом, сидела женщина с темными пышными волосами, в светлой блузке с кружевным воротником. Домна узнала ее: это была Керенская.

— Ну и чудеса! — удивилась Домна. — Керенская в гостях у Гыч Опоня! Такое и не придумаешь...

Домна знала, что Керенская живет в Кочпоне, бывает в городе, на базарах. В местной газете «Зырянская жизнь» даже промелькнула заметка о том, что жена Керенского швыряется на рынке деньгами, помогая спекулянтам взвинчивать цены.

«Все-таки что ей понадобилось у Гыч Опоня?» — недоумевала Домна, стараясь разглядеть второго человека, сидевшего спиной к окну. Ясно было одно, что мужчина этот не Гыч Опонь и не его зять Ладанов.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Клава.

Домна приложила палец к губам и едва слышно ответила.

— Тише...

Ждать пришлось довольно долго. Уже начали затекать ноги и даже в глазах зареяло.

Но вот неизвестный протянул Керенской руку и повернулся. И тут Домна увидела его лицо. От неожиданности она чуть не вскрикнула: это был Латкин. На днях Усть-Сысольская Чрезвычайная комиссия объявила в газете о розыске Латкина, а он как ни в чем не бывало в Кочпоне. И Керенская с ним.

Домна не слышала, о чем они говорили. А так хотелось. От Керенской и Латкина добра не жди. Не зря они ночью сошлись у Гыч Опоя.

Девушкам, игравшим в прятки, видимо, надоело ждать, и они стали звать:

— Домна-а-а-а!

«Все дело испортят!» — встревожилась Домна и снова прильнула к окну. В это время открылась наружная дверь и кто-то стал спускаться с крыльца.

Домна и Клава притаились за поленницей.

Некоторое время человек прислушивался, затем дошел до угла, огляделся, но девушек не заметил. Затем он отошел к изгороди, постоял, кашлянул негромко. Домна узнала Гыч Опоя. Видимо, он поглядывал, не грозит ли беда ночному гостю. Потоптавшись у крыльца, Гыч Опонь вошел в дом. Звякнула задвижка, и снова стало тихо.

Девушки легко вздохнули.

— Кого я там видела! — сказала Домна.

— Кого?

— Керенскую! И Латкина... Скрывается от Чека. Ты, Клава, побудь здесь, смотри в оба! Понимаешь? Если кто выйдет, примечай — кто и куда. А я побегу к Макару, сообщу...

И Домна словно растаяла в темноте.

4

В горнице Гыч Опоя Латкин и Керенская беседовали вполголоса у чуть шумевшего самовара.

Латкин держался почтительно. Шутка сказать: рядом сидела супруга того, кто еще недавно был правителем России.

Не спеша, чуть глуховатым голосом Латкин обрисовал общую обстановку в городе и уезде, изложил свои мысли о том, что после покушения на Ленина большевики повсюду усилили бдительность. Поэтому будет разумным пока не начинать активных действий. Затем он рассказал о своем плане установить связи с союзниками, получить оружие. Тогда можно повести актив-

ные действия в районе Вычегды, а оттуда начать свержение большевиков по всему краю.

— Между прочим, — продолжал Латкин, — у нас есть время подумать о деталях будущего устройства жизни на Севере. Я бы хотел, уважаемая Ольга Львовна, просить у вас протекции или рекомендации в связи с моей поездкой в Архангельск. Вы — известная личность, вас знают повсюду. Пусть будет всего несколько слов. Но они окажут мне услугу, облегчат мою миссию. Эти соображения и заставили меня беспокоить вас, уважаемая Ольга Львовна...

Керенская долго размешивала чай.

— Степан Осипович! — начала она, немножко рисуясь. — Вы, конечно, знаете: я живу здесь, можно сказать, на положении полнейшего остракизма. — Она почти весело рассмеялась. — Слово князь Меншиков в изгнании. Помните картину Сурикова «Меншиков в Березове»?

— О да! — с деланной улыбкой отозвался Латкин.

Керенская вздохнула. Ее лицо приняло страдальческое выражение. Ей, по-видимому, нравилась роль гонимой. Она кротко улыбнулась.

— Теперь я — только мать. Я обещала не заниматься политикой. Скажу прямо, не хочу участвовать ни в каких заговорах.

— Но, уважаемая Ольга Львовна, я прошу оказать самую незначительную помощь. — Пальцы Латкина выбивали нервную дробь по коробке спичек, которую он вертел в руках, не решаясь попросить разрешения закурить.

— Я не могу рисковать в моем положении. У меня были дважды с обыском и в любой момент могут снова нагрянуть. Следят за каждым моим шагом. Поймите, у меня дети, я мать...

— Даю слово, Ольга Львовна, этот наш разговор останется между нами. — Латкин по-актерски прижал руку к сердцу. — Сегодня ночью меня уже здесь не будет!

Керенская посмотрела на дверь, прислушалась. Кругом было тихо. Конечно, она не могла предположить, что в это время за ней наблюдали зоркие глаза Домны.

— Я вам верю, — наконец проговорила Керенская. Голос ее стал строже. — Слушайте же. Скажу очень кратко. В Мурманск прибыл крейсер — два английские и американский. Высажен большой десант союзных войск. Мурманск в наших руках. В Архангельске американские, английские и французские войска. Главнокомандующим союзными войсками на Севере России назначен английский генерал. Готовится большое наступление на Москву.

Посольский корпус из Вологды перебрался в Архангельск. Такова в общих чертах обстановка... Приедете в Архангельск — узнаете больше. А что касается рекомендаций?... Будет лучше и для вас, и для меня, если я вам их не дам. Бережного бог бережет... — Керенская улыбнулась. — Я дала слово не вмешиваться в политику и намерена держаться этого правила. Ломаю голову над тем, как вытравиться в Архангельск. Не знаю, как вы доберетесь, но мне это сделать чрезвычайно трудно! У меня трое детей, за каждым моим шагом следят...

— Значит... не будет рекомендательного письма? — сдвинув брови, спросил Латкин. — Жаль, очень жаль. Я так надеялся, Ольга Львовна!..

— Я, конечно, сожалею, но... — Керенская конкетливо пожала плечами, поднесла к глазам золотые часики, висевшие у нее на груди на золотой цепочке и, накинув на голову теплый оренбургский платок, поднялась со стула. — Извините, господин Латкин, меня ждут дети.

Латкин понял: от этой самоуверенной женщины ничего не добиться. Обругав ее про себя, он встал и сухо поклонился.

— Не смею вас больше беспокоить.

— Пойдите... — Керенская поднесла руку к виску, отставив палец, затем вынула из рукава блузки надушенный кружевной батиновый платочек, подала его Латкину. — Возьмите! Он с моим вензелем... В Архангельске разыщите князя Гарина. Новгородский проспект, тридцать восемь. Покажите ему, скажите: от моего имени. Он свяжет вас с нужными лицами.

— Благодарю вас! — поклонился Латкин, пряча платок.

— До встречи в Архангельске, а еще лучше — в Петрограде!

— Искренне благодарю за добрые пожелания! Спокойной ночи, Ольга Львовна!

Проводив женщину до крыльца, Латкин вернулся в комнату, повертел в руках дамский носовой платок, бережно засунул его в карман. Осторожно, словно рысь, он подошел к окну, прислушался. На улице было спокойно.

«Нажется, все обошлось благополучно!» — вздохнул он. Вдруг ему бросился в глаза отгннутый угол одеяла, которым было занавешено окно. Он торопливо прикрыл щель и лишь после этого негромко постучал в дверь соседней комнаты. В сером френче без погон вышел Ладанов, зять Гыч Опоня.

— Вы кончили, Степан Осипович? — вполголоса обратился он.

Латкин искоса бросил взгляд на открытую настежь дверь, словно там еще могла быть эта

самонадеянная женщина, оставившая после себя запах дорогих духов.

— Свидание кончилось, да толку мало, — сказал Латкин. — Можно сказать, напрасно тащился сюда. Ожидал большего. Особа напуганная. Ну да ладно, бог с ней... Мне пора уходить.

— Разве не останетесь ночевать? — будто с огорчением спросил Ладанов. В глазах его застыло напряженное ожидание, когда же наконец уйдет опасный гость?

Латкин продолжал стоять в нерешительности. Соблазняла перспектива провести ночь под крышей, выспаться. В окна стучали капли дождя, слышался тревожный шум деревьев. Конечно, было бы хорошо забраться под теплое одеяло, потянуться и, сладко зевнув, закрыть глаза, забиться...

— Нет! — отрезал он. — Лучше мне уйти немедленно.

— Куда?

— Решил пробираться в Архангельск.

— Трудно. Повсюду патрули на дорогах, — сочувственно предупредил Ладанов.

— Дороги — не единственный путь. До Айкино можно на лодке; а дальше — на Удору, волчьими тропами. Добраться бы до Лешуконского тракта, а там до Архангельска — рукой подать...

Латкин подошел к столу, поманил к себе Ладанова:

— Алексей Архипович! Можно на тебя положиться?

— Почему же нет, Степан Осипович?

— Знаешь Прокушева? В военкомате работает...

— Капитана Прокушева? Мы с ним в одном запасном полку околачивались. Купеческий сынок...

— Не об этом разговор, — с досадой отмахнулся Латкин. — Передайте Прокушеву, что я ушел из этих мест. Пусть работает на прежнем месте, старается. Важно зарекомендовать себя сторонником новой власти. Чем больше ему будут доверять, тем лучше для нас.

— Понятно, — кивнул Ладанов. Его продолговатое лицо еще более вытянулось, покрылось красными пятнами.

— Пусть ждет меня. Я скоро вернусь. Обязательно вернусь! — как бы угрожая кому-то, повторил Латкин. В его глазах сверкнули недобрые искорки. — Тогда я отблагодарю и вас с папашей за все оказанные услуги. Передай привет Потопову и всем нашим.

— Желаю удачи, Степан Осипович!

Ладанов вышел вслед за гостем из горницы. В темных сенях навстречу им бросился встревоженный Гыч Опонь. Осипшим от страха голосом он зашептал:

— Кто-то идет сюда! Вот крест святой! Слышал шаги на улице!.. В те двери лучше не выходите. Через сарай...

Ладанов, схватив Латкина за руку, вывел на улицу.

По бревенчатому настилу — взвозу — скользнула черная тень человека, мелькнула на фоне новой двери амбара и скрылась за баней. В ту же минуту послышались возбужденные голоса:

— Хозяин, открывай!

В сени ввалилось несколько человек во главе с Макаром. Среди них были Домна и Клава.

— Кого вам? В доме чужих нет. — Гыч Опонь перекрестился.

— Почему самовар в горнице? Кого угощал?

— Приходила Керенская посидеть. Чаевничали. Разве нельзя?

— Еще кто был? — строго спросил Макар.

— Никого больше! Вот крест святой!

— Я своими глазами видела, — сказала Домна. — Хитришь, хозяин. Вот на этом стуле он сидел...

— Кто сидел? — возмутился Ладанов.

— Кого Чека разыскивает — Латкин.

— Боже милостивый! — развел руками Гыч Опонь. — Как он мог попасть сюда?

— А кто сидел на этом стуле?

— Я беседовал с Керенской! Обозналась, девушка! — сказал Ладанов.

— Неправду говорят. Надо искать. Он должен быть здесь, — твердо заявила Домна.

— В дверь он не вышел. Я караулила. А женщина, верно, ушла.

— Все осмотреть! — приказал Макар.

Осмотрели дом, сарай. Домна и Клава не поленились пройти с фонарем в хлев. Заглянули в конюшню, в баню, обошли вокруг дома. Латкина не было.

Прочесывая окрестные места ночью было бессмысленно — в стогу сена искать иголку.

В ОСИНОМ ГНЕЗДЕ

1

Весной 1919 года Архангельск был похож на взбудораженное осиное гнездо. В нем скопились американские, английские и французские войска со штабами. Здесь же находились белогвардейские офицеры и солдаты во главе с генералом Миллером, послы и консулы союзных держав, управлявшие контрреволюционными заговорами. Оккупированный город был наводнен агентами иностранных фирм, коррес-

пондентами, спекулянтами. Жизнь здесь была торопливая, лихорадочная. Бойко работали рестораны, увеселительные заведения. В одну ночь возникали акционерные компании с сомнительными капиталами, закупочные конторы, товарищества. И все стремились поскорее урвать куш побольше, а там хоть трава не расти.

Здесь обреталось и так называемое Северное правительство, возглавляемое болезненным старичком, эсером Чайковским. Под его крылышком нашел приют и скрывающийся от Усть-Сысольского ЧК авантюрист Латкин.

Пробравшись в Архангельск, Латкин сразу же сочинил докладную записку на имя правительственного комиссара с проектом свержения большевиков в Усть-Сысольске. В Архангельске в эти дни было немало прожекторов, носившихся с самыми фантастическими планами «спасения отечества», и Латкину пришлось довольствоваться обещанной ролью агронома в Мазенском уезде. Так и захирел бы он там, если бы не надушенный платочек Керенской. С его помощью Латкин был извлечен из политического небытия и назначен на должность чиновника особых поручений. «Правительство» Чайковского пустилось во все тяжкие, печатало бумажные деньги, ничем не обеспеченные. Да и чем было обеспечивать их, когда интервенты неустанно вывозили все, что успевали награбить: лес, пушнину, лен, пеньку, смолу, марганцевую руду.

Интервенты не спешили с формированием отряда для Латкина. Их мало интересовала докладная записка какого-то там председателя земской управы, просившего направить на Вычегду специальный отряд, чтобы ликвидировать там Советскую власть. Внимание интервентов целиком поглощали планы захвата Москвы и Петрограда. Прошлой осенью и этой зимой они не раз предпринимали отчаянные попытки наступления по железной дороге на Петроград и по Северной Двине на Котлас, намереваясь затем пробиться на Вятку, соединиться с армией Колчака. Но части Красной Армии мужественно защищались, парализуя наступление врага. На Двине храбро сражалась речная флотилия Павлина Виноградова. И где-то там, на Двинском фронте, в составе Ижмо-Печорского полка воевал против интервентов балтийский матрос Прокопий Юркин.

Весной 1919 года интервенты снова задумали провести на Двинском фронте наступательные операции.

В один из холодных и ветреных дней в начале июня в устье Северной Двины стал на

якорь английский крейсер. На нем прибыл новый командующий союзными войсками. Человек молодой, энергичный, он сумел зарекомендовать себя в Африке. Вместе с ним прибыли новые контингенты войск, танки, гидропланы, газометы, бронированные канонерки.

Над городом, изукрашенным союзными и трехцветными царскими флагами, плыл колокольный звон. Набережная Двины была переполнена чиновниками, кушачами, лесопромышленниками, белогвардейским отребьем.

В рабочих районах города — Соломбале, Маймаксе, Бакарице, Исакогорске — стояла настороженная тишина. На судоремонтных, канатных и лесопильных заводах, на лесоприборах распоряжались прежние хозяева — лесопромышленники, акционерные общества и компании. С приходом интервентов рабочие слободки выжидающе молчали. Многие рабочие ушли в партизанские отряды, чтобы с оружием в руках сражаться против чужеземных захватчиков, или же томились в казематах губернской тюрьмы, в каменных подвалах портовой биржи да в каторжном лагере на острове Мудьюг.

В толпе ликующей буржуазии, наводнившей набережную, находился и Латкин.

Гремела музыка. Мимо генерала, стоявшего с надменно поднятой головой, маршировали войска. С грохотом ползли невиданные железные чудовища — танки, и от их движения звенели стекла в домах. Над Двиной завывали аэропланы. Они, как хищные коршуны, носились в воздухе, словно высматривая жертву.

— О'кей! — одобрительно покачивал седой головой американский посол.

— О! Эти парни покорят хоть кого! — хвалился, посасывая трубку, тощий, с длинным хрящеватым носом английский консул.

Вся эта трескотня парада была затеяна для того, чтобы показать мощь и силу экспедиционного корпуса, его вооружение и технику, запугать противника, подавить его волю к сопротивлению.

После парада новый главнокомандующий велел собрать белогвардейских журналистов. Он заявил:

— Теперь в моих руках все. План мой простой и рассчитан на то, чтобы использовать летнее время и перевести базу русской армии из Сибири в Архангельск. Перебросить из Англии в Архангельск войска, снаряжение, грузы. Вы понимаете, какие материальные и стратегические преимущества заключаются в перенесении базы из Сибири в Архангельск! Как только прибудет другая половина моих войск, я двинусь вверх по реке на Котлас и захвачу его. В этом я совершенно уверен!..

Английский генерал был кумиром в глазах архангельской буржуазии и белогвардейцев. Они с восторгом внимали его щедрым обещаниям.

На параде буйная радость охватила и Латкина. Он кричал «ура» и твердо верил, что наступает его день. Только что сообщили ему, что после парада его будут ждать в канцелярии правительственного комиссара. Вспомнили о нем. Конечно, неплохо и в Архангельске, но что это за пост — чиновник особых поручений! Вот когда он очистит от большевиков свой край, разве такое его ждет?! Тогда можно будет подумать и о планах Потопова. А что? Чем черт не шутит! Стать во главе нового государства...

Как только закончился парад, Латкин направился по главному Троицкому проспекту к Немецкой слободе — в самую оживленную, деловую часть портового города.

Улицы пестрели флагами. Штыки чужеземцев не пугали Латкина. При виде их он чувствовал себя увереннее, зная, что за ними он в совершеннейшей безопасности.

В Немецкой слободе разместились консульства и канцелярия правительственного комиссара Чайковского. Его не оказалось на месте. По случаю прибытия нового главнокомандующего он отправился на прием. В канцелярии Латкину сообщили приятную новость: его просьба удовлетворена. В скором времени на Выгегду будет направлен особый отряд.

Решив отметить это событие, он вспомнил своего шефа, князя Гарина. Позвонив в комендатуру контрразведки, Латкин разыскал князя и договорился встретиться в ресторане «Артика». Гарин предупредил, что в ресторане надо заранее занять столик — ближе к эстраде.

2

Кудрявый, разбитной извозчик Митька Гернет — обрусевший голландец, мигом домчал Латкина на своей пролетке «на дутиках» с мягкими рессорами.

Его встретил веселый гул. Ресторан был переполнен, но Латкин все же разыскал свободный столик возле эстрады.

Вступал цыганский хор. Молодая цыганка, увешанная монистами, задорно вскрикивала высоким гортанным голосом, трясла плечами и била в бубен.

— Добрый день! — окликнул его Гарин. — Цыганами увлекаетесь? Настоящие цыгане — в столице! Здесь — балаган!.. — Выпив залпом бокал вина, Гарин устало сказал: — Тяжело работать. Допросы, допросы! Приходится

вытягивать каждое слово. Отвратительный народ! Хамье!.. Были на параде?

— Внушительно, — сказал Латкин с увлечением, — танки, аэропланы!..

— А как главнокомандующий?

— Напористый, хотя и молодой... Именно тот, кто нам нужен.

Разговор зашел о Керенской.

— Мы знакомы по Петрограду, — шура подслеповатые глаза, рассказывал Гарин. — Женщина энергичная, любила соваться не в свои дела и даже занималась переговорами с послами через голову мужа. Гм-гм... Надо сказать, Александр Федорович все же больше был артистом, чем государственным деятелем. По этой причине и докатились мы до такого состояния: все перемешалось, сбилось, расстроилось, ничего не поймешь. Сам же смысл, предоставив нам расхлебывать отвратительную кашу.

Гарину было около пятидесяти, но выглядел он значительно старше. Глаза потускнели, точно у старика. Выбритая до блеска голова была похожа на гусиное яйцо, к которому приставлены торчащие уши. В каждом его движении чувствовался барин.

В ресторане становилось оживленнее. Цыганок сменили полуголые танцовщицы. Они так лихо виляли бедрами и взмахивали ножками, что офицеры, сидящие ближе к эстраде, встали, как по команде, и, громко аплодируя, кричали «браво!».

Танцовщицы произвели впечатление и на князя Гарина. Он, томо улыбаясь тонкими губами, тоже зааплодировал, еле-еле касаясь кончиками пальцев. Латкину особенно понравилась белокурая танцовщица, чем-то напоминавшая устьсысольскую купчиху.

Недалеко от эстрады остановился пехотный капитан. Он оглядывался, высматривал свободное место.

— Здравия желаю! — хрипловатым баском поздоровался он с Гариним.

— Присаживайтесь! — кивнув на свободный стул, предложил князь. — Знакомьтесь: господин Латкин, чиновник особых поручений.

— Рад познакомиться! — звякнул шпорами Орлов и мгновенным взглядом будто вывернул наизнанку Латкина. — Слышал о вас, знаю.

— Мы обмываем его новую должность при губернаторе. Прошу, капитан, поддержать нас! — предложил князь, движением брови подзывая официанта.

— Весьма рад! — буркнул Орлов, усаживаясь. Гарина несколько не смутило суховатое обращение бывшего жандармского ротмистра.

Официант поставил новый прибор и наполнил бокал ромом. Орлов осушил его, не по-

морщившись. Да, это был прожженный забулдыга, службист.

Латкин, выждав немного, обратился к Орлову:

— Смею спросить, где вы могли обо мне слышать, господин капитан?

— В штабе. Вы подавали правительственному комиссару докладную записку?

— Да, я писал, — сказал Латкин.

Орлов повернулся к Гарину.

— Вы позволите, князь?

Тот, занятый эстрадой, бросил коротко:

— Прошу вас. Не стесняйтесь...

— Нам следует ближе познакомиться, — глухо, с хрипотцой сказал Орлов Латкину. — Будем вместе сотрудничать. Если не трудно, изложите основные положения вашей докладной. На что вы рассчитываете?

— Я прошу направить на Вычегду вооруженный отряд. Дело в том, что в Усть-Сысольске у меня есть люди, которые помогут нам взорвать оборону города изнутри... Это не считая тех сил, которые примкнут к нам, как только большевики будут изгнаны.

Капитан Орлов молчал, что-то обдумывая, потом сказал:

— Решено послать туда отряд. Командовать поручено мне.

— Правда? — Латкин, схватив руку капитана, горячо ее пожал. — Позвольте узнать, большой отряд? Когда выступать?

— Отряда еще нет. Его надо создать. Будем вербовать добровольцев. Желательно из зырян. Отряд будет назван особым вычегодским. Вам придется помочь в формировании отряда...

— Приложу все силы! Но где найти добровольцев?

Орлов сдвинул лохматые брови.

— Где? Тюремные камеры переполнены пленными и другим народом. Пообещаем хороший паек, жалованье, обмундирование, льготы и прочее. Думаю, найдутся желающие обменять тюрьму на отряд. Главное, создать ударную единицу! Начнем действовать, примкнут новые силы. Вы же пишете в своей докладной, что там нас ждут.

— Народ примкнет, но понадобится оружие.

— Оружием и прочим снабдят союзники.

— Тогда, смею заверить, нас примут с хлебом-солью, с колокольным звоном.

Латкин стал излагать, на какие силы он рассчитывает, упомянул о капитане Прокушеве, о Союзе духовенства и мирян, которым руководит Потопов, высказал несколько соображений, где и какими дорогами лучше двигаться отряду.

— Господа! Предлагаю выпить за победу! — закончил разговор Латкин.

Позже Латкин, разыскав белокурую танцовщицу, довольный и словно помолодевший, кружился с ней между столиками в вальсе.

— Белокурая русалочка, фея, мечта, ничего для тебя не пожалео, ничего, — шептал он.

3

Хороши последние августовские дни на севере! Днем на солнце припекает, на полях тепло, а в лесу разлита прохлада.

Особенно приятно в сосновом бору, гулко и светло. Сосны тут прямые, высокие, чуть покачивают вершинами, словно перешептываясь о чем-то между собой. Аукни — со всех сторон, передразнивая тебя, отзовется лесное эхо. А спустишься к болоту, там морошка стелется пестрым ковром, ягоды желтые, сочные, спелые — удержаться невозможно.

...Жарко. В горле пересохло, напиться бы.

В низине, заросшей темно-зелеными пихтами, журчит ручеек, ныряет под замшелую колодину и бежит дальше. А Проне так хочется пить! Он тянется пересохшими губами к холодной струе, пьет и никак не может напиться... И вдруг оглушительный удар грома. Потемнело все вокруг, дышать трудно и тяжело. Парень хочет вскрикнуть — и не может.

...Открыл глаза, приподнял голову. Пробуждение было безрадостным: грязные нары, обитая железом дверь, на окнах решетки. Да, он не в родной парме, а в архангельской губернской тюрьме. И не гром грохочет, а тюремщики в тяжелых сапогах с подковами топают по гулким коридорам, с шумом открывают и захлопывают двери камер.

— Опять, видно, контрразведчики шныряют, — прислушиваясь к глухому шуму, сердито сказал рабочий в замасленной куртке.

— На Мхи¹ отбирают, — отозвался с нар другой, в форме железнодорожника. — Одна у них работа...

В тесной, сырой камере их девять человек: красноармейцы, рабочие, железнодорожники. Они избиты, с багровыми кровоподтеками. Одежда корчится от спешейся крови. В углу нар стонет совсем еще молодой паренек. Он лежит пластом, надрывно кашляет кровью.

Проня вспомнил, как вчера его самого водили в тюремную канцелярию на допрос. Там были двое из контрразведки: английский лей-

тенант Бо, неплохо говоривший по-русски, и капитан Гарин.

— Кто ты такой? — спрашивал Гарин. Лейтенант вертел в руках стек и курил сигарету. — Как звать тебя?

— Юркин. Прокопием прозываюсь. Пронькой.

— Разведчик?

— Я темный зырянин, по-нашему — коми. — Пронька шмыгнул носом и утерся кулаком. — Не шибко понимай русский, знай только «Отче наш» да «Дева днесь». Хочешь — могу говорить молитву...

— А крест есть? Покажи крест!

— Крест? Был, да оторвался. Один ваш солдат брал меня в плен. Так шибко дернул — шею чуть не сломал. Он и оторвал. А крест был. Такой большой да медный! Еще бабушка надевала. Говорила: не теряй, дитятко! Вот и не теряй! Ваш солдат такой сердитый, вроде медведя, так лапнул!..

— Молчать! Хватит молоть, болван! — оборвал его Гарин и брезгливо перевернул плечами. Кивнул головой в сторону простоватого на вид Проньки, сказал лейтенанту: — Чурбан осиноый! Самоедина!..

Лейтенант заглянул в бумагу на грязном тюремном столе и сухо бросил:

— Согласно донесению — разведчик...

Со стеком в руках он подскочил к Проне и, уставив на него колючие глаза, закричал:

— С каким заданием был послан? Ответь!

— Куда посылали? Вызывали, сказали: иди, Юркин, походную кухню искать, в лесу потерялась. Кухню Пронька любит, там вкусный каша варят. И пошел. А там ваши повстречались...

Проня не стал бы рассказывать, что, посланный в разведку, он шел впереди отряда дозорным. Встретив в лесу группу солдат без погон, он принял их за красноармейцев. Особенно его ввел в заблуждение один из них, с сумкой с красным крестом, которого Проня принял за своего санитаря, и, нисколько не опасаясь, пошел к ним навстречу. Свою ошибку он понял лишь тогда, когда переодетые белогвардейцы, звякнув затворами, крикнули:

— Руки вверх! Бросай оружие!..

Солдат с санитарной сумкой выбил из его рук винтовку, ударил прикладом в грудь. Проня полетел на землю. Он пытался дотянуться до гранаты, висевшей на поясе, но на него навалились, стукнули прикладом по голове, и он потерял сознание. Когда очнулся, все было кончено: товарищи, отстреливаясь, успели скрыться. Проня остался в руках вражеских солдат. Вместе с другими пленными его на

¹ Мхи — окраина Архангельска, где интервенты и белогвардейцы производили массовые расстрелы.

пароходе привезли в Архангельск и бросили в тюрьму.

На допросе он ничего лучшего не смог придумать, как сочинить историю с пропавшей кухней. Если уж так глупо попал в руки врага, то пусть за дурачка и сойдет. А он умел прикидываться глуповатым. Жизнь в чужих людях всему научит. Сумеет ли он провести контрразведчиков — неизвестно. Но сознаться опасно и глупо. Таких немедленно уводили за город, на болото у Немецкого кладбища. Там не одну сотню людей расстреляли. Все это знал Проня от товарищей. Он стоял с глуповатым видом и ковырял в носу. Однако английский лейтенант неплохо знал свое дело, он не верил Проне и продолжал выпытывать:

— Кто ваш командир?

— Командир? Есть какой-то! Лицо худое. Как зовут — не знаю. Не знаком с ним. Где мне все знать?

— Не знаете? Прикажите пощекотать его, капитан! Может, вспомнит...

Проню били, выворачивали руки, пинали сапогами в лицо, в грудь. Лейтенант под конец вышел из себя и огрел стеклом так, что левая рука Прони повисла, как плеть. И все же Проня ничего не сказал.

Прислушиваясь к тяжелым шагам стражи, он вспоминал допрос в тюремном застенке.

Прошло несколько томительных минут. Загремели замком. В камеру вошли тюремщики, заорали:

— Встать! Построиться вдоль нар! Будет говорить большой начальник.

Стащили с нар и молодого красноармейца, стонавшего в углу. Затем в камеру вошел человек в легком дорогом пальто, в шляпе. Проня взглянул на него и глазам не поверил: Латкин!

«Чудеса! — с удивлением подумал Проня. — Как же он попал сюда? И что ему здесь надо?..»

Но Латкин вскоре сам выложил, зачем он пожаловал... Свою речь он закончил призывом:

— ...Формируется особый вычегодский отряд, записывайтесь в него! Командует отрядом смелый и отважный капитан. Вам дадут хорошее жалованье, отличный паек, новое обмундирование... Старые грехи простят... Отряд идет освобождать Коми край. Поэтому в первую очередь будем записывать зырян. Есть желающие?

Латкин приблизился к заключенным, вскинул рыжие брови и выжидающе молчал. Обитатели камеры тоже молчали. Заметив среди заключенных Проню, Латкин на миг задержал на нем свой взгляд.

— Нет желающих? — строго спросил он. — А вот с тобой, парень, я встречался в Усть-

Сысольске. Ты приходил в управу? Хлеб выпрашивал?

— Неужто это вы, господин Латкин? — На лице Прони — глуповатая радость.

— То-то же... Ну, как? Будешь записываться в отряд?

— Я? Да нет, пожалуй...

— Почему?

— Сам видишь, господин начальник, какой я вояка. Руку не могу поднять, сломали.

— В госпиталь направим, вылечат. Через неделю снова станешь солдатом. Рука — не беда. Было бы желание...

— Оно, конечно, так, господин Латкин, но опять же нутро мое крестьянское, чужой хлеб не принимает. Вам, видать, английские галеты впрок идут. Вон как раздобрели. А мое нутро — хоть тресни: не принимает.

Латкину словно горячей золой бросили в глаза. Забегал по камере:

— Комедию ломать вздумал? Забыл, с кем разговариваешь? Да я тебя...

Раздался звон шпор. В камеру стремительно вошел Орлов в светло-серой шинели штабного офицера, в лихо заломленной фуражке, с папирсом в углу рта. Позади него виднелся Гарин.

— Что случилось? Почему шум? — спросил Орлов.

Все молчали.

У Орлова гневно дернулась щека, угрожающе шевельнулись усы.

— Надеюсь, вам все ясно растолковали? Кто согласен в особый вычегодский добровольческий отряд? Желающие — два шага вперед!

Люди стояли неподвижно. Никто из девяти человек не двинулся с места.

Орлов круто повернулся к Гарину:

— Господин капитан! Можете распорядиться...

Гарин, взяв у тюремного надзирателя список арестованных, стал вызывать:

— Бусыгин!

Железнодорожник переступил с ноги на ногу.

Гарин искоса взглянул на него.

— Списать... Коноплев? К тюленям!... Соснин?.. Это ты?.. Списать!..

Так он перебрал всех, пока не добрался до Прони.

— Его величество туземный кашевар, так, какжется?

— Разрешите попросить вас «командировать» его к тюленям, — произнес Латкин.

— О'кэй! — сказал в нос на американский манер контрразведчик. — Можно и так!

Гарин повернулся спиной к Проне и тотчас же забыл о нем.

Холодным осенним днем в трюме грязного пароходошика Проню привезли на остров Мудьюг, расположенный в Двинской губе Белого моря. По расчетам интервентов, самой природой он был предназначен для ссыльно-каторжной тюрьмы. Бежать отсюда было невозможно — кругом вода, безлюдье. Климат суровый: холодные ветры, зимой — метели. В том царстве льда и снега человек при плохом питании и тяжелой, изнурительной работе долго не выдерживал.

Каторжная тюрьма на острове Мудьюг была организована интервентами летом 1918 года, когда архангельская губернская тюрьма, каменные подвалы таможи и другие застенки уже не вмещали арестованных.

С очередной партией смертников сюда попал и Юркин.

С тоской Проня оглядывал незнакомый остров.

Над островом сумрачное, неласковое, но такое родное северное небо! Чайки с тоскливым криком несутся сквозь туманную пелену морящегося дождя. Видны дозорные вышки, крыши барачков. На южном конце острова чахлые деревья.

Шлюпка не могла подойти к берегу. Конвоиры приказали арестованным прыгать прямо в воду. Проня был моложе всех. Он первым выскочил из шлюпки и очутился по пояс в ледяной воде.

Выбравшись на сухое место, Проня почувствовал, что закован. Старая согреться, он топтался на месте, подпрыгивал, разминался. Все заключенные сбились в кучу, чтобы согреть друг друга. Бородатые конвоиры орали:

— Прекратить возню! За нарушение порядка — расстрел... Равняйся! Шагом марш!..

Голодные, закованные люди, еле передвигая ноги, направились в лагерь, обнесенный двумя рядами колючей проволоки.

Потянулись жуткие дни каторжной жизни. Проня даже предполагать не мог, что ему доведется испытать такой ад. Выполняли бессмысленную и изнурительную работу. По всякому поводу безжалостно избивали, морили в карцере. Спали заключенные на голых нарах. Им не разрешалось подстилать под себя ни травы, ни мха. Запрещалось разговаривать друг с другом.

Такие порядки установили интервенты. За тем охрану острова они передали белогвардейцам. Охрану подбирали из тех, кто отличался особой жестокостью. Возглавлял этот лагерь бывший начальник сибирской каторжной тюрь-

мы палач Судачков, не расставшийся с увесистой дубинкой.

— Я здесь царь и бог! Что хочу, то и сделаю с вами! — в исступлении кричал он заключенным.

Как-то раз и Проня подвернулся палачу под руку. Случилось это ночью. Кто-то стрелял прямо по баракам. Вскоре в помещение ворвалась банда тюремщиков во главе с Судачковым.

Начальник тюрьмы приказал вынести убитых и раненых, тщательно обыскать помещение. Он любил подобным образом забавляться по ночам, вот так неожиданно ворваться к спящим людям и перевернуть все вверх дном. Теперь же Судачков, по-видимому, опасался побега заключенных и обыск производил особенно тщательно. Заметив торчащий в стене гвоздь, Судачков схватил его сильными пальцами, раскачал и выдернул. Набросился на Проню.

— Гвозди вздумал вытаскивать!

— К гвоздям я не притрагивался. Ты же сам вытаскивал! — защищался Проня.

— В пререкания вступаешь, собака! — Судачков ткнул Проню дубинкой в грудь. — Бежать собрался! Говори, с кем готовишь побег? В карцер! На двенадцать суток!

В карцере Проня жил, как в кошмарном сне. Это была обыкновенная яма без окон, без нар, без пола. В ней было холодно, как в леднике. Ни присесть, ни прилечь.

В долгие часы одиночества он думал о том, как несладко сложилась его жизнь, как мало успел сделать. Вспоминал товарищей. Не раз вспоминал о Домне. Ему нравилась эта девушка. До самого Питера дошла в поисках своего счастья!

«Где она теперь? Чем занята, что делает? — думал он. — Ей и в ум не может прийти, что я брошен в эту яму».

На третий день его пребывания в карцере к нему втолкнули еще кого-то. Проня заметил, что это был пожилой, изможденный человек.

— Кто ты, друг? — негромко спросил он, когда дверь захлопнулась.

— Мартынов... с трудом переводя дыхание, отозвался прибывший.

— Мартынов?.. Василий Артемьевич? — От неожиданной радости у Прони перехватило дыхание.

— Я Мартынов. А кто ты? Откуда меня знаешь?

— Откуда знаю? — Проня обнял Мартынова, прижав голову к его груди и зашептал: — Помнишь, Василий Артемьевич, берег Сысолы у Красного обрыва, костер под Кочпоном?.. Ты читал нам статью Ленина. Потом хлебали уху из котелка. Такая была вкусная уха. Помнишь?..

— Постой, парень! На берегу Сысолы? Уха? Верно, хлебал уху... Проня Юркин?!

— Я, Василий Артемьевич!

Они крепко обнялись.

— Встретились мы с тобой, надо сознаться, в безрадостном месте. — Мартынов погладил парня по голове и тяжело вздохнул. — Все же я рад. Если ты здесь, — значит, крепко наперчил белогвардейцам.

— Об одном жалею, — сказал Проня. — Мало их, гадов, переколотил. Глупо в руки попался...

Он рассказал Мартынову, как все это произошло.

— Попался, как кур во щи... — закончил он сердито.

— Вперед, парень, наука, — утешил его Мартынов. — В другой раз будешь умнее.

— Теперь все, Василий Артемьевич... Живым отсюда не выбраться.

— Заранее нечего себя хоронить. Бороться надо до последнего вдоха! Я старше тебя, но надежды не теряю.

Обнявшись, согревая друг друга теплом своего тела, они заснули.

Холодный и сырой карцер породнил их. Проня теперь знал о Мартынове все: как после Февральской революции работал он на лесопильном заводе в Архангельске, был комиссаром, боролся за Советскую власть на Севере. Но пришли интервенты. Мартынов ушел в подполье, его выследили, поймали.

Перед выходом из карцера под большим секретом Мартынов сообщил Проне, что в лагере готовится массовый побег.

— Хочешь бежать вместе? — спросил он Проню.

— Еще бы! Я давно думаю об этом. Да разве одному выбраться?

— В одиночку трудно. А если всем дружно — можно!..

С тех пор Проня жил мыслью о побеге.

5

По выходе из карцера Мартынов и Проня почти не встречались: их содержали в разных бараках. Парень приуныл. Ему казалось, что побег, о котором сообщил Мартынов, по-видимому, не удался.

Между тем в лагере готовилось восстание. Предполагалось напасть на охрану, захватить пулеметы и с боем прорваться к своим, к частям красных. Но среди заключенных нашлись провокаторы. И хотя они толком ничего не знали, все же сумели сообщить Судакову, что заключенные о чем-то шепчутся по углам.

Судаков совсем озверел, лютовал день и ночь, устраивал внезапные обыски. Кое-кого схватили по подозрению, бросили в карцеры. Других отправили в Архангельск на допросы и следствие. Мартынов и Проня спаслись от этих обысков и арестов благодаря карцеру, куда попали несколько раньше этих событий. Заключенных на острове стали содержать еще строже. Весь лагерь разбили на роты, взводы и десятки...

Миновала поздняя осень, надвигалась зима. Ее холодное дыхание обжигало лица и руки заключенных. Жизнь в лагере стала невыносимой. Одежда на заключенных изнасилась. Многие ходили босиком, харкали кровью, умирали от истощения и холода.

Дальше ждать было нельзя. Надвигалась зима. Если не убьют палачи, обязательно доконают тиф и цинга. Обдумав все это, Проня решил не ждать... Пуля — так пуля. Конечно, обмануть бдительность охраны и скрыться — дело нелегкое. Еще труднее перебраться на другой берег, который отсюда не виден. Да и как? Только вплавь. А вода холодная, и плыть будет трудно. Но ведь Проня — моряк, в годы войны вдоль и поперек избородил Балтику.

Проня стал готовиться к побегу. Каждый день, по совету Мартынова, он оставлял из своего скудного пайка одну галету и прятал в укромное место: в дороге каждая крошка пригодится.

Однажды вечером Проня пошел к бочке с водой, чтобы напиться, обмануть свой пустой желудок. К нему неожиданно подошел высокий худой парень. Зачерпнув ржавой банкой воду, он шепнул:

— Завтра будь готов... Услышишь стрельбу — кидайся на стражу. Собираться на берег...

Мысли о близком освобождении и напряженное ожидание сигнала так взволновали Проню, что в эту ночь он почти не смыкал глаз...

Наступило утро, хмурое и туманное, утро поздней осени. Все было обычно, как всегда. Людей стали выводить на работу.

И вдруг прозвучал выстрел. Затем еще. Весь лагерь забурился. Заключенные бросились на своих истязателей, отняли ружья. Группа заключенных бросилась к караульному помещению. Стащили с дозорных вышек часовых. Схватка была короткой. Все же восставшие не смогли полностью овладеть лагерем. Растерявшаяся вначале охрана быстро пришла в себя и отбила атаку. Человек пятьдесят восставших вырвались из лагеря и успели добежать до берега. Там стояли карбасы, на которых крестьяне приехали за сеном для казенных лошадей.

В толпе отчаянных смельчаков был и Проня. Прибежав на берег, он зорко огляделся по сгоронам. Мартынова не было.

«Неужели погиб?» — подумал он.

С ближнего карбаса его торопили:

— Хочешь жить — садись поскорее, пока не нагрел карательный отряд!..

Вдруг он заметил, как со стороны лагеря из низинки выбрался человек и, прихрамывая, заковылял по песку к карбасам.

— Василий Артемьевич! — радостно крикнул Проня. — Сюда давай! Скорее!

Он бросился к Мартынову, подхватил его под руку.

Мартынов тяжело дышал. Крупные капли пота сбежали со лба.

— Что случилось? Ранили? — спросил Проня, обняв друга за плечи и помогая шагать к берегу.

— У главных ворот осталось человек десять убитых и раненых... Меня пуля задела в ногу... Кость, видно, цела. Перевязать бы...

— Скорее в лодку! Нас торопят, могут оставить!..

— Идем!.. — Но силы оставили Мартынова. Если бы Проня не поддержал его, он тут же свалился бы на песок. Проня взвалил Мартынова на плечи и почти бегом донес до ближайшего карбаса, затем забрел в воду и вывел грузную посудину на глубокое место.

— Полный вперед! — крикнул он, вскарабкавшись на карбас.

Вода ручьем стекала с Прони. Не успев остыть от короткой схватки с врагами, он все еще был в пылу борьбы. В груди билось сильное сердце, взволнованное первой победой.

Остров смерти остался за спиной...

ТРУДНАЯ ОСЕНЬ

1

В это утро Домна проснулась у себя в деревушке в постели матери.

— Мамук! Уже утро? — спросила она.

— Спи, детка, спи. Полежи еще со мной рядом! — ласково отозвалась мать.

— На работу бы не опоздать, — забеспокоилась Домна и поверх спинки деревянной кровати взглянула на окно. Оно было черное, рассвета еще не чувствовалось. Слышно было, как за окном посвистывал холодный осенний ветер.

— Ах, какая ты теплая, мамуля! — прижимаясь к матери, прошептала Домна и подумала с горечью: «Кто знает, когда еще удастся снова изведать домашнего уюта, материнской ласки? Может случиться, не скоро встретимся...»

Закрыв глаза, Домна притихла под негромкий говорок старушки матери:

— Ты, доченька, поспи еще. Разбужу, не бойся. Девичий утренний сон сладок. А мне что-то не спится и теперь не уснуть. Полежу еще с тобой чуточку и встану печку топить, завтрак тебе готовить.

Домна, не открывая глаз, улыбулась, подумала с нежностью: «Хитришь, мамочка! Знаю — не засыпала, а говоришь — выпалась. Ох, сколько я тебе причиняю беспокойства!..» Она плотнее прижалась к матери, пользуясь счастливыми минутами, так редко выпадавшими на ее долю за последнее время.

Лечь в материнской постели было так приятно, словно вновь вернулось детство. «Ах, годы детства, где ты, майбыр — мое счастье?..»

Домна лежала, стараясь заставить себя ни о чем не думать. Беспокоили события последних дней. Едва успели отпраздновать годовщину Октябрьской революции, как стало известно, что из лесов Удору вышел отряд белогвардейцев, более похожий на банду, нежели на воинскую часть. Отряд захватил город Яренск, занял село Айкино на Вычегде и движется на Усть-Сысольск. По слухам, возглавляли банду Латкин и жандармский капитан Орлов. Кровавый след тянулся за бандой. Каратели хватали сторонников Советской власти, пытали их, мучали, заживо закапывали в землю, расстреливали...

Усть-Сысольск переживал тревожные дни. Ревком, организованный, как только стало известно о движении белой банды, ввел в городе осадное положение. Всех коммунистов объявили мобилизованными. Оружия не хватало — оно было отправлено еще раньше на другие фронты. По приказу ревкома немедленно приступили к сбору охотничьих ружей, берданок. В помещении профтехшколы организовали отливку пуль из свинца. Навстречу банде был специально отправлен отряд красноармейцев под командой помощника уездного военкома Прокушева, в прошлом штабс-капитана.

Лежа в постели, Домна вспоминала, как всем городом провожали этот отряд к речной пристани. Отряд погрузился на буксирный пароход «Иртыш» и отправился вниз по реке. Стояли морозы, по реке плыло густое сало, вот-вот мог ударить ледостан.

Отряду было приказано: пока есть малейшая возможность, пока колеса парохода не обледенеют окончательно — плыть!

Большие надежды возлагались на этот отряд. Он должен, обязан остановить врага, не допустить захвата Усть-Сысольска.

Проводив красноармейцев, ревком приступил к формированию отряда добровольцев-партизан, чтобы иметь под руками хотя бы какую-нибудь силу для охраны города. В отряд записалась и Домна. Ее отговаривали, что это не бабье дело. Но Домна настояла на своем, и ей сказали:

— Ну что ж, пусть будет по-твоему.

Вчера вечером Домна пришла к матери и за ужином сказала о своем решении.

— О, господи! Что ты сделала, доченька? — воскликнула мать.

Домна уговаривала ее, как могла:

— Мамук, не плачь. Не надо! Вот увидишь, все будет хорошо: прогоним белых, снова вернусь к тебе, и будем жить да радоваться. Не сердись, родненькая.

Но материнское сердце предчувствовало беду.

— Тебе же, мое дитяtko, только двадцать с небольшим! Вся жизнь впереди. Разве можно так испытывать свою судьбу, играть ею?

Домна стояла на своем:

— Пойми, дорогая, если я не пойду, другой не пойдет, третий откажется — кто будет бороться с врагом? Не идти мне никак нельзя! И ты меня не удерживай и себя не терзай напрасно. Зачем преждевременно слезы лить?

«Может, лучше было не говорить матери? — раздумывала теперь Домна, лежа рядом с ней в постели. — Видать, всю ночь, бедная, глаз не сомкнула».

Но и не сказать матери о своем решении было нельзя. Кто знает, что ожидает?

Жила Домна в городе, работала курьером в уземотделе, иногда помогала уборщице. Общественные события, как вода в половодье, захватили ее и понесли стремниной. Каждый день приносил что-либо новое, еще не изведенное, от которого она не могла оставаться в стороне.

Она была приветливой, расторопной, исполнительницей, ни от каких поручений не отказывалась. Любили ее за прямоту и честность, за живой, веселый нрав. Ей частенько поручали проводить беседы среди женщин о революционной борьбе рабочего класса, о задачах Советской власти. В свободное время она читала брошюры, свежие газеты. Деятельная и жадная до знаний, комсомолка старалась использовать каждую свободную минуту, чтобы наверстать упущенное.

После работы она бежала в городской клуб или Народный дом. Там всегда было что-нибудь интересное. Затем военные занятия, субботники, митинги. С городской молодежью они организовали первую комсомольскую ячейку, не раз устраивали сбор теплых вещей для бойцов

Красной Армии. Все это до предела заполняло жизнь Домны, делало ее содержательной.

В те дни на страницах газет пламенели призывы:

«Рабочие! Крестьяне! Красноармейцы! Вступайте в ряды Коммунистической партии!»

Вместе со многими лучшими людьми Домна подала заявление о вступлении в партию. Это были самые счастливые дни в ее жизни. Могла ли она после этого спрятаться под материнское крыло, пусть уютное и ласковое, но ставшее уже тесным?

Так размышляла Домна, нежась в постели матери. Но едва забрезжил рассвет, она была на ногах.

— Ну, мама, будь счастлива! Не горюй по мне! Сестра Анна скоро вернется, тебе будет веселее с ней! Не плачь, дорогая, не терзай свое и мое сердце... Прощай! До следующей встречи, мама!

Грустно улыбнувшись, Домна утерла пальцами с материнских глаз слезы, обняла мать, прильнула лицом к ее щеке, поцеловала, еще раз заглянула в глаза и выбежала из избы, простучав каблуками сапожек по ступенькам крыльца.

Когда мать вышла вслед за ней, Домна стояла уже на дороге и, словно прощаясь, смотрела на свою избенку. Потом махнула рукой и крикнула весело:

— Иди в дом, мама! Простынешь...

Еще раз приветливо махнула рукой и побежала к городу.

Холодный осенний ветер мел поземку. Когда Домна добежала до поворота, налетел вихрь и, взметнув столбом снежную пыль, сплошной пеленой скрыл ее от матери.

Когда снежный вихрь промчался, Домны уже не было, словно он умчал ее с собой в неведомую даль.

2

В город Домна успела к началу занятий. Разделась, поправила волосы, повязала кумачовую косынку, подула на руки, потерла щеки, горевшие от холода, и еще раз оглядела себя.

Рабочий день начался обычно. Сотрудники разошлись по местам. Застучала пишущая машинка. Зазвенел телефон. В пропахшем табачным дымом помещении появились первые посетители.

Домна, управившись с делами, села в уголке и стала вышивать кисет для подарка на фронт бойцам-красноармейцам. Кисет был из голубого сатина, с кармашком для курительной

бумаги. Он был уже почти готов. Осталось вышить пятиконечную звезду и выгладить.

Неосторожным движением Домна больно укололась иголкой. Она пососала палец, чтобы остановить проступившую кровь, и заметила мужчину в шапке-ушанке из оленьего меха, какие шьют на Ижме и Печоре. Мужик смущенно топтался у порога.

— Здесь помещается земотдел? — спросил он у Домны. Что-то знакомое показалось ей в его певучем верхневыгодском говорке. Приглядевшись, она узнала его:

— Здесь, дядя Микул! Присаживайся, отдохни, погрейся у нас, — придвигая свободный стул, предложила Домна. — Какими это ветрами снова занесло тебя к нам?

— А, Домна! Здоровье тебе! По общественным делам я, доченька... Никак, здесь работаешь?

— Здесь.

— Вот как славно получилось, знакомого человека встретил. — Микул снял шапку, поправил бороду корявыми пальцами, на одном из которых тускло поблескивало широкое са-модельное медное кольцо, плотно вросшее в тело.

— Не могу ли я чем помочь тебе, дядя Микул? — предложила Домна. — Что за дела заставили тебя ехать в такую даль?

— Хочу самого главного повидать, разговор есть. Дело большое.

Викул Микул пытливо взглянул на Домну, словно оценивая, стоит ли ей рассказывать про свои заботы.

— Видишь ли, касатка, мы у себя организовали коммуны! — присев на краешек стула, начал рассказывать он.

— Коммуну? Хорошее дело, — похвалила Домна. — Расскажи.

— Мы только еще организовались. Хвалиться пока нечем.

— А как назвали коммуны?

— «Красной звездочкой»... Теперь во многих местах появились коммуны. И мы решили жить по-новому. В одиночку, однако, нашему брату не выбраться из нужды. Но для коммуны нужна земля, а односельчане говорят: сами себе раздайте пашню и сейте. Шумели, спорили, так ни к чему и не пришли. Не дали нам землю собственники! Просили мы отнятые у богатеев наделы. Мы не отказываемся и лес корчевать, новые участки осваивать, но ведь это не так скоро делается. Коммуне надо помочь стать на ноги. Может, здесь за нас слово замолвят, как ты думаешь, дочка? Да и другое еще есть дело: оружия хотим попросить. Чем будем защищаться, если белые нагрянут? А слухи хо-

дят — они на Печоре появились и на Ижме тоже. До нас не так далеко.

Домна быстро встала:

— Пойдем, проведу к начальнику!

Они вошли в кабинет.

Первое, что бросилось в глаза Домне, — это озабоченное лицо начальника, явно чем-то занятого. Все же он выслушал Викул Микула.

— Видите ли, какое дело, товарищ, — сказал начальник. — Земотдел, конечно, постарается помочь вам получить землю, но пока придется подождать...

— Зачем ждать? Нам надо навоз возить на поля. Весной сеять собираемся, — возразил Викул Микул.

Но начальник движением руки остановил его.

— Понимаю, дорогой, все понимаю. Но выслушай сначала меня: только что поступил приказ ревкома — готовиться к эвакуации. Все городские учреждения будут вывезены. В Усть-Вымь белые...

— Белые? — воскликнула Домна. — А как же отряд Прокушева, посланный из города?

— Прокушев оказался изменником, перешел на сторону белых.

— Изменил? — У Домны перехватило дыхание. — Поганая тварь!..

Сник и Викул Микул.

— А что в верховье Вычегды, не известно? — спросил он начальника земотдела.

— В Помоздино тоже белые, с Печоры пришли. Они с двух сторон наступают. Видать, действуют продуманно... Так вот, дорогой, сам понимаешь — пока придется другими делами нам заниматься: воевать!

— Вот и я насчет оружия хотел слово замолвить. Дайте нам оружие!

— У нас самих почти ничего нет. Обратись в военкомат, сходи в ревком. Возможно, найдут, чем с вами поделиться, — посоветовал начальник и торопливо попрощался с Викул Микулом.

— Ах, беда-лебеда! — надевая шапку-ушанку, сокрушался Викул Микул. — Где же найти мне ревком?

— Пойдем, провожу, — предложила Домна.

Выйдя с Викул Микулом на улицу, Домна сразу заметила, что ритм жизни в городе резко изменился. По улицам сновали люди, повозки. Многие учреждения уже уезжали. Шум, сутолока, беготня.

Домна втайне еще надеялась, что беда минует город. Но надежды не оправдались — купеческий сынок Прокушев сделал свое черное дело.

Домне не раз приходилось в военкомате видеть Прокушева. «Кто бы мог подумать, что

этот человек ведет двойную игру? Человек как человек, ничего особенного, казалось, в нем нет, на вид скромный и тихий. А на деле вон кем оказался, нож в спину всадил!» — размышляла удрученная горем девушка.

Проводив Виду Микула до ревкома, она бегом вернулась в уземотдел и принялась помогать упаковывать имущество учреждения, выносить вещи во двор. На глаза попала разносная тетрадь, валявшаяся на полу в куче небрежно брошенных бумаг.

Домна подняла тетрадку, отряхнула от пыли, спросила у проходивших мимо сослуживцев: — А это куда?

— В печку, — ответили ей. Все ужасно спешили, и никому не было дела до ее переживания.

Домна с тоской смотрела на разносную, полистала, увидела свои записи. Это она училась письму, набивала руку. И обычные с виду эти записи почему-то были ей дороги. А теперь все в печку, в огонь...

3

Над притихшим в тревожном ожидании городом спускалась ночь. По опустевшим улицам рыскал холодный ветер, метался по широкой базарной площади, наметая свежие сугробы снега, безжалостно трепал в городском саду обледенелые ветки голых березок.

Весь день, до наступления темноты, город покидали подводы с грузами и людьми. Как только схлынул основной поток беженцев, улицы города стали пустынными, осиротевшими. Кругом ни души. Лишь изредка прошагает патруль, или промчится верховой связной, или же продует, догоняя обоз, тяжело груженные замешкавшиеся подводы.

В эту неприветливую вьюжную ночь даже собаки, словно почуяв недоброе, прятались по своим углам, предоставляя вьюге хозяйничать на улицах и перекрестках.

Казалось, город вымер. Но это было не так. В большом двухэтажном купеческом особняке, у Стефановского собора, где размещался уездный комитет партии, люди, поднятые по тревоге, готовились к схватке с врагом.

Жизнь в уюме, бывшая ключом, не утихла и с наступлением ночи. Кроме членов ревкома, здесь собрались коммунисты и комсомольцы города. Некоторые еще очень юные, почти подростки, большинство взрослые, способные держать в руках оружие. Тут же было несколько женщин и девушек. Среди них и Домна.

В переполненных людьми, с занавешенными окнами комнатах тесно, жарко и душно. Под

потолком плавали густые волны махорочного дыма. Лампы горели неровно и тускло, словно в тумане.

Люди, утомленные за день, разговаривали сдержанно, вполголоса, чтобы не мешать работать ревкому. В комнату, где заседал ревком, то и дело входили связные с донесениями. Руководители учреждений докладывали о том, как проходит эвакуация. Они ругали работников утратом¹ за неповоротливость, за то, что они не смогли своевременно обеспечить подводами грузы.

Стремительными шагами прошел в кабинет начальник милиции в рыжей кожанке. Он доложил членам ревкома о заложниках, которых решено было направить в Устюг.

— ...Взято девятнадцать человек! — доложил он и стал перечислять задержанных поименно. Это были люди, которых не следовало оставлять в городе: бывшие купцы, урядники, судебный пристав, лесной доверенный с сыном, кожевник, работники управы и другие видные в свое время чиновники.

— Почему нет среди них Потопова? — спросил председатель ревкома Маегов, рослый, с густыми черными волосами, в военной форме.

— Потопова не нашли! — виновато развел руками начальник милиции. — Словно ежовзь землю провалился...

— Скрылся? Плохо, очень плохо! — недовольно бросил председатель ревкома и пружинистой походкой строевого командира прошагал по комнате. В прошлом он был учителем, первую мировую войну закончил в чине подпоручика, потом командовал Ижмо-Печорским полком. В город прибыл в отпуск после перенесенной болезни. Как опытного командира и человека надежного, уком, в сложившейся обстановке, назначил Маегова председателем ревкома, и он теперь энергично выполнял свои новые обязанности, хотя выглядел еще неважно — сухо покашливал и был бледен.

— Найти во что бы то ни стало! — жестко приказал председатель ревкома, имея в виду Потопова. — Далеко не ушел, где-нибудь тут скрывается, прятался отче наш!..

В отдельной комнате, превращенной в цейхауз, оружейники проверяли собранные со всего города ружья, берданки, двустолки центрального боя, заряжали патроны пулями. Чувствовалось, что партизанский отряд будет вооружен и приведен в боевую готовность. Но когда и куда его направят? Этот вопрос волновал многих нетерпеливых, в том числе и Домну. Она пыталась кое с кем заговорить на эту те-

¹ Утратом — уездный транспортно-мобилизационный отдел.

му, но сухощавый, с небольшими черными усиками наборщик городской типографии Чашин ответил ей назидательно:

— Время придет — скажут. Всему свое время, милая...

А Исаков Ардальон, молодой солдат, который в свое время забавлял Домну игрой на тальянке, когда они вместе ехали в одном вагоне из Петрограда, весело подмигнув, спросил шутливо:

— Не терпится, землячка? Пятки зачесались, что ли?

— Руки у меня чешутся, — отрезала далеко не шутливо настроенная Домна.

Парень из Маджи, работник военкомата, улыбнулся ей.

— Думаю, недолго осталось ждать. Скоро придется тебе сменить юбку на штаны.

— Ну и что? Подумаешь, чем вздумал напугать, — вспыхнула Домна. — Надо будет — и штаны наденем. Эка невидаль какая. Ведь правда, Клавдюк?

Подруга ее Клавдия, вместе с Домной вступившая в комсомол и тоже с нетерпением ожидавшая приказ ревкома, сказала с тревогой:

— Вам все шутки, а я своими глазами видела, когда вносили вещи: были там и штаны, и шапки, и полшубки с шинелями. А ружей сколько натащили!.. Домна, ты умеешь стрелять? Я в жизни не брала в руки ружья. Если придется стрелять, что будем делать?

— Научимся!

Разговор зашел о белой банде, рвущейся к уездному центру, о капитане Орлове, который, по слухам, ее возглавляет.

— Рассказывают, в прошлом он был жандармским ротмистром. Дай волю, таких наломает дров! — сказал молчаливый типографский рабочий Чашин.

— А мне говорили, что он помещичий сын, откуда-то из Владимирской губернии, — добавил Ардальон Исаков. — Женился на дочери хозяина большого имения под Сольвычегодском. А характером злющий. Жена, говорят, не выдержав, сбежала от него.

— Тогда ясно, как дважды два: спешит завладеть своим имением! — решил Петя Игнатов, совсем еще юный городской паренек с широко открытыми глазами и круглым, как колобок, лицом. Домна не раз встречалась с ним на спевках и репетициях. Она знала, что Петя вступил в комсомол вопреки желанию родителей и в отряд записался, не сказав им. От волнения у парня горело лицо. Рассуждал он степенно, ломающимся баском, чтобы не казаться юнцом среди взрослых. — Известное дело, такие ради своих барышей готовы на все! Добра не жди от такого человека!

— Что ты хочешь от жандарма? — запальчиво сказала Домна. — Вон, рассказывают разведчики, захватил Айкино и скольких в проруби утопил! Пес бешеный, а не человек!

— А я что говорю: пуля по нему плечет!

— Ладно, ребята! — остановил их наборщик и добавил: — Говорят, и Латкин с ним вместе. Он и ведет сюда вольную свору.

— Снюхались, проклятые! Друг друга стоят, — заметил Исаков. — Но не быть по-ихнему! Пообломаем крылья черному ворону.

— Быстрее бы только. А то сколько крови безвинных людей они прольют, — сказала Домна. Она заметила в простенке зеркала, сохранившееся после хозяев, подошла к нему и стала поправлять сбившиеся волосы, встряхнула косынку и вновь ее повязала.

Косынка напомнила ей Питер, Груню, Ткачева, Ксюшу. Вспомнилось, как они провожали ее на вокзал, помогли сесть в поезд, с какой теплотой прощались в последние минуты. Где теперь они, эти славные люди?

Еще летом в своем последнем письме Ксюша писала, что супруги Ткачевы уехали с рабочим отрядом воевать против Колчана. Ивана Петровича назначили комиссаром отряда, а Груню поехала санитаркой. Сама Ксюша тоже собиралась уехать в деревню — в голодном Петрограде оставаться больше не было возможности...

Домна отошла в сторонку, присела на свободный стул, устало закрыла глаза и с наслаждением вытянула утомленные ноги.

Вот и наступили горячие дни. Теперь каждый должен показать себя не на словах, а на деле.

С чего же, однако, так бьется сердце?

— Домна, куда ты девалась? — неожиданно послышался голос Клавдии. — Скорее! Велено собраться...

Домна поспешила в большую комнату.

Появились члены ревкома. Партизаны тесно окружили их. Председатель ревкома коротко сообщил о сложившейся обстановке: банда Орлова захватила Яренск, Усть-Вымь, движется дальше. После предательства Прокушева путь белым на Усть-Сысольск открыт. Защищать город нечем, нет ни сил, ни оружия. По сведениям разведки, враг хорошо вооружен, имеет пулеметы, винчестеры. Надо до подхода белых вывезти из города самый необходимый груз. Ревком решил выслать вперед для заслона партизанский отряд.

— Отряд выступит немедленно, сейчас же, ночью! — сказал председатель ревкома. — Задача: удержать врага, пока из города не выедет последняя подвода!

— Значит.., сдаем город? — спросил кто-то negroмко.

— Да, товарищи. Но мы вернемся! — сказал председатель ревкома и, плотно сжав губы, выждал, будут ли еще вопросы. Все стояли молча. И тогда он по-деловому, без напряжения, сказал:

— С отрядом пойдут только мужчины. Женщины останутся в городе с особым заданием, на подпольную работу.

Услышав это, Домна опешила и вдруг вспылила:

— Постойте!.. Как же так — одни мужчины? Здесь никаких женщин нет, здесь все — товарищи, бойцы революции. И я тоже хочу с оружием в руках защищать революцию! А вы хотите оттолкнуть меня. Не выйдет! Я иду с отрядом!

Было ясно, что она не шутит. Все же члены ревкома стали отговаривать ее:

— Товарищ Каликова, ты правильно, конечно, говоришь. Но отряд идет на выполнение боевого задания, и женщинам лучше остаться. Подпольная работа тоже ответственное и нужное дело.

— Оставьте на эту работу других, а я пойду с отрядом! — И вдруг, словно испугавшись своих слишком резких слов, заговорила мягче, но так же настойчиво: — Честно говорю: хочу с отрядом. Прошу... Поймите меня, я хочу драться с оружием в руках!

Члены ревкома посоветовались и снова попытались уговорить Каликову. Они убеждали ее:

— Домна Федоровна, тебе будет трудно в отряде с мужчинами. Мы отправляемся воевать. Война есть война со всеми последствиями — и ранить могут, и еще хуже...

Однако та не сдавалась:

— Трудностей я не боюсь, не к легкой жизни приучена. И смерти не боюсь. Если понадобится, за Советскую власть отдам жизнь...

И члены ревкома согласились.

— Верим, товарищ Каликова! — улыбнувшись, сказал председатель ревкома. — Ну, что ж, коли так! Собирайся с нами... А теперь, кто выступает с отрядом, получайте оружие, обмундирование, продукты на дорогу. Разобраться спокойно, без толкотни. И никуда не расходиться, ждать команды!..

Домна, как и все партизаны, получила гимнастерку с брюками, полушубок, валенки. Чувствуя на себе одобрительные взгляды, она приняла и ружье, затем, забрав в охапку все свое имущество, поспешила в соседнюю комнату переодеться.

Через некоторое время оттуда вышел уже одетый по форме молодой боец. По внешнему

виду Домна мало чем отличалась от других партизан, которые тоже успели переодеться в новое обмундирование. Они не узнавали друг друга, переглядывались, обменивались шуточными замечаниями, острили или же сравнивали, кому какое ружье посчастливилось получить.

Одни вертели в руках берданки, другие — охотничьи шомпольные ружья. А Исаков, с видом знатока рассматривая выданный ему винчестер, рассуждал:

— Эту пукалку я видел у лесного доверенного. Спорю на пачку табаку: у него, гада ползучего, реквизировали! Ружьишко так себе, но с шомпольной все же не сравнить — бьет пулей и довольно далеко. Мне определенно повезло. А тебе, землячка в штанах, какое подвалило счастье?

— Гляди какое, — не обращая внимания на шутку, охотно показала свое ружье Домна. — Берданка, сказали...

— Да, это берданка Гра, дельное ружьишко. Ух, как запущено! Чистка требуется. Правда, стреляет оглушительно и чувствительно отдает, но привыкнуть можно. Береги его. В свободное время вычисти, как следует быть.

— Начищу, чтобы блестело, как твой нос, — все еще не веря своей удаче, заверила Домна, улыбаясь.

— А как заряжать и стрелять — знаешь? Разбирать, собирать?

— На строевой подготовке учили, только там была винтовка, а эту впервые беру в руки.

— Не беда, научишься, — подбодрил Исаков и тут же стал показывать, как открыть затвор, как заряжать.

— Ничего, вижу, дело пойдет у тебя, — похвалил он Домну. — Потом я тебя поднатаскаю... А сколько дали патронов? Пять? Мало вато. Ну, да будем у белых отнимать скоро...

Уединившись с Клавой, Домна стала показывать подружке, как обращаться с ружьем. Посмотреть на нее со стороны — она вполне могла сойти за молодого бойца. И только никак ей не удавалось справиться с тугой косой, которая упрямо вываливалась из-под шапки при каждом резком движении.

— Возьму и отрежу, — наконец заявила Домна.

— С ума сошла, остричь косу! — ужаснулась Клавдия.

— Отрежу! Это добро снова отрастет, а пока без косы обойдусь, — убеждала себя Домна.

Глухой ночью, когда город спал, отряду приказали выйти на улицу. Партизаны построились под окнами укома. Послышалась команда:

— Равняйся! Смирно! Шагом марш!..

Ночь выдалась вьюжная. Партизаны шли по темным улицам города молчаливые и сосредоточенные. В строю шагала и Домна. Идти навстречу колючему ветру было трудно. Ружейный ремень с непривычки натирал плечо, за спиной горбился увесистый вещевой мешок. Но она старалась не обращать на это внимания, упорно шагала, не отставая от товарищей.

ВРАГ У ВОРОТ

1'

По приказу ревкома государственные учреждения спешно эвакуировались из Усть-Сысольска в южном направлении. Тяжело груженные подводы медленно ползли по заснеженному тракту, пробираясь к далекой железнодорожной станции Мураши. Предстояло преодолеть десятки верст трудного пути. С обозом ехали дети, жены советских активистов, старики, все те, кто не хотел оставаться под властью белых.

Когда город покинули последние подводы, двинулись и партизаны. Отряд выполнил задание ревкома, задержав на некоторое время продвижение белых. За это время из уездного центра успели вывезти все самое ценное и необходимое.

Последней в колонне партизан шагала Домна. Она часто оглядывалась и смотрела, как постепенно скрывается из виду родной город. Грудь ее теснила щемящая тоска...

День выдался холодный, ветреный. Валил снег. Белым саваном покрывал он все: и опустевшие крестьянские поля, и встречающиеся по пути речки, и лес, темной стеной стоявший по обеим сторонам дороги. Ветер заметал следы отходившего отряда...

Город казался пустынным, похожим на заброшенный дом. На улицах ни души. Жители отсиживались по домам за надежно запертыми дверями.

Но прошло некоторое время, и, точно тараканы из щелей, начали выползать то один, то другой, несмело оглядываясь и перешептываясь. Они расспрашивали друг друга, кого увели с собой красные и кому удалось скрыться.

Первым помчался по улицам города на своем рыжем коне Гыч Опонь. Он молодцевато стоял в легких крестьянских розвальнях и нахлестывал коня вожжами.

У Стефановского собора он нос к носу столкнулся с коротышкой Назаром, вздумавшим тоже на своей лошади прокатиться по городу. Только у того не розвальни, а санки с плетеным коробом и с удобным сиденьем на

передке. Сам он низенький, толстенький, и шег коротким обручком. Еще издали Назар закричал Гыч Опоню:

— Здорово живешь, кум! Кругом объехал?

— Кругом, благослови Христа!

— Вез! Нигде никого. — Гыч Опонь снял круглую шапку и, повернув голову к собору, широко перекрестился. — Слава тебе, господи! Наступило для нас светлое Христово воскресенье!

— Заметил ли, склад у кооперативной лавки целехонек стоит, не успели вывезти! — ворочая головой на короткой шее, крикнул Назар. В теплом овчинном тулупе, в меховой шапке, он напоминал сыча, выматривающего добычу.

— А что в складе, не приметил?

— Бочки с рыбой, мешки с сахаром, ящик табак... Я успел порасспросить кой у кого. Хотел своими глазами проверить, да на дверях замок крепкий... Оно, конечно, можно и сбить... Заглянем-ка в дом Кузьбожева. Там уком помешался. Проверим, не осталось ли что в их антихристовом гнезде.

Назар скатился с облучка и засеменял к опустевшему укому.

Гыч Опонь привязал повод к церковной ограде и поспешил за Назаром.

Точно волки, вышедшие на добычу, они, осторожно оглядываясь, поднялись по каменной лестнице на второй этаж, обошли комнаты, осмотрели все углы. Брошенный дом был пуст, и шаги и голоса их в нем отдавались громко, точно в глухом бору летом.

На полу валялись обрывки газет, пустые коробки, обглоданные хвосты вяленой воблы. У порога сиротливо торчал старый сапог, «прсивший каши».

— Пусто, — заключил Гыч Опонь и заглянул под круглый столик.

— Пусто, — прокричал Назар и сгреб со стола скатерть.

— Благодарственный молебен отслужить надо. Где отец Яков, не ведаешь, кум? Не вместе ли с заложниками забрали его антихристы? — спросил Назар.

— Бог избавил! — отозвался Гыч Опонь. Он подошел к окну, посмотрел, все ли спокойно на улице, и только тогда доверительно сказал куму: — Сам он меня послал. «Поди, говорит, Опонасий Петрович, посмотри, что творится в городе». Так и быть, скажу тебе: у меня он гостит... Не думаешь ли этот стол прихватить? Кажись, ножка шатается.

— Не беда, починить — будет как новенький! Тут же так стоит. Без надобности... Заберу я стулья! — деловито сообщил Назар, собирая их в одно место. — Значит, жив-здоров наш отец Яков?

— Вско-то ноченьку глаз не смыкал, бедняга, ходил из угла в угол, беспokoился, — рассказывал Гыч Опoнь. — Надо, говорит, господина Латкина встретить честь по чести. Он теперь губернатором стал!

— Губернатор? Ишь ты! — искренне удивился Назар.

— То-то и оно, кум, губернатор. Это тебе не баран хихнул!.. Смотрю, дружище, все стулья ты себе забрал. А мне что?

— А по мне, хоть что. Вон стол бери, шкафы, — посоветовал Назар.

— На кой ляд они мне? Все хорошее забрал себе, а мне дрянь подсовываешь! — обиделся Гыч Опoнь. Он направился в угол к этажерке и выволок ее на середину комнаты. — Это, что ли, взять? Шкафами заниматься недосуг, отец Яков поди заждался!

Гыч Опoнь навалился всем туловищем на Назара, который, застряв в дверях со связкой стульев, кряхтел и пыхтел там отчаянно, и когда тот наконец пробкой вылетел за дверь, вслед за ним выбрался и сам, швырнул в розвальни неуклюжую этажерку. Не забыл он прихватить и бочонок из-под сельдей, сел на него и, взмахнув кнутом, крикнул:

— Э-эй, гуляй-валяй! Раз бывает такое...

Сытый жеребец помчался по улицам города, унося своего хозяина обратно, в сторону Кочпона.

2

Потопов с нетерпением ждал Гыч Опoня в его же горенке, в которой прошлым летом тайно встречались Латкин и Керенская. На столе попискивал самовар, на тарелке лежали шанежки, сдобренные маслом, в небольшом горшочке стояло подурмянившееся топленое молоко. Располневшая, без талии, хозяйка с широким плоским лицом, порядком надоевшая протопопу своей болтовней, рассказывала ему, как они жили с мужем раньше и как туго им приходится теперь.

— ...Плохо, уж так плохо, батюшка! Ничего не стало, — жаловалась она. — Вот и угощать нечем. Поколупайте хоть рыбничек, отец Яков. Свежая рыба. Жена безногoго Макара вчера принесла тайком, чтобы муж не узнал. Голодают они, вот и выменяла на муку. Пришлось дать, жалко детишек. Уж она благодарила, чуть в ноги не кланялась. Только мужу своему не велела говорить. А я и так с этим безногим не хочу разговаривать. В комбедчиках ходил, только и высматривал, как бы что отобрать! Такие, как Макар, всю жизнь испоганили!

— Великое грехопадение постигло Россию-матушку, вот и наказал господь бог, — прислу-

шиваясь, не раздадутся ли за дверью шаги хозяина, отозвался привычными словами протопоп. — В Святом писании сказано — погибнет все: от труса, огня, потопа, меча, нашествия иноплемennых и междоусобных брани.

— Так, батюшка, так! — выслушав малопонятную тираду Потопова, закивала словоохотливая хозяйка и заговорщически зашептала: — Мой-то всегда говорит, что старую настоящую власть уничтожили, солдату да черному мужику волю дали, вот и покати́лась жизнь под гору. Сам-то у нас уж такой богомольный! Перед сном закроется в комнате, стоит перед иконами и акафисты поет да молится. Без бога он ни шагу! И бог за это нас не забывает. Всю-то жизнь мой Афанасий Петрович беспокоился о боге. Был моложе, не жалел себя, занимался церковными подрядами. Сколько церквей он понастроил и по Вычегде, и по Сысое! Его везде знают. Это сейчас он с кирпичом возиться надумал, а раньше все церкви да часовни строил по подрядам. Уж такой богомольный, такой богомольный! Господи, какая жизнь была! Народ бога боялся, не смел волынчить. А ежели что и случится, нагрянет земский начальник или становой пристав с урядниками. Боялись люди бога и старших почитали.

— Истинно так, Пелагея Егорьевна! — перебил протопоп. — Не будем терять надежды на лучшее. «Ищите и обряцете!» — сказал Христос. Однако куда мог запраститься твой хозяин? Пора бы уж и вернуться ему.

Не допив чай, Потопов встал из-за стола, подошел к окну и посмотрел в надежде увидеть на улице приехавшего хозяина. Но того все не было.

— Приедет, батюшка! Никуда он не денется, — поспешила успокоить отца Якова хозяйка. — Выпей еще стаканчик чаю с сахаром.

— А не завернул ли он к знакомым? — уже раздраженно перебил Потопов. — Или что стряслось с ним?

— Господь с вами, батюшка! — перекрестилась хозяйка. — Ничего с ним не случится. Через огненную реку пройдет. Уж я-то его знаю. Сорок лет с ним живу...

Однако словоохотливая хозяйка так и не успела поведать, как они с Гыч Опoнем прожили сорок лет, — с шумом и треском влетел во двор взмыленный жеребец, запряженный в розвальни, а затем, пыхтя и отдуваясь, в дверях показался и хозяин. Одной рукой он обнимал бочонок из-под селедки, другой — этажерку.

— Ну, что там, Афанасий Петрович? — бросился к нему протопоп. — Что видел в городе? Все ли уехали? Кого забрали? Остался ли кто из ихних?

— В городе — ни души, все смылись, — сообщил Гыч Опонь. — Эй, жена, накорми быстрее! Проголодался.

— Опоnasiюшко, ангел мой крылатый! — ахнула хозяйка, увидев его добычу. — Что такое ты приволок домой?

— В уком ихний с Назаром заглянули. Все там раскидано, разбросано. Захватил вот, пригодится в хозяйстве. Эту поставим в угол, ладно будет, — показал на этажерку Гыч Опонь.

— А бочонок зачем приволок?

— Зачем да зачем, заладила, как сорока! Пригодится калусту засолить, грибы там... А не возьми я, Назар забрал бы... Давай ести быстрее! Поем и снова в город махну. Надо раньше Назара успеть, а то он весь город перетаскает к себе домой!

Сняв полушубок, Гыч Опонь уселся за стол и набросился на жареную рыбу, на шаньги. С набитым ртом он рассказывал, где и что высмотрел в городе.

Из соседней комнаты выглянул Ладанов. Горло у него было обвязано теплым платком. Он кашлял и выглядел больным.

— Зятек дорогой, никак, полегчало тебе? Вижу, встал на ноги? — участливо спросил Гыч Опонь.

— Мне стало лучше, хотя в голове все еще нехорошо и горло побаливает! — простуженным голосом отозвался Ладанов. — Военкоматских никого не видел в городе?

— Заглядывал в военкомат — пусто! — успокоил его тесть и, повернувшись к Потопову, пояснил: — Захворал зятек, болеет. А тоже чуть не уехал с красными. Приезжали за ним, да мы с женой не дали забрать его. Весь горит, кашляет — куда такому ехать?

Ладанов молчал. Да и что он мог сказать? Заболел он по своему желанию. Узнав про эвакуацию, он долго ломал голову, как быть? Уехать с красными? А вдруг их игра будет проиграна? Куда тогда денешься, что отвечать будешь? «Бежал с красными? Бежал. Становись к стенке!..»

Потопов сказал покровительственно:

— Алексею Архиповичу повезло. Пусть отлеживается, поправляется. Скоро гостей встречать будем. Губернатор прибывает... Надо подготовиться к встрече. С колокольным звоном встретим, молебен закатим! Слава богу, дождался!

Потопов начал собираться.

— Поехали, хозяин, поехали! — торопил он Гыч Опоня.

Дожевывая на ходу, тот бросился одеваться, велел и жене собираться:

— Марья! Ты мне понадобишься. Скоренько оденься и в сани! Не задерживай отца Якова, видишь, спешит.

Выйдя всем гуртом во двор, они разместились в розвальнях, и рыжий жеребец помчал их к городу.

3

Чего больше всего Опонь опасался Гыч Опонь, то и случилось... Точно чуяло его сердце: опоздает он, успеют другие опередить. Пока отвозил он протопопа домой, люди, подобные Назару, не дремали. Гыч Опонь в этом очень скоро убедился.

У городской каланчи Гыч Опоню повстречалась запряженная в сани лошадь. Она мчалась во весь опор. Мужик, правивший ею, страшно спешил и с ходу намеревался проехать мимо, но на ухабе его сани занесли в сторону так, что они чуть не опрокинулись. На снег вывалились пачки табаку и спичек, совершенно новенький чугун, несколько рыбин соленой трески и еще что-то. Мужик выругался и, остановив лошадь, начал поспешно собирать вещи.

— Марья! — крикнул жене Гыч Опонь. — Что глядели вытаращила? Помоги человеку...

Но мужик огрызнулся, как пес, у которого собираются отнять его добычу:

— Прочь отсюда! Это мое...

— Слушай, приятель, где достал? — с завистью спросил Гыч Опонь.

— Где был, там уже нет!

— А все же, может, скажешь, куда ехать?

— Поезжай вон туда, там увидишь сам, — подбирая последние пачки табаку, махнул рукой в сторону кооперативной лавки мужик.

— А что, всем там сегодня товар раздают? — встрепенулся Гыч Опонь.

— Всем! Только будешь языком трепать, опоздаешь!

Прислушавшись, Гыч Опонь и в самом деле уловил шум, доносившийся издалека.

— Опоnасий, чего смотришь! Это же потребники растаскивают, — догадалась наконец Марья.

— Ай-ай-ай! — взвыл Гыч Опонь, точно ему ножом пырнули в бок. Стеганув кнутом, он погнал жеребца вперед, не слушая мужика, кричавшего ему вслед:

— Быстрее! А то Назар с мельником скоро там все под метелку подметут!

Рыжий откормленный жеребец, храпя и отфыркиваясь, мигом домчал Гыч Опоня с женой к потребилке.

Гыч Опонь всего ожидал, но только не того, что теперь увидел.

Магазин городской кооперации размещался на главной улице, в двухэтажном каменном здании бывшего купца Камбалова. Наверху были жилые помещения. Нижний этаж с зеркальными витринами по фасаду и двумя дверями, запиравшимися на ночь железными жалюзи, был приспособлен под магазин и склады для хранения товаров... Теперь двери были распахнуты настежь, и возле них творилось нечто невероятное. Какие-то люди, возбужденные, с красными лицами, кричали, вырывали друг у друга из рук товар. Среди них Гыч Опонь увидел и Назара с мельником. Там же вертелась просвирня, мелькали бывшие купеческие приказчики.

В другом месте шла дикая борьба из-за большой глиняной корчаги с постным маслом: шум, ругань, бабий визг, звуки затрепанных, хриплые голоса. Корчага наконец не выдержала и разломилась на несколько частей. Черепки с остатками масла полетели на землю. Сражавшиеся бросились в магазин за новой добычей.

Неожиданно появился Терень. Он, встав в дверях, загородил собою вход и стал выкрикивать:

— Бесстыдники! Разбойники! Что вы делаете?

Коршуном налетел на него мельник и с силой отбросил в сторону. Терень упал, ударившись о каменную ступеньку крыльца. Мельник пнул его, крикнув:

— Болван, вечно под ногами путаешься! — Перешагнув через вытянутые ноги нищего, мельник ринулся в освободившуюся дверь. Вслед за ним бросились в помещение магазина другие.

Нашлась наконец добрая душа, пожалела затоптанного нищего, который уже корчился в предсмертных судорогах, и оттащила его в сторону.

А погромщики продолжали буйствовать.

Взмокший Назар, пригибаясь и кряхтя, выволон на спине целый мешок сахара и с грохотом сбросил на пол у окна. Затем вскочил на подоконник и вышиб ногой раму. Со звоном разлетелось стекло.

— Эй, баба! Куда запропастилась? — высунившись в разбитую витрину, заорал на жену Назар. — Говорил тебе — поближе подгони лошадь.

Гыч Опонь остановил жеребца у аптеки, сбросил повод и устремился в магазин. Но там уже все было перевернуто вверх дном, побито, разбросано.

В одном из углов молча копошились монахи, которых он видел у ворот монастырского подворья. Ухватившись за увесистый тюк кожи,

они пробрались к черному ходу и шмыгнули в него, как тени.

Возненавидев монахов и все на свете за то, что опоздал, что на его глазах уплыл такой славный тюк кожи, Гыч Опонь начал хватать все, что подвертывалось ему под руку. Подобрал приличный обрезок кожи, оброненный спешившими монахами, среди мусора раскопал несколько рыбин соленой трески, стопу курительной бумаги и разную другую мелочь. Все это он отнес в сани и прикрыл сеном.

За второй заход ему наконец посчастливилось обнаружить мешок с крупой. Вот это была находка! Ухватившись за мешок, Гыч Опонь хотел поднять его, но то ли от чрезмерной тяжести, то ли от свалившегося счастья у него подогнулись ноги и стрельнуло в спину. Что делать? Он присел и, помогая зубами, развязал мешок. Глядит — овсянка. Дух захватило. Черная крупа пригоршнями, обезумевший от радости Гыч Опонь стал сыпать ее в карманы, за пазуху, в штанины.

Когда наконец выпрямился, он сам на себя стал не похож. Его раздуло во все стороны до того, что еле мог двигаться.

С трудом выполз он на улицу, а там его Марья затеяла драку с просвирней. Они вцепились в штучку чесучи и тянули ее каждая к себе. Штука разматывалась в потасовке, а они тянули ее в разные стороны. Но вот противницы полетели кувырком в разные стороны. Перед глазами оторопевшего Гыч Опоня мелькнули полосатые чулки просвирни и пестрые подвязки выше колен.

Наблюдавшие эту сцену разразились дружным смехом. Не удержался и Гыч Опонь.

Вдруг острая боль пронзила ему челюсть, во рту что-то с хрустом сдвинулось и окостенело. Гыч Опонь застонал, запищал по-заячьему, словно ему сдавили горло:

— А-а-а-а...

Так он стоял с открытым ртом, хоть зубы считай.

Марья, увидев своего мужа в таком виде, ахнула, хлопнула руками по тучным бедрам и заголосила:

— Опонасиюшко мой, что с тобой случилось? Не пугай меня.

А Гыч Опонь тыкал себе пальцем в рот и тянул жалобно:

— А-а-а-а... А-а-а-а... — И крупа у него из-за пазухи сыпалась под ноги на снег.

Подождал Назар, посмотрел ему в рот, покачал головой:

— Челюсть вывихнул... Говорил я тебе, кум, не жадничай сверх меры.

Марья била себя руками по коленкам и причитала:

— Бедный мой, Опонасиюшко! Сглазили тебя злые люди. Ойя же да ойя, что мы будем делать да как дальше жить с таким-то ртом порченым да настежь разинутым!

У Гыч Опоня от боли и обиды даже слезы выступили. Пытался он что-то сказать, руками показывал, пальцами шевелил, да глупая баба никак понять не могла, продолжала голосить:

— Да за что же нас бог наказал, Опонасиюшко? Ничегошеньки-то ведь я у тебя не понимаю и не разберу!..

Если бы мог в эту минуту, отругал бы Гыч Опонь свою бабу самым что ни на есть сольным словом, отвел бы душу. Но что можно сказать, коли рот вывернут? Не выдержав, он сам побежал к лошади, уселся в розвальни, дернул вожжи.

Застоявшийся жеребец рванул с места и понес, не слушаясь вожжей, к дому. Как ни пытался Гыч Опонь повернуть жеребца к болынице — не получалось.

Выйдя из себя, Гыч Опонь даже про боль забыл; уперся ногами в передок саней, натянул вожжи да как гаркнет изо всех сил:

— Тпру-у-у-у!

До чего же это у него хорошо получилось! Даже самому не поверилось и, хотя жеребец уже остановился как виопанный, хозяин с удовольствием повторил:

— Тпру-у-у-у!..

«Ну и ну!» — подумал про себя с облегчением Гыч Опонь. — Всякое же случается на белом свете!»

Поглаживая вставшую на место челюсть, он некоторое время раздумывал, ехать ли ему на прием к фельдшеру. Затем повернул коня, отправился за женой.

А дома его ожидала еще неприятность. Ладанов, увидев в санях награбленный товар, замахал руками и велел все отвезти обратно.

— Если оставишь, — пригрозил Ладанов, — я оденусь и уйду. Живите без меня, как умеете...

— Да ведь для вас же привез, для молодых! — пытался оправдаться Гыч Опонь, но зытек не стал его слушать. Пришлось завернуть коня обратно. Однако в город он не поехал, а свернул к своему кирпичному сараю. Там в укромном месте спрятал всю свою добычу, мысленно поблагодарив зятя за добрый совет: домой могут с обыском прийти, а здесь ни один черт не разыщет.

4

Короткий зимний день угасал, когда в село Усть-Вымь, занятое беженцами, въехал обоз. У крыльца дома, в котором разместились штаб белогвардейцев, остановился крытый возок и

из него вылез человек в длинном, до пят, тулупе. Повернувшись лицом к церкви с высокой белой колокольней, он снял круглую шапку и перекрестился.

По неровному, бугристому небу низко неслись облака.

Село, занятое белыми, оживленно гудело от множества голосов. То тут, то там раздавалось разухабистое пение подвыпивших солдат, фыркание и храп уставших обозных лошадей, недовольные окрики не менее уставших ямщиков.

Из-за поворота дороги вышла группа солдат в полном походном снаряжении, с ружьями на плечо. Молодой звонкий голос запел, остальные подхватили знакомый напев:

Вы не вейтесь, черные кудри,
Над моею больной головой!..

В песне, звучавшей в бодром тоне, слышалась бесшабашная удаль. Но была в ней и щемящая сердце тоска.

Человек в тулупе некоторое время следил глазами за солдатами, прислушиваясь к словам песни:

Ах, зачем же рыдать понапрасно.
Скоро, скоро не будет меня...

Надевая на голову круглую боярскую шапку с бархатным верхом и хмурия рыжие брови, он подавил вздох, направился к крыльцу, где лениво болтался флаг штаба Орлова.

Часовой у крыльца беспрятственно пропустил человека в тулупе, узнав его, а усатый фельдфебель в теплом английском полушубке военного покроя выскочил из помещения на крыльцо и, выпятив грудь, гаркнул, точно лутух на насесте:

— Здравия желаю, господин губернатор!

Прибывшему человеку понравилось такое приветствие. Он остановился перед фельдфебелем, спросил участливо:

— Как тебя звать, орел? Из каких мест?

— Фельдфебель Чуркин, ваше превосходительство! Донской казак! — прикладывая руку с тяжелой казацкой нагайкой на ремне к мохнатой папахе, по-военному четко ответил усатый казак. С одного боку у него висела шашка, с другого — револьвер в старенькой кобуре.

— Далековато, братец, далековато до вас! — любящая отличной строевой выправкой, заметил Латкин. — Как же тебя занесло в наши края!

— На германской воевал, а потом с особым корпусом попал во Францию. Год назад привезли в Архангельск, а оттуда — вот к нам прикомандировали новых солдат обучать.

— Есть ли кто у тебя дома?
— Отец и мать, жена, дети... У отца земли было более ста десятин, двенадцать коняг с жеребьями, двадцать волов. Жили хорошо.
— Все мы жили хорошо, а потом пошло прахом. И у вас, наверно, все поотбирали красные? Отца, конечно, расстреляли, а жену комиссары испоганили. Не так ли? — беспощадно ранил Латкин казака в самое сердце.

— Не могу знать, — сокрушенно ответил фельдфебель. — Давно не получал из дому писем.

— Не унывай, казак. За все отплатим сполна, — пообещал Латкин. Он открыл серебряный портсигар, закурил английскую душистую сигарету и угостил загрустившего казака.
— Скажи, Чуркин, тяжело было брать Усть-Вымь?

— Никак нет, ваше превосходительство! Красные сдались без выстрела. Командир ихний Прокушев перешел на нашу сторону сразу. Коммунисты — те не сдались, ухитрились улизнуть.

— Жаль! Их-то и не следовало упускать! — недовольно буркнул Латкин, наблюдая, как солдаты, шагавшие с песней, подошли к штабу и по команде остановились. Тяжело брякнули приклады винтовок об утопанный снег.

— Куда они? — показал глазами на солдат Латкин.

— В погоню за бежавшими. Будем наступать. Уже на Усть-Сысольск, ваше превосходительство!

— Правильно! — похвалил Латкин. — Да сопутствует вам успех, доблестные воины!.. Капитан в штабе?

— Так точно, в штабе! Спрашивал про вас, приказал встретить! — Чуркин пропустил Латкина вперед и вслед за ним вошел в дом.

В штабе Латкина встретил дежурный офицер. Во время его рапорта двое телефонистов, возившихся у телефонного аппарата, стояли, вытанувшись по стойке смирно.

На столе у окна стоял станковый пулемет, дуло которого смотрело на дорогу. У пулемета бодрствовал дежурный, а под столом храпел второй номер, подложив под голову коробку с набитой патронами лентой.

В углу лежали цинковые коробки с патронами, гранаты, седла. Все это Латкин успел заметить, окидывая помещение быстрым взглядом. По всему чувствовалось, что штаб только что обосновался на новом месте, не собираясь задерживаться.

Дежурный офицер провел Латкина в соседнюю комнату, в которой капитан Орлов с узкогрудым белобрысым прапорщиком Обрезковым рассматривал повешенную на стену карту.

Дежурный доложил о прибытии губернатора и отряда солдат.

— А! Степан Осипович, наконец-то пожаловали! — здороваясь, воскликнул Орлов. — Раздевайтесь, будьте как дома! С обозом прибыли?

— С обозом, господин капитан! — отозвался Латкин, пропуская мимо ушей намек капитана.

— Прекрасно! Как у вас, все в порядке?

— Доехали без приключений. Груз первой необходимости доставили в целдсти и сохранности!

— Благодарю! Саша! Налей-ка коньячку! Надо же выпить по случаю приезда губернатора, черт побери! — сказал Орлов прапорщику. В его черствых холодных глазах пробежали веселые искорки.

Капитан выглядел собранным, подтянутым. И в походе он продолжал следить за своей внешностью. Был побрит, одет по всей форме. На нем хорошо сидел новенький английский френч с золотыми погонами. На груди поскрипывали портупеи.

Когда стол был накрыт, Орлов пригласил Латкина.

— Я, господин капитан, хочу выпить за наши первые успехи! Вот мы и в Усть-Вымь!.. Усть-Вымь был резиденцией епископов. Здесь проживал сам Степан Пермский. Он в этих краях застал еще язычников, поклонявшихся священной березе. Она стояла вот на том месте, где сейчас стоит церковь. Святой Степан самолично срубил ее, в споре с памой¹ о вере прошел невредимым огонь и воду. Господин капитан, не мешало бы святому Степану отслужить благодарственный молебен. Это подняло бы дух солдат, вселило в них уверенность...

— Молебен? Молиться будем позже, когда у нас будет больше свободного времени. А теперь надо драться! — тоном, не допускающим возражения, сказал Орлов и спросил у прапорщика Обрезкова: — Разведка на Часово послана?

— Так точно, господин капитан!

— Через полчаса выслать вперед боевое охранение! За ним двинутся главные силы. В походе не курить, не разговаривать, соблюдать тишину и строжайшую дисциплину. Предупредить об этом всех. Проверьте, чтобы каждый солдат был одет по-походному. Раздать сухари, по банке мясных консервов на каждого!

Белобрысы прапорщик, на лице которого читалось что-то порочное, машинально повторил приказание капитана, щелкая каблуками, по-

¹ П а м а — шаман.

вернулся и вышел. Орлов и Латкин остались наедине.

— Где Прокушев, господин капитан? — спросил Латкин.

— Сейчас будете иметь удовольствие видеть его! — тяжело упиравясь обеими руками о стол, ответил Орлов.

— Надерсь, он выполнил все, как ожидали?

— Да. Не будь его, мы бы не находились теперь в Усть-Выми.

— Я знал, что он не подведет.

— Допустим. И все же я хочу посоветоваться с вами, Степан Осипович, прежде чем принимать решение. Как по-вашему, можем мы доверять ему полностью? Не предаст, как предавал красных?

— Он уже доказал, господин капитан!

— И все же я спрашиваю: можно ли ему доверять? — уставившись тяжелым взглядом в Латкина, настойчиво допытывался Орлов.

— Думаю, можно. У красных он служил не по своему желанию. Затем нельзя забывать, господин капитан, что отец его лишился богатства.

— Убедительно. Мы с ним договорились встретиться. Я намерен поручить ему командовать отрядом, который будет наступать в усть-сысольском направлении. Он сейчас будет здесь. Как на это смотрит губернатор?

Латкин в недоумении уставился на Орлова. Вопрос был неожиданным.

— Разве вы не собираетесь сами возглавить эту операцию? — спросил он. — С моей точки зрения, Усть-Сысольск — важный уездный центр и...

— Согласен, но не из самых важных! Я беру на себя более трудную задачу: наступать на Котлас, затем на Вятку, чтобы соединиться с передовыми силами армии Колчака!

— Понимаю!.. — неопределенно кивнул Латкин, все еще испытывая чувство недовольства. У него мелькнула догадка: «А не свое ли имя под Сольвычегодском спешишь увидеть, господин капитан?» Но, зная нрав Орлова, промолчал.

Орлов наполнил рюмки коньяком, сказал:

— Не вешать нос, губернатор! Уверю, через пару дней будете в своем Усть-Сысольске. Наступление на Усть-Сысольск не отменяется. Пьем за успех!.. Мой совет: действовать там решительно! Проявите оперативность и энергию! Сразу объявите мобилизацию. Вербуйте больше добровольцев... Кстати, сколько записалось?

— На Удоре с десяток человек, да по дороге примкнуло примерно столько же.

— И взвода не наберется. В Архангельске уверяли, что пойдут в отряд, с распростертыми объятиями будут встречать. — Орлов помолчал, затем добавил: — Обещайте населению хлеб, товары и все блага. Не скупитесь на обещания.

Латкин проглотил грубость и, нахмурившись, наблюдал, как в синих сумерках за окном у костров грелись солдаты в ожидании очередной команды.

Глубоко засунув руки в карманы синих галифе с красным кантом, с потухшей папирской в углу рта, Орлов стремительно прошелся по комнате и, круто остановившись, звякнул шпорами.

— Если вы намерены усидеть в губернаторском кресле, — жестко сказал он Латкину, — надо действовать твердо. Большевикам никакой пощады — уничтожать, как собак! Комбедовцев, сочувствующих и прочих, которые не желают сотрудничать с нами, — вылавливать, сажать за решетку, направлять в Архангельск. А лучше всего — на тот свет. За Прокушевым следите в оба!

— Понимаю, — кивнул Латкин.

Он еще что-то собирался сказать, но вошел дежурный офицер и доложил:

— Штабс-капитан Прокушев!

— Просите!

Поскрипывая новыми сапогами, вошел Прокушев, но задержался у входа, увидев Латкина.

— Здравия желаю!

Был он, как и Орлов, в офицерской форме английского покроя, в левой руке держал синюю папку.

Латкин, улыбаясь, протянул ему руку:

— Рад видеть вас, господин Прокушев!

Они обнялись.

— Мне сообщили, что операция захвата Усть-Выми проведена блестяще и при вашей активной помощи, — сказал Латкин.

— Я сделал все, что было в моих возможностях, — слегка поклонился Прокушев.

Капитан Орлов сказал медленно, с явным старанием произвести впечатление:

— Могу сообщить, штабс-капитан, что с господином губернатором мы договорились назначить вас командиром ударного отряда, который будет наступать на Усть-Сысольск. Как вы к этому относитесь?

— Благодарю за доверие, — скромно отозвался Прокушев. — Постараюсь оправдать.

— Тогда будем считать вопрос решенным... Итак, господа, командование поставило перед нами задачу: двигаясь форсированным маршем, выйти красным в тыл, захватить железную дорогу Котлас — Вятка, соединиться с войсками верховного правителя. Мы будем действовать в двух направлениях. С одним отрядом я буду

наступать на Котлас. С другим вы, господин Прокушев, возьмете Усть-Сысольск и, не задерживаясь, направитесь дальше, имея целью занять железнодорожную станцию Мураши. В районе Мураши — Котлас мы должны соединиться и вместе наступать на Вятку. Спешу обрадовать! Только что я получил сообщение: отряд, действующий в печорском направлении, занял село Помоздино, что в верховьях Вычегды. Он также скоро соединится с нами. Но ждать его не следует. Заняв Усть-Сысольск, надо немедленно двигаться дальше. В том направлении у красных нет сколько-либо значительных сил. Не так ли, господин штабс-капитан?

— Совершенно верно. Дорога открыта.

— Этим следует воспользоваться. До населенного пункта Часово я поручаю отряд сам. Дальше будете действовать самостоятельно. Советуйтесь с господином губернатором. И вот еще что... — Орлов помолчал, обдумывая. — Не следует ли вам переменить фамилию? Это из тактических соображений: знакомые места, примелькавшаяся фамилия и прочее... Надеюсь, понимаете, что хочу я выразить?.. Ну, и с солдатами будет легче.

— Господин капитан, считаю вашу мысль разумной! — сказал Прокушев. — Но как это сделать?

— Проще простого! Я проведу приказом: на усть-сысольском направлении командование отрядом поручаю капитану... ну, скажем, Медведеву... Подчиненные будут знать вас под этой фамилией. Как находите, господин губернатор?

— Ничего не имею против: Медведев так Медведев! — усмехнулся Латкин.

— Будем считать и этот вопрос решенным! Итак, господа! Капитана Медведева нельзя оставить необмытым. Прапорщик Обрезков! — громко позвал Орлов и, когда из соседней комнаты пулей влетел прапорщик, сказал ему: — Саша! Открой новую посудину. Знакомься: это капитан Медведев! Он будет командовать отрядом в усть-сысольском направлении. Прошу всех выпить за капитана Медведева! — Орлов залпом опрокинул свою рюмку, поморщился, закусил сыром и, поправляя кобурку, спросил у Обрезкова: — Отряд готов для похода?

— Так точно, господин капитан! Как прикажете поступить с пленными?

— Сколько их?

— Трое!

Орлов сделал полуоборот к Прокушеву и спросил:

— Капитан, это ваши пленные, вы и распорядитесь.

Прокушев сказал без тени сожаления:

— Это — идейные коммунисты. С собой их брать нет смысла, лучше избавиться от них...

— Расстрелять?

— Да.

Орлов, подумав, приказал Обрезкову:

— Приведите сюда. Посмотрим, что за идейные. Я их мигом обрaccio в свою веру.

— Ничего не выйдет! — выразил сомнение Прокушев. — Я их знаю.

— Не таких ломали! — недобро буркнул Орлов и, нахмурив брови, стал ждать арестованных. Придерживая рукой шапку, фельдфебель Чуркин пропустил впереди себя пленных красноармейцев. Орлов, запустив руки в карманы галфе, некоторое время рассматривал пленных, затем резко выкрикнул:

— Кто вы? Докладывайте быстро, я спешу!

— Не все ли равно вам, кто мы? — отозвался старший из пленных, лет тридцати пяти красноармеец со связанными за спиной руками. На лбу у него зияла глубокая ссадина, кровь запеклась вокруг раны с пучком волос. Было видно, что он отчаянно сопротивлялся, когда его брали в плен: рукав гимнастерки был порван в плече, не хватало пуговицы на вороте. Покосившись на Прокушева, пленный бросил с нескрываемым презрением:

— Спросите у него. Он знает...

Мяжко ступая на носки, словно крадясь к добыче, Орлов подошел к нему и процедил сквозь зубы:

— О, да ты, оказывается, умеешь говорить. А мне докладывали: молчуны. — Орлов быстро прошелся по комнате. — Коммунисты?

— Разве не сообщал этот? — покосился на Прокушева все тот же красноармеец со ссадиной на лбу.

— Сказал, что вы идейные!

— Ему виднее.

— Так вот что, идейные! У меня нет времени с вами канителиваться! Говорите прямо: хотите жить? — переводя взгляд с одного на другого, спросил Орлов.

— Кто ж не хочет жить? — отозвался другой, светловолосый, с мягкой вьющейся бородкой.

— Вас пристрелят через полчаса. Но можете остаться живыми, если перед своими товарищами, которые добровольно сдались в плен, откажетесь от своих идей и скажете, что коммунисты — грабители, безбожники и с ними надо бороться. Даю честное слово — останетесь жить. Понятно?

Красноармейцы молчали. Затем тот, у которого болтался оторванный в плече рукав, посмотрел на товарищей и, усмехнувшись, сказал им:

— Слышали, что предлагает? Да еще под

честное слово! Так и царские жандармы не умели... — Затем твердо сказал Орлову: — С нами можете поступить как хотите, но купить нас не удастся! Перед белогвардейцами, кулацкими сынками унижаться не будем. Слыхано ли, чтобы большевики отрекались от своих идей? Мы не из тех, как вот этот предатель Прокушев или этот эсер Латкин, за чин губернатора продавший интервентам. Мы — идейные коммунисты! Этим все сказано...

— Прикуси язык, скот. Тут некого агитировать. Фельдфебель, выведи! Не жалей нагайки.

Фельдфебель вытолкал за дверь раненого красноармейца, руки которого сзади были пережаты влившимися в кожу телеграфным проводом. Через минуту из соседней комнаты донесся свист казацкой нагайки и приглушенные, прорывающиеся сквозь стиснутые зубы стоны.

Орлов подошел к оставшимся красноармейцам:

— Ну-с, теперь?

Русоловый боец лет двадцати дышал учащенно и порывисто.

Латкин заметил это и с сожалением покачал головой:

— Тебе трудно? Развязать руки! Совсем еще молодой, жить да жить такому. Обещай, и все уладится. Разве трудно сказать несколько слов солдатам?

Молодой боец посмотрел на товарища, слегка толкнул его локтем, сказал тихо:

— Держись, друг, не раскисай! С ними надо вот так. — И, подняв на Латкина гневный взгляд, плюнул ему в лицо.

В то же мгновение удар в подбородок сбил его с ног.

— Ах ты, негодяй! — в бешенстве сказал Орлов и начал бить пинками красноармейца. Потом он вызвал дежурного офицера:

— Отдать и этих в распоряжение Чуркина! Пусть прочтут.

Арестованных увели. Орлов брезгливо вытер руки носовым платком, залпом выпил рюмку коньяку и приказал вошедшему прапорщику Обрезкову:

— Дайте команду на марш боевому охранению! Господа офицеры, приготовиться к походу!.. А этих, идейных, — в прорубь!

5

Хмурым ноябрьским утром 1919 года банда белых вошла в Усть-Сысольск. Дул северяк, обжигая лица ледяным дыханием. Казалось, все живое затаилось, попряталось. Не было видно

даже воробьев, обычно прыгающих на заснеженных улицах города в поисках теплого лошадиного назема. Все, кто участвовали в грабеже магазинов и складов, отсиживались по домам. Завоевателей встречал колокольным звоном протопот Потопов с притчем и кучкой единомышленников.

Новый «губернатор» сразу же принялся вводить в городе старые порядки. Отслужив благодарственный молебен в соборе, он назначил прием, куда были приглашены бывшие сослуживцы земской управы и другие уцелевшие должностные лица, представители купечества, духовенство, состоятельные мещане.

Латкин открыл прием чтением приказа, в котором было сказано, что в Вологодскую губернию командирован чиновник особых поручений Латкин, с правами начальника губернии. Все приказы его должны выполняться беспрекословно.

Латкин грозно обвел глазами присутствующих. Слушали его внимательно. И Потопов, и Харьюзов, и скуластый мельник с Назаром — все сидели напряженно, не спуская с него глаз.

За их спинами Латкин разглядел и Гыч Опоня и его зятя Ладанова, который, очевидно, тоже считал нужным засвидетельствовать свою лояльность к новой власти. Были тут и другие знакомые из городской думы, бывшие земские гласные, менее важные чиновники почты, лесничества. Не увидел он лишь самых главных, самых нужных ему.

Затем он зачитал другой приказ, уже от своего имени. В нем он повелевал немедленно возратить старым хозяевам все реквизированное имущество. Здесь аплодисменты раздались дружные. Это воодушевило Латкина, и на его помятом, усталом лице заиграла улыбка.

«Авантюрист чистой марки, — подумал о нем Потопов. — Из него, мне кажется, получится такой же губернатор, как из медведя проповедник. Впрочем, посмотрим, посмотрим...»

А Гыч Опоня, буквально глядевший в рот Латкину, решил: «Что ж! Степан Осипович, дай ему бог здоровья, очень даже годится нам в губернаторы. Все же свой человек, где сыскать лучшего?..»

Примерно в таком роде размышляли и остальные. Одни ждали выгодных подрядов, другие мечтали снова развернуться во всю ширь по торговым делам. У третьих руки чесались скорее вернуть реквизированное имущество. Новый губернатор не скупился на посулы и обещания, заверял о щедрой неограниченной помощи союзников, сулил иные даннические блага. Тут же он подчеркнул, что дни Советской власти уже сочтены: скоро будут взяты Котлас, Устюг и Вятка с Вологодой, а там и

Петроград и Москва. Его слова утонули в аплодисментах. Но новоявленный начальник далее повел разговор о мобилизации, потребовал солдат и продовольствия для войска.

— Нам необходимо немедленно, — говорил он, — начать заготовку на зимний период для воинов хлеба, мяса, масла, картошки, сена, лошадей. С этого дня снова восстанавливается уездная управа, которая и займется этим делом. Разрешаю открыть частную торговлю. У коммунистов, комбедовцев и всех тех, которые теперь служат у красных, конфисковать все личное имущество на нужды армии.

— А как быть с крестьянином, если он не захочет дать продовольствие? — поинтересовался кто-то из присутствующих.

— Втолковать ему — союзники дают нам хлеб, сахар, чай... Заведем из Архангельска, всех снабдим досыта. А пока он пусть помогает.

— Церковь не останется в стороне, — заверил Потопов. — Но нас интересует взгляд на наше будущее. Разрешите задать вопрос.

— Прошу! — пожал плечами Латкин. В его планы не входило разводить дискуссии, однако с Потоповым нельзя было не считаться. За ним стояла сила, и значительная.

— Верующие, Степан Осипович, благодарят бога и вас за все! — поднявшись с места, начал Потопов. — Но наше общество хотело бы знать о планах на грядущее. Я имею в виду государственное устройство.

Латкин понимал, куда гнет Потопов, но не был подготовлен к ответу.

— Наша задача — уничтожение большевизма. Затем — созыв Учредительного собрания. Пока трудно сказать, во что все выльется. Это будет решаться позже, в масштабах всей России, — пытался вывернуться он, но Потопов перебил:

— Мы за Учредительное собрание. Однако я веду разговор о нашем крае, жителях Севера. Разве не пришло время иметь что-то вроде своей независимой зырянской республики?

— Как только мы укрепим, отец Яков, и попрочнее встанем на ноги, отдельно соберемся поговорить по этому вопросу. А пока внимание всех надо направить на проведение мобилизации и обеспечение войска всем необходимым для ведения широких военных действий в условиях зимы. Повторяю, это главная наша задача...

Депутация деловых и торговых людей города преподнесла Латкину дары: солидную корзину коньяку и набор красных вин, разную снедь и закуски.

Гыч Опонь лично от себя преподнес «губернатору» жареного поросеночка на подносе, не забыв при этом шепнуть:

— Для тебя, Степан Осипович, не пожалею, целую свинью прирежу, только не забудь и меня, грешного. Помогите кирпичный заводик поднять и направить. Помнишь, обещал мне как то...

— Ладно, не забыл, помню. Потом поговорим об этом, в свободное время, — постарался отделаться от него Латкин. Заметив Ладанова, горло которого было укутано теплым шарфом, он позвал его: — Алексей Архипович, вы мне нужны!

Придерживая Ладанова под руку, Латкин отвел его в сторону и спросил о Керенской. Ладанов рассказал:

— Вскоре после вас ее забрали и отвезли в Котлас, а затем, кажется, в Устюг, а что было дальше, не знаю. След утерян.

— Ну, а ваша жизнь как сложилась? Чем теперь занимаетесь?

— Я мечтаю трудиться на ниве просвещения, Степан Осипович.

— В школу?.. Вы же офицер. Кажется, в звании прапорщика?

— Так точно!

— Служили у красных?

— По мобилизации, господин губернатор!.. Как видите, я не ушел с ними, а остался вас встречать.

— Как же так получается? Красным служили, а нам служить отказываетесь?

— Разрешите быть откровенным. Устал я от войны. Ко всему прочему, я только что перенес болезнь и чувствую себя неважно. Разрешите работать в школе, учить детишек грамоте.

— В учителях теперь нет большой нужды, а вот офицеры нам нужны! — жестко заметил Латкин. — И если не хотите неприятностей, советую подумать.

— А в чем, позвольте узнать, будут состоять мои обязанности?

— Работать в моей личной канцелярии. Я направлю вас в особый отдел. — Латкин закурил английскую сигарету. — Надо полагать, красные оставили в городе своих агентов. Их следует выловить, изолировать. Ни один коммунист, ни один сочувствующий им не должен быть на свободе. Красную заразу будем вырывать с корнем!

— Быть карателем? — спросил Ладанов и заморгал испуганно. — Я не могу. Прошу, увольте меня, подыщите другого...

— Гм... А случайно вы не тайный агент красных? — недобро прищурился Латкин.

— Что вы, Степан Осипович! — замахал руками Ладанов.

— Господин губернатор! — приподняв рыжую бровь, поправил его Латкин.

— Простите, господин губернатор! Какой же я агент? Разве не я помог в свое время вам бежать от красных? Неужели уже забыли?

— Не забыл, но с тех пор много воды утекло. Вы служили у красных в военкомате и, как мне сообщили, состояли в сочувствующих.

По губам Латкина скользнула улыбка. В глазах проглядывало: «Что, струсил? Вот видишь, достаточно мне шевельнуть пальцем, и от тебя останется мокрое место...»

Ладанов стоял перед ним подавленный, беспомощный и уже не сопротивлялся.

— Ладно, потом поговорим! — снисходительно похлопал его по плечу Латкин. — Вижу, нездоровы. Можете идти домой отдыхать. А завтра, если будете чувствовать себя лучше, прошу зайти в мобилизационный отдел. Впрочем, можно прямо ко мне.

Ладанов покорно поклонился. Он повернулся по-военному и направился к выходу, не дожидаясь, чем кончится прием у нового начальника губернии.

Окончания приема с нетерпением ждала Суворова. Как только Латкин попрощался с Ладановым и тот вышел, Мария Васильевна проскользнула вперед и остановила Латкина на полпути.

— Степан Осипович, не узнаете? — игриво пропела она.

— Ах, дорогая Мария Васильевна! Неужели я снова имею удовольствие видеть вас?

Подхватив под руку, Латкин отвел свою любовницу в комнату, где им никто не мог помешать, и не столько потому, что соскучился по ней, а так просто, по старой памяти, стал целовать ее пальчики.

— Степан Осипович, если бы вы знали, как я ждала вас, — шептала она, обдавая его горячим дыханием. И вдруг, будто спохватившись, спросила: — Может быть, лучше не надо было мне приходить сюда? А я, дурочка, только узнала о вашем приеме, бегом сюда, к тебе, милый друг!.. Ой, что я говорю! — закрывая лицо руками, смущенно прошептала она.

Но Латкин, бережно обняв ее, успокоил:

— Хорошо сделала, что пришла. А не пришла, я постарался бы найти тебя.

— Серьезно? Вы же сейчас такой большой человек, рассказывают, губернатором стали.

— Губернаторы тоже умеют ценить женскую прелесть! — приглядываясь к ней, сказал Латкин.

Мария Васильевна хотя и выглядела уже не такой, какой он ее помнил, все же была привлекательна. Она еще могла нравиться.

— Рассказывай, как живешь? — мягко поглаживая ее руку, спросил Латкин.

— Ой, Степан Осипович! — пожаловалась Суворова. — Разорили до нитки, все отобрали. Муж теперь занимается извозом. А сколько слез я пролила за это время! Как бога ждала тебя, не теряла надежды, надеялась и вот наконец дождалась. Не так ли, мой ангел-избавитель?

— Конечно же, Маруся! Теперь я здесь.. и ты можешь быть спокойна за свою судьбу. Моё сердце принадлежит тебе.

Слегка пожимая пальцы Суворовой, Латкин заученно улыбался, стараясь уверить ее и себя в своих прежних чувствах. В то же время он понял, что совершенно равнодушен к ней.

— Ой, Степан Осипович! Скажу откровенно: хотя я в некотором роде и замужем, но люблю только тебя. И никогда никого другого не любила.

Латкин, прижимая ее к себе, думал с усмешкой: «А вот это уже для меня совершенно безразлично. Не жениться же мне на тебе!..»

Но он только думал так, а говорил другое, привичное:

— Радость моя! Русалочка...

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

1

Лес, где расположилось сторожевое охранение партизан, стоял в безмолвии. Словно отлитые из бронзы, сосны грозно цетинились по краю высокого заснеженного бора.

С горбатой спины соснового бора хорошо проглядывалась выходящая лесом проселочная дорога. Где-то там, за темной кромкой леса, верст за тридцать, угадывалось большое село Визинга. Там находились белые.

Зима еще только-только вступала в свои права. Куда ни брось взгляд, всюду бело и нарядно, холодно и безжизненно, как в заколдованном царстве.

Но бор был не такой уж пустой, как могло показаться. Вон дрогнула ветка и серебристой пылью посыпался сверху снежок. Сосна большая, высокая, и сбитый с верхней ветки снег не скоро достиг человека, притаившегося внизу.

Молодой партизан, в шинели и шапке, с кулачковой лентой наискось, с удивлением посмотрел вверх, — почему это вдруг посыпался на него снег?

Он заметил юркую, веселую белку с роскошным пушистым хвостом. Появившись невесть откуда, она резвилась по-своему, не обращая внимания на дозорного с ружьем.

Вдруг белка насторожилась, она заметила другого партизана, в старой кавалерийской шинели. Был он плечистый, рослый, с ястреби-

ным, с горбинкой, носом и зорким взглядом. Появился он от завала — от кучи деревьев, сваленных поперек дороги, чтобы загородить проезд. Не дойдя нескольких шагов до сосны, на которой прыгала белка, партизан остановился и внимательно огляделся. Не заметив ничего подозрительного, он не спеша направился к дозорному:

— Ну, что, Ваня?

— Тихо, Кузьмич! — звонким девичьим голосом ответил молодой партизан. — Белочка вертится вон там, вверх. — Боец перекинул винтовку на левую руку и правой стал показывать старшему: — Смотри на мой палец. Голову повернула сюда, на нас смотрит. Уши торчком. Видать, прислушивается.

— Вижу... Шубка у нее совсем зимняя, сияет. Как раз для охотника! — сказал Арсений Вежев, которого в отряде чаще всего звали просто Кузьмичом. Он был старшим в партизанском сторожевом охранении на этом участке. Оглядев сосну, Кузьмич перевел взгляд на землю и, не найдя беличьих следов, сказал: — У нее тут гнездо. На снегу следов нет, значит, верхом пришла.

— На какое-то расстояние?

— А что? Думаешь, голова закружится у нее? Лучше любого циркача сгланет. Если лес густой, она поверху может быстрее, чем мы по земле, передвигаться.

— Я ей сухарик положу. Возьмет ли только? — Боец вынул из кармана шинели сухарик, отломил кусочек и положил на сухой сучок, до которого еле дотянулся.

— За зверька беспокоишься? — пряча улыбку, добродушно сказал Вежев.

— Да ведь она такая махонькая и одна в огромном лесу.

— У нее глаза зорче наших. Захочет, найдет твой сухарик и без очков...

Вежев поставил ружье рядом, вынул кисет с табаком и, свертывая самокрутку, поглядывал на бойца.

— Иди отдохни, Ванюша! — сказал Вежев. — Там ребята хвоя натаскали, навес устроили. Можно прилечь и подремать. Все не на голом снегу. Но никаких костров.

— Не так уж холодно, зачем огонь!

Присев на снег, Вежев зажег самокрутку в горсти и, затягиваясь дымком, добавил: — Придем в деревню, там досьята напьемся горячего чаю. А пока потерпим.

— И без чаю можно прожить... А я вот видела чаевников, когда работала в Устюге прислужой в доме одного купца! Те без чаю дня не жили. Особенно хозяйка. Возьмет этак на пальцы широкое блюдце, дует да потягивает. А я наблюдаю и дивлюсь: куда влезает?

Вежев рассмеялся, представляя, как пьет устюжская купчиха. Потом бросил взгляд на дорогу.

— Ни один белый гад не проскочит. Тут одна дорога... — сказал он.

— Ночью труднее. Так и кажется, из-за каждого дерева кто-то выглядывает.

— Страшновато бывает?

— А чего врать? Всяко бывает! Я, Кузьмич, знаешь, как поступаю в таких случаях? Начинаю себя ругать: «Ах ты трусишка! Заячья душа! Каждого гнилого пня боишься!»

— И помогает? — улыбнулся Вежев.

— Сразу отходит от сердца. А иногда тихонечко напеваю себе под нос: «Смело, товарищи, в ногу!»

— Наверно, тяжело тебе, Домна, в отряде? — помолчав, спросил Вежев.

— А что? — вскинула на него настороженный взгляд партизанка.

Домну в отряде как-то само собою стали называть Ваней. Под этим именем она и в разведку ходила, и другие задания выполняла.

— Разве плохо я несую солдатскую службу, Кузьмич?

— Да нет, — успокоил ее Вежев. Докурив самокрутку, он носком валенка закидал окурки снегом.

Прошло немало времени с того дня, как отряд городских коммунистов и комсомольцев по приказу ревкома вышел навстречу приближающейся банде белогвардейцев. Во главе встали уездвоенком Юркин и предревкома Маегов. Оба они, бывшие учителя, были на германской, затем, когда вспыхнула гражданская война, первый командовал Кай-Чердынским полком, а второй Ижмо-Печорским.

Вначале партизаны были вооружены чем попало. И все же отряд дрался с хорошо вооруженным врагом, не давая ему возможности быстро продвигаться вперед. Не имея возможности разбить и уничтожить неприятеля, партизаны с боями отходили от Часово через Усть-Сысольск, Лозым, Иб, Визингу до Чукайба. В этих сражениях отряд изо дня в день обрасгал новыми бойцами, крепнул. Лесными тропами пробрались и присоединились к партизанам коммунисты и рабочие нювчинского завода. Поодиноким и группами стекались бойцы из окрестных сел и деревень, сысольчане и вычегжане — коммунисты, комбедовцы, сельские активисты. Каждый принес с собой или охотничье ружье, или берданку с гранатой, а главное — ненависть к врагу, жгучее желание насмерть сражаться и победить. В Чукайбе партизанский отряд насчитывал до ста человек. Это была уже сила. Да и со стороны стали поступать радующие вести: на подмогу северным партизанам

из России командованием 6-й армии спешно выдвинуты красноармейские части.

Обсудив создавшуюся обстановку, штаб партизанского отряда решил прочно закрепиться в Чукайбе и драться до последнего патрона. Нужно было остановить банду предателя Прокушева, удержаться до подхода красноармейских отрядов, не дать белым прорваться к железной дороге.

И партизаны поклялись: «Умрем здесь, но ни шагу назад!»

Коми деревушка Чукайб, где партизаны решили дать бой, расположена на высокой горе. Умело организовав оборону, можно было надеяться наличными силами удержат этот населенный пункт. И партизаны, не теряя времени, стали готовиться к решающему сражению. Днем и ночью они рыли окопы, устраивали ходы сообщения, пункты боепитания, возили в бочках воду и поливали склон горы, чтобы образовалась ледяная корка, — по ней не так-то легко будет наступающим подниматься и атаковать заставших в окопах партизан. Учены были особенности местности. На дорогах, ведущих к населенному пункту, устраивались лесные завалы и заграждения. В наиболее опасных направлениях выставили сторожевые охранения. С одним из таких охранений отправилась в лес и Домна.

Это прекрасно знал Кузьмич и по-отечески беспокоился за девушку, которая, связав свою судьбу с партизанским отрядом, мужественно переносила трудности и невзгоды боевой жизни. Уловив в глазах партизанки тревогу, он старался успокоить ее:

— Спросил я не потому, чтобы обидеть тебя. Ничего плохого о тебе сказать не могу. Боец ты смелый, исполнительный. В бою не прячешься, не оглядываешься назад. И разведчик что надо, весь отряд про это знает. Говорят, снова ходила в разведку в сторону Вининги?

— Ходила! — подтвердила Домна.

— Ну, и как на этот раз?

— Надо «гостей» ждать. Готовятся наступать. — Домне не хотелось распространяться на эту тему. Кузьмич это понял и лишь сказал, усмехнувшись:

— Ждем не дождемся, когда покажутся... Да не об этом я. Приглядываюсь к тебе и, признаюсь, удивляюсь: смела. А не думаешь, чем же может кончиться?... Вот и теперь, разве не могла остаться в деревне? Зачем нужно было направляться в сторожевое охранение?

— С бойцами беседу проводи. А в случае чего разве не пригодится лишний боец?

— Сидела бы в санчасти, порядок наводила.

— Там и без меня управятся...

Вечерело. Легли на снег синие тени. В небе, постепенно угасая, переливались светлые тона. А на западе, куда медленно спускалось солнце, разгоралась зари.

Домна спросила у Вежева:

— Случайно о Проне Юркине не слыхал чего-либо, Кузьмич?

— Нет.

— Дню, уехал под Котлас воевать и словно камнем в воду канул.

— Иди-ка отдыхать. Да скажи Исакову — он должен сменить меня. Ночью придется и тебе, Ваня, постоять в карауле. Маловато нас.

— Значит, пригодился! А говорил — зачем пришла, — поправляя ружейный ремень на плече, улыбнулась Домна и направилась к лагерю.

2

Свободные от караула бойцы сторожевого охранения отдыхали недалеко от завала. Устроили на скорую руку шалашик от ветра и снега, накидали хвои, чтобы было мягче и теплее.

В шалаше головами внутрь спали трое. Рядом лежали ружья, котомки.

И здесь стояла тишина, нарушаемая лишь храпом утомленных бойцов. У ручного пулемета в одиночестве возился Ардальон Исаков.

— А-а! Ваня! Кто тебя сменил? — спросил он.

— Сам Кузьмич. Велел тебе готовиться.

— Готовлюсь, — похлопав по пулемету, улыбнулся Исаков. — Раньше у меня был винчестер, а недавно этого старика вручили.

На сером платке перед Исаковым лежали разобранные части затвора. Отменно вычищенные, они блестели, как новенькие, хотя, судя по избитому прикладу, пулемет выдал виды.

Исаков сидел в расстегнутом овчинном полушубке. Из-под белой заячьей шапки озорно выбивались завитки золотистых волос. Но его молодецковый вид портили неуклюжие валенки с разношерстными носками.

— Раньше я с завязанными глазами разбирал и собирал пулемет. Ротный всегда меня хвалил, — прихвастнул Исаков.

Домна давно хотела ознакомиться с ручным пулеметом. Незаметно она стала примечать, как пулеметчик собирает части затвора. Потом Домна сводила к ручью и напоила лошадь, разбив палкой ледяную корку, почистила клочком сена ей бока, спину, поправила сбившуюся гриву.

Управившись с лошадью, Домна залюбовалась вечерним лесом, причудливым сочетанием красок, игрой света и теней. В лесу преобладали вечерние темные тона.

...Вспомнилась мать. Наверно, возится сейчас по дому, готовится ко сну. Как она там живет, бедняжка? Есть ли кусок хлеба на ужин? Не захворала ли? А может, пришлось ей оставить старую избенку и бежать куда-нибудь? Односельчане, которые побогаче, не простят, конечно, Домне. Она вместе с комбедовцами им немало насолила. Могли донести белым, а они известно как расправлялись!

Захваченная невеселыми думами о доме, Домна не заметила, как неслышно подкрался к ней Исаков. Очнувшись она в последнюю минуту, когда тот стоял уже рядом.

— Тебе что? — вздрогнув от неожиданности, спросила она.

— Ничего... — прерывающимся голосом ответил парень, виновато улыбаясь и в нерешительности переступая с ноги на ногу. Он внезапно схватил ее, стиснул в медвежьих объятиях.

Гнев и отвращение устроили силы Домны. Она рванулась и с силой оттолкнула его от себя.

— Убери руки и больше не приставай! — глядя в упор потемневшими глазами, отрезала она.

— Ну, зачем кричать, дролюшка моя! Не гони. — Продолжая улыбаться, Исаков пытался приблизиться к ней, но она снова оттолкнула его.

— Уходи, говорю, а не то... — Домна замахнулась прикладом, но в последнее мгновение удержалась и закричала: — Эй, сюда, кто там ест!

В глазах Исакова мелькнул испуг.

— Не надо людей беспокоить. Подумаешь, какая недотрога.

Домна косо взглянула на него:

— Вздумай еще лапаты, всех подниму на ноги!

Исаков сплюнул, не зная, что ответить.

— Я еще и командиру доложу! — пообещала Домна. — Забыл, что он говорил перед строем? Девушки такие же бойцы, и чтобы никаких вольностей! Ты что, забыл?

— Ладно, Ваня, не сердись.

Исаков вынул кисет, оторвал кусочек помятой газетки, начал свертывать самокрутку.

— Противно смотреть, когда человек с грязными мыслями подходит к женщине. Стыдно! — уставившись взглядом вдаль, сказала Домна.

— Я же только пошутить хотел...

— Пошутить? Надо знать, когда и как шутить. Игрушка я для тебя, да?

— Больше не буду, давай мириться! — Глубоко затянувшись, Исаков бросил окурочку, придавил его валенком, прямо и открыто посмотрел на девушку. — Знаешь что, Ваня! От-

ругай, побей, но никому ни слова только. Ладно?

— В следующий раз снова вздумаете то же самое?

— Сказал нет — значит, нет!

— Пусть будет по-твоему, коли так! Давай мириться! — сказала Домна и даже слегка улыбнулась. Долго дуться она не умела; была вспыльчива, но быстро отходила.

Исаков повернулся и пошел, но Домна окликнула его:

— Пойдем вместе!

Она подхватила винтовку, догнала бойца и зашагала рядом.

В воздухе закружились крупные редкие снежинки. Домна, чтобы сгладить неприятный осадок на душе, старалась отвлечься. Оглядевшись, она сказала:

— Вот и снежок пошел. Хороший вечер! Правда?

Исаков заговорил веселее:

— Тальяночку бы! Соскучился я по ней, милрой. Не забыла, как мы ехали из Питера в одном вагоне?

— Помню, — качнула головой Домна. — Уж и повеселил ты нас тогда гармошкой!..

Разговаривая, они шли не спеша по снежной тропке вдоль склона к шалашу. И вдруг их остановил короткий пронзительный свист...

3

— Слышал? — произнесла Домна дрогнувшим голосом. Руки ее потянулись к винтовке.

Сигнал повторился, теперь уже протяжно, настойчиво-тревожно. Свист доносился с гребня высотки, с того наблюдательного пункта у сосны, где находился Вежев.

— Тревога! — Исаков побежал вверх по склону.

Домна старалась не отстать от Исакова. На бегу она споткнулась о сук валежника, который второпях не заметила. И все же добежала к шалашу раньше Исакова, которому мешали несурзано большие валенки.

— Тревога! — крикнула Домна, подбегая к шалашу.

Бойцы были уже на ногах. В помятых шинелях, с припухлыми заспанными лицами, они готовили оружие.

По снежной тропке спустился Вежев. Он сообщил:

— На дороге показались подводы. Надо быть готовыми ко всему.

— Белье? — хриловато спросонья спросил безусый партизан, совсем еще парнишка, надевший второпях шапку задом наперед.

Бойцы торопливо поправляли шапки, подтягивали ремни. На левом фланге, между типографским рабочим Чащиным и Игнатовым, стояла и Домна.

Вежев еще раз оглядел их, чуть дольше задержав взгляд на неокрепшей фигуре Игнатова.

— Слушайте внимательно! — поправив на ремне гранату, сказал Вежев. — Движение замечено со стороны Визинги. Впереди двое конных, за ними подводы. Думаю, что это белые, разведка или боевое охранение. Костин, на лыжи! Прямоком по лесу на заставу. Доложить о появлении неприятеля. Выполняй!

Высокий правофланговый боец вышел из строя, быстро встал на лыжи и направился по лесу к своим. Проводив его взглядом, Вежев обратился к остальным:

— Как действовать по тревоге — помните? Напоминаю: без сигнала огня не открывать. Подпустим их поближе. — Взглянув на Домну, он спросил: — Лошадь обречена?

— Напоила, дала сена.

— Запряжена?

— Нет, но хомут на лошади и все подготовлено.

— Сбегай и запряги. Покрепче приязжи за поводок. Выполнишь — вернись ко мне. Я буду у большой сосны на угоре. Остальным — по местам, к завалу.

Домна сбегала к лошади, запрягла ее в розвальни, пристегнула вожжи, привязала за повод к дереву. Прислушалась: выстрелов пока не было слышно. Она еще раз проверила, все ли тут оставляет в порядке, перевязала узел повода так, чтобы в случае стрельбы лошадь не сорвалась и не убежала, подбросила ей сена и бегом поднялась к шалашу.

Когда она вернулась к шалашу, там никого уже не было. Партизаны притаились. Только следы на снегу подтверждали, что они где-то рядом.

Закинув за спину котомку, в которой у нее были патроны, бинты и сухой паек, Домна направилась к Кузьмичу, из предосторожности перебегаю от дерева к дереву.

Кузьмича она нашла у сосны, где они вместе час назад наблюдали за белкой. Последние метры Домна преодолела почти ползком.

— Приближаются? — тихо спросила Домна, устранивсь рядом с Кузьмичом.

— Едут! — отозвался Вежев. Он взглянул на нее. Запылавшись от быстрой ходьбы, возбужденная ожиданием предстоящего боя, Домна дышала часто и отрывисто.

— Отдышись! — сочувственно предложил ей Вежев. — Будешь связным при мне. Наблю-

дай вокруг, что заметишь — докладывай. Без нужды голову не высовывай...

Осторожно выглядывая из-за сосны, Домна следила за тем, что происходило на дороге.

Наступали сумерки, но было еще достаточно светло. По дороге двигались конные, ехали неторопливо, осторожно. Уже можно было различить их фигуры, снаряжение. Одеты они были тепло: полушубки, шарфы, шапки-ушанки, на ногах меховые пимы. Винтовки держали спереди, на ремне, закинутым за шею. Передний, рослый, сидел в седле, точно припаянный. Другой вертелся, вглядываясь, как зверь на тропе.

Зоркие глаза Домны разглядели на груди высокого всадника странный предмет. Она терлась в догадках, что бы это могло быть.

Юркий неожиданно поднял предостерегающе руку, и всадники остановились. Их внимание было приковано к горе, на которой пряталась партизаны. Может быть, они заметили завал из деревьев или неосторожно высунувшуюся из-за укрытия голову кого-либо из партизан. Высокий схватил болтавшийся на ремешке предмет и поднес к глазам.

— В бинокль разглядывает! — сказал Вежев. — Учуйли, видать...

— Трахнем по гляделкам! — предложила Домна.

— Не надо. Пусть остальные подтянутся, — движением руки остановил ее Вежев. — Посмотрим, что дальше будут делать.

Домне хотелось разрядить винтовку, хотя до конников было еще далеко, и чтобы попасть в них, надо было быть отличным стрелком.

Между тем всадники, переговорив о чем-то, повернули коней и помчались назад. Через минуту они скрылись за поворотом.

— Эх, упустили! — воскликнула Домна и даже поморщилась от досады. Она схватила губами снег, подержала во рту и выплюнула.

— Вернутся! — уверенно сказал Вежев, шаря в карманах. Он вынул кисет с табаком, повертел в руках и снова спрятал. — Ты, Ванюша, не горюй, они скоро появятся... Как там наши — не шныряют, не болтаются на виду?

— Нет, никого не видать. Шла сюда — и ни звука. Ловко попрятались ребята.

— Вот и ладно. Не надо раньше времени звонить к обедне. — Вежев посмотрел на девушку. — А ты как, веришь в бога?

— Я нет. А ты, Кузьмич, разве веришь?

— Верил когда-то, да перестал. Где этот бог, кто его видел?

— Поповские сказки.

— Согласен, брехня одна! — сказал старшина, не спуская глаз с дороги.

Слева, из-за поваленных сосен высунулась голова Исакова. Пулеметчик помахал Домне

шапкой. Вежев, заметив это, пригрозил ему кулаком, чтобы прекратил дурачиться. Но Исаков сделал вид, что не понял, и стал с кем-то переговариваться, стараясь подчеркнуть свое пренебрежение к опасности.

— Идол несчастный! — возмутилась Домна. — Сбегать к нему, что ли, Кузьмич? Я ему вправлю мозги!

— Сходи, проверь и остальных, предупреди строго от моего имени. А пулеметчику скажи — арест зарабатает как дважды два! Непрошенные гости еще до наступления ночи попытаются прорваться через наш завал...

Не успела Домна преодолеть и половину пути до завала, как увидела высочивших из-за поворота тех же двух всадников. Пригнувшись к седлам, они неслись во весь опор к завалу. Одновременно с той и другой стороны дороги замелькали фигуры вражеских стрелков.

С гребня горы, где, притаившись, лежал Вежев, раздался выстрел, и в ту же минуту заговорил пулемет Исакова.

Всадники круто свернули коней в сторону, спешившись, укрылись в чаще леса и открыли стрельбу. Над завалом просвистели первые пули.

Выстрелы в зимнем лесу раздавались глухо. Они не пугали Домну, лишь сильнее разжигали знакомый по предыдущим стычкам боевой задор. Все ее внимание было сосредоточено на приближавшихся вражеских стрелках. Они двигались короткими бросками, от дерева к дереву. Было видно, что снег мешал им идти быстрее, выматывая силы.

— Ну, как дела, храбрый пулеметчик? — бросаясь с разбегу на снег рядом с Исаковым, спросила Домна.

— Хорошо! Только вот темнеть начинает, целиться трудно. Валяй ко мне, вместе будем воевать.

Исаков лежал на животе, широко раскинув ноги в неуклюжих валенках. Заячья шапка сдвинута на затылок, золотистые завитки волос размялись по лбу. Притянутые щекой к ложу ручного пулемета, Исаков тщательно целился в мелькавшие в низине фигурки солдат.

— Гады, пересекают ложбину! Поддадим жару... А ну!

Исаков резанул короткой очередью, еще и еще.

Удобнее растянувшись на снегу, Домна тоже изготовилась к стрельбе и, уловив момент, когда в просвете деревьев показался вражеский стрелок, нажала на спусковой крючок. Громыхнул выстрел, прикладом отдало в плечо, она перезарядила ружье и снова изготовилась, высматривая цель.

— Кажется, попала. Ткнулся носом в снег, — прекратив стрельбу, сказал пулемет-

чик. — А другие продолжают лезть... Тяжеленько будет нам, их больше!

— Кузьмич ругается, — продолжая наблюдать за противником, сказала Домна.

— За что?

— Дисциплину не соблюдаешь: высовываешься, головой вертишь...

— А не выглянешь, как их увидишь? Они тоже не дураки, умеют прятаться... Ты, Ванюшка, смотайся-ка на тот конец завала. С той стороны, вижу, подбираются, черти. Как бы не обошли. А я здесь продержусь... Эх, патронов маловато!

Бойцов было семеро, и Домне не стоило больших трудов повидать каждого. Побывав у немногословного наборщика Чашина, навестила Игнатов, поговорила со всеми, подобрала. Раненых пока не было. Сваленные друг на друга толстые деревья завала надежно защищали бойцов от пуль.

К ружейным выстрелам вражеских солдат теперь присоединился злобный лай их ручного пулемета. На той стороне ручья огненные стрелы вспарывали стгущающиеся сумерки. Иногда пролетали разрывные пули и, ударившись о препятствие, с треском лопались, образуя злоеющие сине-багровые вспышки.

Где-то недалеко, глухо ухнув, разорвалась граната, и через минуту на склоне горы показался Игнатов. Парнишка бежал без ружья, спотыкался и падал. Шапка чудом держалась у него на макушке.

Домна бросилась к нему.

— Что случилось, Петя? Ранило тебя?

— Нет... Нас обходят! Где Кузьмич? Гранатой бы в них!..

— А ружье где?

— Там осталось...

— Бегом обратно! — Домна подхватила растерявшегося парня за руку, потащила к тому месту, где валялось брошенное им ружье.

— Берн быстро, будем стрелять вместе, — занимая боевую позицию, сказала Домна. Она вставила в магазин новую обойму, прицелилась и выстрелила в подкрадывавшегося к завалу вражеского солдата.

— Патронов! — услышала она сквозь стрельбу чей-то голос, кажется, Исакова. А может, и не его. В суматохе разгоревшегося боя трудно было понять, кто и где кричит.

Где-то рядом раздался возбужденный голос Кузьмича:

— Все на лыжи! Будем уходить на заставу. Кто видел, где Каликова?

Домна бросилась на его голос. Кузьмича она застала у пулемета в тот самый момент, когда он собирался швырнуть гранату в подбегавших к завалу белогвардейцев.

— Ложись! — успел он крикнуть девушке и, широко размахнувшись, с силой бросил гранату.

В этот момент Домна услышала за своей спиной стон. Она обернулась и увидела Игнатова. Он стоял, схватившись за грудь и пошатываясь. Затем ноги его подогнулись, боец упал на колени ничком.

На той стороне завала с грохотом разорвалась граната Вежева.

Домна бросилась к Игнатову.

— Петя! Петенька, — шептала она, пытаясь посадить раненого бойца.

Дышал он отрывисто и учащенно, жадно хватая ртом воздух. Вражеская пуля, видимо, ударив ему в грудь, повредила легкое.

После взрыва гранаты за завалом наступила тишина. Домна огляделась. Было уже темно, но она все же разглядела висевшее в неестественной позе на корявых сучьях поваленной сосны безжизненное тело солдата в иноземной шубе. Где-то там, рядом, чуть подальше, стонал другой.

С каждой минутой становилось все темнее, стрельба угасала, а затем и совсем прекратилась. Наступившая ночь вынудила прервать бой.

Худенький Игнатов оказался тяжелым, и Домна с трудом вынесла его с места боя. Потом подбежали бойцы и помогли донести раненого до саней, уложить на сено, перевязать его рану.

Кузьмич приказал Домне:

— Гони в деревню! Передай на заставу: патроны кончились, отходим лесом на лыжах. Езжай, пока дорогу не перекрыли.

Партизаны помогли вывести лошадь на дорогу, и через минуту скрип удаляющихся под покровом ночи саней замолк вдали.

4

Часовой пропустил в дом перебежчиков, которых партизаны заставы привели с завязанными глазами. Появзку с их глаз сняли лишь у входа в сени, чтобы они могли самостоятельно подняться на крыльцо штаба. Их было двое.

Находившаяся в это время в штабе Домна с любопытством разглядывала белых солдат.

Перебежчиков допрашивали командир отряда и предревкома.

Они были в черных мохнатых папахах, в желтых английских шубах с железными застежками, курили душистый заморский табак. Одному из них лет сорок, крупные крестьянские руки, борода помелом. Другой на вид

моложе, бритый, с бегающими глазами, торопливо шарившими по сторонам, хотя в помещении партизанского штаба ничего особенного не было: обычная крестьянская изба, два стола, телефон, несколько ружей в углу.

— Откуда сами? — допрашивал их плотно сложенный командир отряда.

— С Удоры, — ответил бородатый солдат. — Мобилизованные. Воевать заставлял, а мы не хотим. Все время ладились бежать к вам. Вчера подвернулся случай, и махнули.

— Патрулями нас назначили, — всунулся в разговор бритый. — Я и говорю: Егор, давай тикать!

— Это ж я первый сказал, Семен! — упрекнул пожилой солдат. — Надо говорить, как было.

— Я и говорю, — заспорил перебежчик с бегающими глазами. — Разве не помнишь? Подошли мы к баньке у околицы села, закурили! Смотрю: кругом тихо... Бежим, говорю, к партизанам! Время самый раз!..

— Ладно, потом разберетесь, кто первый сказал, — перебил бритого командир отряда. — Рассказывайте лучше, что у вас там делается? Только начистоту.

— Так точно, начистоту, — вытянулся бородач.

— Чем заняты ваши?

— Готовятся атаковать Чукаиб.

— Значит, мало еще им попало от нас, — усмехнулся председатель ревкома. — А вам известно, когда они начнут наступать на нас?

— Дюже скоро должны. Може, уже в эту ночь.

— Ну-ну... А как поживает ваш капитан Медведев? Так, кажется, его зовут?

— Кто его разберет. Иные величают Медведевым, другие промеж себя Прокушевым. Он теперь к себе в деревню укатил, в Вотчу.

Командир отряда и предревкома переглянулись.

— Не врете, не спутали с кем-нибудь?

— Ей-бо, правда!

— Своими глазами видели: сел на коня и ускакал с вестовым, — начали божиться оба перебежчика. — Мать, говорят, поехал навестить. Злющий, револьвером замахивается на солдат, ругается.

— С чего это он вздумал револьвером пугать солдат? Расскажи подробнее.

— Объяснил он о новом наступлении, и солдаты зашумели: не пойдем, надо подкрепление ждать.

— Ну, и что он?

— Выхватил револьвер, расстреляю, кричит, каждого, кто откажется наступать. Уговаривал, обещал выдать новое обмундирование,

спирт, — степенно излагал бородатый перебежчик.

— Ну что ж, пусть сунутся, встретим! — пообещал председатель ревкома. Наклонившись к командиру отряда, он пошептался с ним, затем сказал: — Мы проверим, правду ли вы сказали о Прокушеве. В случае чего отвечаю головой...

В Вочу была направлена группа разведчиков, переодетых в форму белых солдат. Они должны были вручить Прокушеву пакет якобы от Латкина, схватить и живым доставить предателя в штаб партизан. О задании разведчиков знали только в штабе.

Домну не включили в группу разведчиков — не было необходимости. Ей и так пришлось много поработать.

Весь вечер прошел в подготовке к предстоящему сражению. Данные разведки и сообщение перебежчиков — все говорило о том, что надо быть готовым к бою. Командиры проводили беседы с бойцами, осматривали позиции, укрепления. Стало известно, что отряды красноармейцев на подходе и не сегодня-завтра будут здесь. До их прихода надо было во что бы то ни стало продержаться.

Домна провела вечер в самотечи, не отходя от Игнатова. Тяжело раненный боец доживал последние часы. Как могла, Домна пыталась облегчить его страдания: поправляла повязку, меняла компресс на голове, вытирала пот с лица. Поила с ложечки.

На квартиру она явилась усталая и опустошенная. Дочь хозяйки, только что вернувшаяся из бани и расчесывавшая щеткой из свиной щетины мокрые волосы, предложила:

— Баня у нас натоплена жарко, воды нагрели много. Сходи, помойся. Там сейчас мама.

Домна, давно мечтавшая попариться в бане, быстро собрала венишко, прихватила кусок мыла, березовый веник и поспешила по утоптанной тропке к прятавшейся среди сугробов низенькой баньке.

Это была обычная курная деревенская банька с подслеповатым окошком в две ладони, какие можно видеть в каждой коми деревушке на задах где-нибудь рядом с колодцем, ручьем или речушкой.

Хотя время было тревожное, любителей бани ничто не могло удержать от возможности погреться на жарком полоке, похлестаться веником, поразмять уставшие руки и ноги, а главное, поговорить, посудачить о том, о сем. В этом Домна убедилась, как только перешагнула сколоченный на скорую руку из досок и жердей тесный, низенький предбанник.

В холодном предбаннике никого не было. На узеньких скамейках, на деревянных колышках,

вбитых вдоль стен, висели зипуны, холщовые юбки, сарафаны, платки и прочая нехитрая женская одежда. На полу сгрудились старые стоптанные валенки, заношенные меховые унты и даже коты с соломенной подстилкой. Из бани доносились приглушенные женские голоса, плеск и шипение воды. Между законченной дверью и черным косяком в щели прорывались клубы пара.

Снимая шинель, Домна слушала разговор соседок.

— Беда на беду наваливается, — жаловалась одна. — Заглянула в кадку с творогом, а там дохлая мышь. Не знаю, что и делать. Выбросить творог жалко, а в рот не лезет...

— Ты, сватьюшка, выкинь ее, мышь-то, а творожок попрыскай святой водой, заговор пошепчи. Сама так делала.

— Седни хлеб в печи спалила, бабоньки, — тараторила третья. — Проснулось дите не вовремя, кричит. То да се, грудь дала. Сунулась в печь, а там одни обуглившиеся лепешки. Надо же так опростоволоситься!

— Раз-то сожгла, голубушка, так не велика беда. Вон у жены косога Паньки вечно хлеб недопеченный, да так и едят, — отозвался старушечий голос. — Такая она стряпуха. Как-то прорвало ее муженька, схватил целый ярушник и хлоп ей тем хлебом в спину. Завизжала та, заохала: ой-ой-ой, кричит, надо же — кирпичом в спину!..

Бабы смеялись над незадачливой стряпухой. Одна из них заметила:

— С квашней она не в ладах, а вот ребятишек мастерица рожать. Как блины печет на масленицу!..

— А чего ей не рожать, муж-то вон какой ядреный, вроде матерого сохатого! Рукой до желоба дотанется...

— У вас, кума, тоже стоят партизаны? — неожиданно спросил молодой женский голос.

— Орава целая, десять человек.

— И у нас столько же. Надоедают поди?

— Ничего, народ хороший. Крыльцо почилили, дрова колют, за водой бегут...

Домна просунула стриженую голову в дверь, спросила:

— Бабоньки, найдется ли местечко?

— И-и-и-и! — завизжали бабы, зашикали. — Закрывай дверь, бесстыдник! Здесь бабы моются...

— Не бойтесь, я сама баба! — рассмеялась Домна.

— Это моя, — узнала девушку хозяйка. — Заходи, Домнушка.

Партизанка быстро сняла исподнее и юркнула в баню к распаренным женщинам. Их бы-

ло пять или шесть. Одна подала Домне деревянную шайку, другая, зачерпнув из кадки горячего щелоку, предложила:

— Промой волосы! Добрый щелок удался.

— А вы что, без мыла моетесь? — поинтересовалась Домна.

— Отколю его взять? — сокрушенно вздохнула черноволосая молодуха с точеными круглыми плечами и с круглыми разомлевшим лицом. Распустив густые волосы, она склонила голову к шайке, собираясь ее мыть.

— Берите, мойтесь моим, а я лезу на верхний полоч погреться... — сказала Домна. Она с наслаждением растянулась на полочке, немного полежала.

— Ничего, бабоньки! Прогоним белых, снова заживем по-настоящему. И мыло будет и все, — сказала Домна.

— Ох, когда-то уж будет?

— Дождемся ли?

Судача о пятом-десятом, женщины мылись, натерли друг другу спины, сами незаметно поглядывали на полоч, где лежала девушка. Телом ладная. Кожа нежная, словно в молоне выкупана.

Но не было на ней нательного крестика. Это вызывало недоумение.

— Ты замужня? — наконец обратилась к партизанке одна из пожилых женщин.

— Недосуг было мужа найти, — отшутилась Домна.

— А крестик... потеряла?

— Не ношу.

— Как же? Поди крещеная же?

— Мама сказывала, что меня крестила. И носила я крест, а теперь перестала. Люди, которые умнее нас, говорят: ни бога, ни черта нет, одни поповские сказки. Так оно и есть, бабоньки. Неверующая я. Теперь не неволят: хочешь верить в бога — веруй, молись, а не хочешь — твое дело... Нельзя плеснуть бы на каменку ковшичек? Хочется веничком похлестать себя.

— Давай попарю тебя, — вызвалась молодая с розовым круглым лицом. Она плеснула на каменку добрый черпак воды, в клубах сухого, горячего пара забралась к Домне и сказала: — Подставляй спину! Не бойся, не залещу!

И пошла и пошла орудовать веником, да так умело, что разомлевшая от жары Домна не успевала подставлять плечи, спину, бока. От удовольствия она даже постанывала.

— Не угорите вы там, бедовые? — встревожились сидевшие внизу женщины. Они уже не жуждались Домны. Моясь внизу, продолжали свои незатейливые разговоры.

После бани Домна сбежала в санчасть навещать Игнатову, но в живых его уже не застала.

С окаменевшим сердцем вернулась она на квартиру и принялась чистить ружье, перебрала патроны в подсумке, привела в порядок котомку, чтобы по тревоге, не мешкая, явиться в боевой готовности. Невеселые мысли, навеянные смертью товарища по оружию, угнетали ее, отгоняли сон.

Бойцы, расположившись вповалку на полу, давно уже храпели, а Домна, чувствуя, что не заснет, помогла хозяйке прибраться в доме, затем под села к столу и при свете копилки принялась пришивать пуговицу к гимнастерке.

Хозяйка, управившись с домашними хлопотами, собралась лезть на печку. Она предложила участвовать:

— Хватит уж тебе, милая, возиться... Ох, война! Девоч и тех в солдатские штаны одела... Иди на печку, ладушка, вместе спать будем.

— Спасибо, хозяйюшка! На лавке переночую, — негромко ответила Домна, боясь потревожить спящих товарищей. — Нас ночью могут поднять. Не бойся, выплусю и на лавке. Мне не привыкать.

Домна перекусила зубами нитку, прислушалась к сонному бормотанию спящих, проверила у печи рукавицы бойцов и, обнаружив чью-то проносившуюся, зачинила ее.

А сна все не было. Она взяла сумку сандружинницы и стала перебирать бинты.

Любила она вот так, когда кругом все стихнет, сидеть за работой, углубившись в свои мысли. Сегодня на сердце было нехорошо, хотелось наедине сосредоточиться, разобраться в своих мыслях. Сумка сандружинницы наводила ее на грустные размышления. Кому-то будет она перевязывать раны завтра?..

Спят ее товарищи, не ведая, что может случиться с каждым из них через несколько часов. Может быть, эта ночь для кого-то будет последней.

И снова встал перед глазами Петя Игнатов.

...Еще свежо было в ее памяти, как они впервые встретились в городском клубе, участвовали в митингах, были на праздничных вечерах. В Усть-Сысольске стоял тогда штаб войск Пинего-Печорского края. В политотделе работал бойкий и энергичный русский паренек Знаменский, руководил работой среди молодежи. Знаменский организовал молодежный струнный оркестр. Игнатову полюбились балайка, он с ней не расставался.

Потом в городе организовалась комсомольская ячейка. Домна с Петей первыми подали заявления и были безмерно счастливы, когда

их приняли. Работы было по горло: собрания, репетиции, вечера с музыкой и танцами! И голос Пети обычно на них раздавался громче всех. Еще и сейчас звучал в ушах Домны его жизнерадостный смех...

А потом налетели белобандиты. В городе организовался партизанский отряд. Как радовался этот синеглазый паренек, когда надел военную форму и ему вручили старую японскую винтовку с блестящим, как охотничий нож, штыком!

Игнатов не успел достаточно подрасти, и приклад винтовки, когда он брал ее на ремень, едва не волочился по земле. Но это его не огорчало. Он настоял, чтобы взяли в отряд. Как и Домне, защита революции в те дни стала для Пети самым важным делом.

И вот Игнатова нет. И ничем нельзя помочь.

Не такая ли судьба ожидает и ее, Домну? Что ж, может быть, и так. Чего бояться? «Кроме старушки матери, мне жалеть некого... — размышляла она. — Но нет, я буду жить долго. Ни штык, ни пуля меня не возьмут. И будет у меня любимый муж, будут дети, все будет!..»

Неожиданно появился у порога председатель ревкома Маегов. Он осторожно закрыл за собой дверь, чтобы не разбудить спящих бойцов.

— Почему не спишь, Каликова? — спросил он, стряхивая снег с пахахи.

— Что-то не спится, товарищ командир. Нашла порванную рукавицу, зачинила вот, — вполголоса сказала Домна. — Садитесь, отдыхайте!

Предревкома сел на лавку, вынул из грудного кармана гимнастерки папиросу, хотел прикурить от копилки, однако не решился. В избу спало порядком народу, и воздух без того был спертым.

— Все наши налицо? — спросил он.

— Все дома... А вернулись разведчики?

— Вернулись... Они не застали Прокушева.

Успел, подлец, уехать... Привезли зачем-то гармонь... А тебе пора спать. Отдохни. Завтра трудный день.

— Значит, будут они?..

— Кто? Беляки? Если перебежчики не сохранили — надо ждать их. Думаю, сообщили правду. Все данные говорят за это. Мы Прокушеву хорошую ловушку тут приготовили. Не так ли?

— Пусть попробует сунуться!

— Тебе не боязно?

— Чего мне бояться? Я не одна, чай, вон нас сколько!

— И еще красноармейцы идут на помощь. Уже скоро будут здесь. Главное, удержаться до их прибытия. А там...

— Ну, кончай дела и ложись. А мне к другим надо заглянуть. Проверить хочу, как отдыхают бойцы. Спать, спать! — повелительно сказал он, уже выходя из избы.

Домна расстелила шинель на широкой соновой лавке, сунула под голову котомку, положила ружье рядом и, не раздеваясь, легла.

6

Спустя минуту, она уже дышала ровно, засыпая крепким, здоровым сном.

Было еще темно, когда партизан подняли по тревоге.

Домна одной из первых вскочила, быстро надела шинель, опоясалась солдатским ремнем.

— Выходить стронуться! — поторавливал бойцов Кузьмич.

Все уже было готово, когда один из бойцов замешкался, что-то разыскивая у лачки.

— Гичев! Все тебя ждут. Долго ты?

— Проклятые рукавицы запропалились. Не найду.

— Вот бери, — протянула ему рукавицы Домна. — Я их починила.

Боец с благодарностью улыбнулся девушке. Домна, перекинув через плечо сумку сандружинницы и схватив ружье, уже поспешила вслед за бойцами своего отделения на улицу.

У штаба царило оживление. В окнах горели огни. Очевидно, здесь не спали всю ночь, готовясь к предстоящему бою. По крутой лестнице то и дело вбегали и выходили люди: командиры боевых групп, разведчики с донесениями.

Получив боевой приказ, командиры подразделений быстро отвели своих бойцов на линию обороны и заняли боевые позиции.

Далеко под горой еле заметно тянулась зубчатая линия леса. Там пока было тихо и безлюдно. Здесь же, на угоре, где вдоль всего широкого заснеженного гребня Чукайбской горы отрыты и замаскированы окопы, иногда раздавались приглушенные звуки подаваемых команд, слышались торопливые шаги замешкавшихся бойцов, осторожное покашливание.

У Домны, после быстрого броска к месту обороны, ушащенно стучало сердце. Отдышавшись, она сняла холщовую сумку с бинтами, положила ружье на бруствер и стала устраиваться поудобнее. Девушка сложила в кучку патроны, чтобы и не мешали и были под рукой, смахнула с бруствера выпавший ночью легкий пушистый снежок.

В синих утренних сумерках стали вырисовываться — линия своих окопов по белому

склону горы, занесенная снегом изгородь под горой и раскиданные там и сям по широкому снежному полю кустарники. Резче обозначились контуры дальней опушки леса. Но как ни напрягала Домна зрение, ничего подозрительного не могла обнаружить. Опушка леса, откуда ожидалась вражеская атака, продолжала оставаться безлюдной.

По ходу сообщения пришел Исаков:

— С добрым утречком, Ваня. А я прибежал узнать, кто мой сосед справа. Расположился вон там у старой изгороди... Наблюдаешь? Заметила чего-нибудь?

— Пока нет, еще плохо видно, — отозвалась Домна.

— Скоро рассветет, тогда веселее будет. Начнется...

— Скорее бы! — Как и все в отряде, она теперь жила одним желанием: начать бой.

— Не холодно тебе, Ванюша?

— Нет...

— Стрелять коли придется, не торопись, не спеши...

— Знаю...

— Бой будет жарче, чем тогда в лесу. Но ты не бойся. Позиция у нас — что надо. С этой горы мы их всех перещелкаем, как воробьев! Ты не волнуйся.

— А я волнуюсь не больше твоего!

Домна устала напряженно вглядываться в предрассветную серую мглу и решила дать короткий отдых глазам. Усевшись рядом с Исаковым, она рассказала ему, как недавно ходила в разведку:

— Знаешь, чуть не попала им в лапы!

— «Чуть» на войне не считается! — приседая поглубже на дно окопа и закуривая в горсть, заметил Исаков.

— Ночью постучалась к одной... Знала я, что она жена коммуниста... Пустила к себе в избу. Одна в доме. Дети спят на полатах. Муж у нее где-то в России. Стала, значит, я расспрашивать ее про белых... На столе копилка чадит, окна занавешены. Думаю, ладно. И вдруг застучали, забарабанили в дверь на крыльце. Хозяйка перепугалась: «Что будем делать?» — спрашивает. Врать не буду, струхнула и я. Попалась, думаю, в мышеловку. «Иди, говорю, открой дверь. А я спрячусь за занавеской». — «Может, лучше в голбец?» — советует она. «Нет, туда они обязательно заглянут!» Юркнула за занавеску у печки, присела за кадушку с водой, затаила дыхание.

— Ну, и как дальше? — поинтересовался Исаков.

— Трое зашли. Белый патруль. Брякнули прикладами об пол, заорали: «Почему огонь

горит?» Дети проснулись, разревелись с перепугу. «На двор выходила по нужде, затем и зажгла!» — отвечает хозяйка. «Есть в доме чужой?» — слышу, спрашивают белые. «Никого нет, одна я с детшками», — отвечает. «А не врешь, паскуда? Найдем кого — берегись! Спалим ваше поганое гнездо и самих в огонь побросаем!» — пригрозили бандоги и давай шарить в избе, на печке, в голбе. Сени и сарай обыскали. А за занавеску заглянуть не догадались. — Домна негромко рассмеялась и вдруг сказала сурово: — Я бы их прикончила, револьвер держала наготове.

— С револьвером была?

— А как без него в разведку?

— Понятно. Так и ушли они ни с чем?

— Потребовали накормить. Нажрались, накурились и, поизмывавшись над перепуганной хозяйкой, смылись.

— Нелегкое дело ходить в разведку! — с уважением сказал Исаков. После столкновения у завала его словно подменили. С Домной он теперь разговаривал без заигрывания, как с товарищем, которого уважает. Уходя, он сказал:

— Если что понадобится, гаркни! Я буду у пулемета...

Ночная мгла постепенно рассеивалась. Воздух светлел, отставался, как вода от мути. Теперь хорошо проглядывалась местность впереди и по сторонам.

Деревня все еще, казалось, не проснулась от сна. Никакого движения в ней не было заметно.

Вдруг где-то далеко у мельницы глухо прогремел выстрел. Через некоторое время с той же стороны раздалось еще несколько ружейных выстрелов. Затем грохнул разрыв ручной гранаты. Застрекотал пулемет. Домна знала, у партизан на заставе пулемета нет. Значит, белые.

Не покидая своей ячейки, Домна напряженно прислушивалась к разгорающемуся на правом фланге бою. «Что там происходит?» — думала она в беспокойстве.

Спустя некоторое время Домна увидела, как по ходам сообщения с группой бойцов промелькнула плотная, сложенная фигура командира отряда. С ним бежал и Кузьмич. Он задержался на миг около Домны, бросив торопливо:

— У мельницы атакуют нашу заставу. Могут нас обойти с правого фланга. Мы туда! Здесь всем оставаться на месте...

Попытка белых обойти партизан с фланга не удалась. Командир отряда вовремя подоспел с передвижной резервной группой на помощь, и атака неприятеля была отбита. В стычке ра-

нили командира отряда. Ему перевязали рану, и он продолжал руководить ходом сражения, которое разгоралось.

Ожила дальняя опушка леса. Вражеские стрелки, не решаясь выйти из лесу, открыли дальний ружейный огонь. Над окопами просвистели первые пули. Иные пролетали близко от Домны, заставляя ее невольно пригнуться. Это заметил Исаков и крикнул ей:

— Напрасно кланяешься, пуля давно уже пролетела! Это поначалу так, а затем привыкнешь. Готовься к бою! Вон начали вылезать...

Домна взглянула, куда показывал Исаков, и увидела разрозненные фигуры вражеских солдат. Они, рассыпавшись цепью, продвигались вперед.

Враги наступали под прикрытием пулемета, делая короткие перебежки, заходя и открывая огонь из винтовок.

Поставив прицел, Домна не спеша навела мушку на солдата в мешковатой желтой шубе, которая хорошо различалась на снегу, и выстрелила. Солдат ткнулся в снег, полежал, послал ответную пулю на гору, поднялся и зашел вперед, догоняя свою цепь.

— Я вам покажу, дьяволи! — прошептала Домна. Она прильнула щекой к холодному ружейному прикладу.

Стрельба шла по всей линии окопов и под горой, со стороны наступающих. Цепи белых приближались с каждым новым броском. В шуме боя Домна улавливала, как разъяренные вражеские стрелки что-то кричали, размахивая кулаками. Видимо, для храбрости их напоили водкой. Иных заметно покачивало на ходу.

Белые стали накапливаться для решающего броска. Надо было столкнуть их вниз, сорвать атаку. Командир отряда, поднявшись на бруствер окопа, звонко скомандовал:

— За мной, в контратаку — ура!

Партизаны выскочили из окопов, ошетинились штыками. Слово вихрем подхватило и понесло их на врага:

— Ура-а!

Белые дрогнули, повернули назад.

Вместе со своим отделением кинулась вперед и Домна. Не успела она сделать и нескольких шагов, как увидела Исакова. Скорчившись на снегу, он стонал, неестественно вытянув ногу в своем несуразном валенке.

— Исаков, что с тобой? — нагнулась к нему Домна.

— В ногу ударило... Помогла бы...

— Тут лежать не место. Держись за меня, отведу.

Она с трудом дотащила раненого до укрытия, ловко наложив повязку, чтобы остановить кровь, и повела в санчасть.

Проходя деревней, она встретила предвечкома, направлявшегося с группой красноармейцев на левый фланг.

— Помощь подоспела... Теперь наша возьмет, это точно! — попыталась она ободрить Исакова.

Тот дышал отрывисто, постанывая. Ступать на раненую ногу не мог, и каждый шаг причинял ему нестерпимую боль.

«Скорее, родные, скорее!» — мысленно तोпила красноармейцев Домна.

Возвращаясь из санчасти, Домна услышала, как слева один за другим раздались дружные залпы красноармейцев. «Вовремя подоспели!» — радовалась она, ускоряя шаг.

Вернувшись на позицию, Домна увидела, что наступательный пыл белых ослаб, хотя еще и не был сломлен. Откатившись, вражеские стрелки залегли и открыли огонь, заставив партизан вернуться в окопы. Бой затягивался, и пока трудно было судить об его исходе.

От леса на вороном коне показался человек в офицерской шинели и черной палаше. Наклонившись в седле вперед, он мчался к залегшей цепи белых солдат. Это был Прокушев. Под градом красноармейских пуль он, доскакав до своих стрелков, сделал отчаянную попытку поднять их в атаку.

— Вперед, тусы! Вперед! — с площадной бранью истошно кричал он, размахивая револьвером. — Застрелю, кто не подымется!

Он тут же разрядил в воздух револьвер.

Угроза подействовала. Неровная цепь стрелков зашевелилась, снова двинулась на штурм горы. Но кинжальный огонь пулемета на левом фланге и ружейные залпы красноармейцев заставили их залечь на полпути. Прокушев скакал вдоль цепи своих солдат, продолжая гнать их вперед. Но тут в него попала метко посланная пуля. Он пошатнулся, но в седле удержался. Какое-то мгновение он, видимо, колебался, терзаемый желанием довести атаку до победного конца, но, обессилев, повернул лошадь, поскалобатно к лесу.

Белые солдаты, оставшись без командира, по одному и группами в два-три человека стали отползать, пятиться из зоны действительного огня. Затем они бежали вслед за своим командиром. Вскоре весь фронт белых, оставшая убитых и раненых, покотился к спасательной опушке леса.

Красноармейцы и партизаны, с ликующим «ура!» ринулись преследовать отходящего противника.

Потерпев неудачу под Чукалбом, прокушевская банда в беспорядке откатилась к Визинге. Красноармейцы и партизаны преследовали противника и на его плачах ворвались в село Визингу...

Переждав некоторое время, портной Иван Дрозд решил оставить убежище и вместе с женой и двумя девушками-школьницами из дальней деревушки, квартировавшими у него, выбраться из подполья. Для него было неясно, что же произошло на селе? Время позднее, слышно, уже петухи пропели. Выйти из дому в такую беспокойную ночь и узнать, что творится на улице, — разве хватит духу?

— Рассветет — все узнаем! А теперь давайте спать! — решил хозяин дома.

Но едва они успели задремать, как вдруг застучали в уличную дверь.

— Что за напасть! — вскакивая с постели, испуганно воскликнул портной и стал прислушиваться. Стук не прекращался. Тогда он сказал жене: — Выйди посмотри, кому и что надо.

Накинув шушун и шепча заговор от нечистой силы, хозяйка покорно вышла открывать дверь.

В избу ввалилось человек двадцать. Все с ружьями, покрываяют с холода, хлопают рукавицами.

Зажгли огонь, изба осветилась.

— Чолом, хозяин с хозяйшкой! — загудели ночные гости. — Дом ваш, видать, большой, вместительный. Разрешите погреться, переночевать.

— Давайте устраивайтесь, ежели с добром пришли, — сказал портной. — Однако кто вы такие — белые или красные?

— Не признал, хозяин? Красные мы, партизаны. Бой закончили. Разве не слышали стрельбу?

— Как не слышали! Да мы в подполье хоронились, не знаем, что творится на белом свете. Вчера белые шатались по селу, — с недоверием разглядывая незнакомых людей, сказала хозяйка.

— Белых прогнали, — бойко отозвался молодой боец. Он, сняв шапку, провел рукой по русым завиткам зачесанных назад, длинно подстриженных волос. Видать, взопрел паренек, утомился, но держался молодцом, и в глазах светился еще не остывший азарт ожесточенной схватки.

— В самом деле прогнали? — с любопытством разглядывая молодого бойца, спросил портной.

— Вышибли одним ударом.

— Вот хорошо! Натерпелись мы страху. И то им пошей, и это... И все за спасибочко. А из спасибо обеда не сварить...

— Кстати, насчет обеда, — весело отозвался тот же боец. — Нам бы помыться, чайку вскипятить... Может, воды надо принести? Я быстро сбегает.

— Молодой-то какой, а тоже пошел в солдаты, — сокрушенно покачала головой хозяйка, угрюмая на вид женщина с крупными мясистыми чертами лица и широкими скулами. Взгляд ее подобрел, и в голосе зазвучала материнская забота: — Намерзлись поди! Придет-ся печку подтопить, что ли.

— Золотые слова, мамаша! — подхватил боец. — Признаться, с утра ничего не ели. Затопим печь, горяченького сварим и чайку напьемся! Где дрова? Мы сами все сделаем... И вот еще что, хозяйшюка, не продадите ли ведро картошки? Или на соль сменяете? Можно и на табак, — снимая шинель, продолжал непринужденно вести переговоры боец.

— Да чего с вас взять! Ведро можно и так дать, не разоримся... Эй, девоньки! — сказала хозяйка школьницам. — Покажите солдатам, где дрова, и помогите подтопить лежанку в средней комнатке. А я тем временем в подполье за картошкой слазю.

Хозяйка взяла деревянную бадейку и, прикусив зубами горящую лучину, направилась к голбцу.

— Разреши помочь тебе, добрая хозяйшка! — вызвался молодой боец и, взяв из ее рук бадейку, полез вместе с ней в голбце.

Спустя полчаса в печке-лежанке жарко потрескивали мелко наколотые смолистые дрова и в ведром чугуне с картошкой заворчала, заплескалась закипающая вода.

Дом портного заметно отличался от других крестьянских изб. Был он вместительный, с просторной светлой кухней, со среднюю комнату, лежанкой и с большой горницей.

В ожидании ужина бойцы мылись, балагурили, перекидывались шутками.

Потом они дружной ватагой уселись за стол вокруг деревянной чашки, выдолбленной из березового нароста. Забравшиеся на печку школьницы с любопытством наблюдали, как ужинают партизаны.

Их внимание привлекал молодой русский боец, своей учтивостью с первых минут завоевавший расположение. На нем, как и на других бойцах, была солдатская гимнастерка и такие же штаны. Боец как боец, разве что милловиднее других. Товарищи называли его Ваней.

— Ну, и картошка у тебя, хозяйшюка, язык проглотил! Крупная, рассыпчатая! — нахвали-

вал он. — Нажимайте ребята! Ешьте досыта, чтобы могли ногами работать!

— Почему ногами? — с недоумением спросил Воробьев — рабочий нювчимского завода.

— А то как же! Не заправившись, разве догонишь беляков? Они сейчас так драпают, только пятками сверкают.

За столом рассмеялись. Шутка рассмешила и девушек на печке.

Вдруг одна из них озабоченно ткнула подружку локтем:

— Слышь, Машук! А ведь это не парень! Самая настоящая девушка.

— Не говори глупостей! Разве девки в штанах бывают? Ваней все зовут его...

— А ты приглянись получше! Ей-богу, девушка!..

Школьницы заспорили и стали приглядываться к забавному бойцу.

— Чем же тут у вас похвалялись белые? — спросил у хозяйки Воробьев.

— Говорили, в Усть-Сысольске новый губернатор объявился — Латкин! — отозвался портной без особого восторга.

— Нашли чем хвалиться! — фыркнул молодой боец. — Чтоб он подавился английскими харчами!

— Верно, — подавая на стол кипящий самовар, поддержала хозяйка. — Люди бают: в городе тюрьма битком набита. Каждый день новых и новых загоняют. Свиристствует этот Латкин.

— Недолго осталось ему властвовать! — сказал русский боец.

— Как хочешь, а это не парень, — снова не выдержала одна из девушек на печке.

— И мне теперь тоже кажется, — согласилась другая. — Голос больше для девушки подходит. И руки небольшие, девичьи...

— А ты спорила...

— Да ведь в штанах... Пойдем спросим у самой!

— Нельзя при всех: надо наедине...

Пожинав, партизаны встали из-за стола. Одни ушли сменить патрулей на улице, другие расположились в средней комнате на полу. Утомившиеся за день, бойцы легли отдыхать. Русский, захватив ружье, вышел из дому.

Девушки, накинув пальтишки, выскочили на двор. Им не терпелось узнать, куда отправился этот необыкновенный боец ночью, а главное, им хотелось поговорить с ним с глазу на глаз.

Ночь стояла тихая, облачная. Выбежав за калитку, подружки огляделись. Молодой боец в шинели маячил вдали на дороге. Держа ружье под мышкой, он не спеша прошелся до угора, затем вернулся и остановился около ам-

бара у церковной ограды, слившись с темными очертаниями.

Подружки набрались храбрости и несмелыми шагами направились к нему. Патруль вскинул ружье и окликнул их.

— Это мы!

— Кто «мы»? Остановитесь и отвечайте!

Обомлевшие от страха девушки стали объяснять.

— Мы из того дома, где вы ужинали.

— Подойдите ближе.

Подружки подошли, и Домна, узнав их, добродушно сказала:

— И правда, свои... Чего ночью вздумали гулять?

— Мы на тебя посмотреть вышли.

— А чего вам вздумалось за мной подглядывать?

— Узнать хотим: парень ты или девушка?

— Предположим, девушка. А что?

— Да так... Поспорили мы давеча на печке.

Я говорю — девушка, а Маша не верит. Откуда ты такая?

— Вильгортская.

— А почему тебя все зовут Ваней?

— Это так прозвали. А настоящее мое имя — Домна... Домна Каликова.

— А как ты попала сюда, Домна?

— Как и другие, своими ногами пришла, — отшутилась партизанка. Потом объяснила: — Нагрянули белые, я и записалась добровольно. Воевать надо...

— Как же тебя мать отпустила?

— Я сама ушла. Жалко, конечно, мать было оставлять, да что поделаешь! Так надо.

Девушки переглянулись. Многое им казалось странным в поведении девушки-партизанки. Наперебой подружки стали расспрашивать:

— А почему у тебя, Домна, волосы подстрижены?

— Так лучше.

— Разве мать не поругала за это?

— Ругала, девочки, да я по-своему делала. Воевать же пошла!

— А не страшно тебе воевать?

— Если бы одна была, тогда страшно. А нас вон сколько, которые за Ленина!.. Слышали про Ленина?

— Знаем! — ответили подружки. — В школе у нас его портрет висел.

— Вы — школьницы?

— Учились, пока белые не пришли. Они закрыли школу, сами туда поселились. Все парты и шкафы повыкидали на улицу.

— Вот прогоним подальше волчью стаю, и снова школа откроется! — Помолчав, Домна сказала: — Вот бы мне поучиться! Да где тут!

Скоро двадцать три стукнет, возраст не тот. С такими годами в школу не принимают. А уж так хочется!...

— А долго ли вы будете у нас, в Визинге? — спросила Маша. — Мы бы показали тебе свою школу.

— Не знаю, девочки. Надо спешить освободить уездный город. Там в тюрьме народ томится, ждут нас... Если побудем несколько дней, мы с вами в школе вечер устроим, с песнями, с пляской. Можно и небольшую постановку подготовить.

Домна рассказала девочкам, как они проводили вечера молодежи в городском клубе и как там было весело. Они беседовали, как старые знакомые. Школьницы вспоминали о своих школьных вечерах, о том, как учились. Затем Маша спохватилась:

— Ой, хозяйка, наверно, хватилась нас! Надо бежать домой... Домна, где собираешься сегодня спать?

— Скоро меня сменят, я приду к вам! — пообещала Домна...

Эту ночь она спала рядом со школьницами. Укрывшись одеялом, они долго шептались, пригретые теплом печки, пока сон не одолел их.

А утром, когда школьницы открыли глаза, Домны уже не было. Утомленные ночными впечатлениями, они спали как убитые и не слышали, когда рано утром партизаны поднялись и ушли.

Отряд отправился на задание. А тем временем на помощь партизанам уже подходили новые свежие красноармейские подразделения из сводного отряда Контрыма.

8

Не лежало сердце Ладанова к «губернаторской канцелярии», не хотелось ему связываться с ней, однако пришлось. Не хватило духу отказать наотрез, да и тесть, Гыч Опонь, прожужжал уши, расхваливая новую должность:

— Не упускай, дорогой зятек, такого счастливого случая! Уж если сам губернатор приглашает, держись обеими руками. Большим человеком тебя сделает, да и мне прямая выгода: с божьей и его помощью настоящий завод наладим.

Ладанов согласился.

Между тем новоиспеченный губернатор развил бурную деятельность. Не прошло и двух недель с его приезда, а городская тюрьма уже была набита арестованными. Надо было разгружать тюрьму. Латкин решил сам заняться этим. Он вызвал Ладанова и распорядился:

— Для начала поручаю вам, господин пра-

порщик, разобраться с арестованными. Мне надо знать, каким сбродом набита городская тюрьма. Опросите каждого, тщательно проверьте. На коммунистов и сочувствующих составьте особый список. Разберетесь, доложите. Все ясно?

— Так точно, господин губернатор! — ответил Ладанов и покорно приступил к выполнению своих обязанностей. В помещении канцелярии ему отвели отдельную комнату, к нему приводили арестованных, и он добросовестно с утра до вечера вел допросы. Особый список разрастался. Скоро уже можно было подводить под ним черту.

В тот памятный день Ладанов, как обычно, явился в канцелярию одним из первых. Проходя в свою комнату, он заметил, что люди как-то странно перешептывались. Однако он был слишком занят мыслями, связанными с выполнением непосредственных обязанностей, от которых кошки скребли на сердце. Допросы подходили к концу, надо было докладывать начальству, и Ладанов не придал значения странностям в поведении сослуживцев. Он прошел в свою комнату, вызвал дежурного и распорядился, чтобы привели арестованных, которые были на очереди.

— Сегодня тоже будете заниматься арестованными, господин прапорщик? — растерянно спросил дежурный.

— Не задавайте глупых вопросов! — раздраженно кинул Ладанов.

Дежурный вышел. Ладанов взял газету и пробежал глазами по страницам.

Ничего нового, что бы заслуживало внимания, он не вычитал. Газета, как обычно, была наполнена трескучими сообщениями о победах союзников и доблестной белой армии, хотя, насколько было известно Ладанову, дело обстояло далеко не так.

В конце газетки его внимание остановила небольшая заметка, напечатанная мелким шрифтом, в которой сообщалось, что английские войска из тактических соображений решили на время покинуть Архангельск.

Ладанова бросило в пот. Не веря глазам, он еще и еще раз прочитал стыдливо прячущуюся на задворках газеты заметку и бессильно откинулся на спинку стула. Мысли путались в голове. Было ясно, что англичане бегут. Это означало начало конца. От сознания того, что допустил непростительный просчет, связав свою судьбу с пресловутой губернаторской канцелярией, Ладанов в бессильной ярости готов был рвать на себе волосы.

В таком состоянии и застал его Макар, которого дежурный втолкнул в комнату и захлопнул дверь.

Увидев Макара, Ладанов некоторое время молча, с недоумением разглядывал его. Это была неожиданная встреча.

Вялым кивком головы он наконец позвал Макара подойти поближе. Тот, тяжело волоча покалеченную ногу, приблизился к столу.

Давненько они не встречались! Ладанов бросился в глаза, как заметно изменился Макар, похудел, постарел, оброс, но держался твердо. И еще обратил он внимание на то, что Макар не поздоровался с ним, хотя, безусловно, узнал. Макар сердито кашлянул и выжидающе уставился на чернильницу.

Ладанов, кивнув на стул, коротко бросил: — Садитесь...

Неуклюже двигая деревяшкой, Макар сел на кончик стула.

Далее все шло так, как и обычно при допросе: Ладанов спросил имя, отчество, фамилию, возраст и занятие.

Он все это отлично знал и спрашивал для формы. Сам же в это время думал, как поступить ему с этим человеком: внести ли в особый список и, следовательно, включить в число смертников, или же загнать в камеру к уголовникам, попытаться его убрать с глаз долой? Ладанов определенно не хотело брать его на свою совесть. Макар, конечно, порядком насолил и тестю и другим, когда был в комбеде, однако, кто его знает, как могут обернуться обстоятельства?..

— Коммунист? — спросил у него Ладанов, пытаясь придать голосу строгость.

— Сочувствующий...

«Как же с ним быть?». — думал Ладанов. Решая судьбу Макара, он опасался за себя. Он понимал, что такой губернатор, как Латкин, сегодня есть, а завтра нет. А ему, Ладанову, куда деться? Если останется жить у себя дома, надо будет встречаться с народом. А как будешь смотреть людям в глаза, если руки окажутся в крови соседа?..

Машинально допрашивая Макара, Ладанов думал о том, что вот и англичане уже эвакуируются из Архангельска, да и здесь положение белых зыбко. Ненадежное это дело — канцелярия губернатора! И где теперь он сам, губернатор? Утром заглянул на полчаса и исчез. И его сотрудники ведут себя как-то странно сегодня...

— Что еще можешь сообщить? — спросил Ладанов и подошел к окну, выходившему на один из центральных перекрестков.

Город тоже выглядел как-то странно, необычно. Вот, по тревоге, пробежали солдаты караульной роты и с ними дежурный канцелярии. Люди куда-то спешат. Потянулись подводы с солдатами, с военным имуществом...

А вот показался возок. В нем кто-то сидит, укутавшись в медвежий тулуп, высоко подняв воротник. Старается скрыть лицо, чтобы не узнали. Рядом женщина в салопе и в пуховой шапи... «Да это же матушка, жена протопопа. Потопова, — догадался Ладанов. — А в тулупе он сам! Узлы, чемоданы... Неужели покидают город?..»

Сердце у Ладанова упало. Он поспешил к столу.

В смятении думая о совершенно ином, прaporщик стал механически продолжать допрос:

— Я спрашиваю, что еще можешь сказать о себе?

— Что мне говорить? — сердито фыркнул Макар. — Вам все известно, и говорить нам не о чем!..

Ладанов настороженно прислушался. Его поразила неожиданно наступившая тишина в канцелярии. Не слышно ни шагов, от которых всегда гудел дом, ни говора, долетавшего сюда, не хлопают двери.

— Одну минутку, — сказал Ладанов и торопливо вышел из комнаты.

Дежурного он не нашел. В прихожей встретил Харьюзова, который перед его носом шукой прошмыгнул к вешалке, схватил пальто и начал надевать его так, словно спешил на пожар.

— Что случилось? Где народ? — спросил у него Ладанов.

— Разве вам неизвестно? — изумился Харьюзов. — Отряд Орлова разбит под Леной. Сам он убит в ночном бою. Отряд Прокушева тоже потерпел поражение под Чукайбом и спешно отступает. Город оставляем без боя...

— А где губернатор?

— Он уже выехал! Все, все — фью! — убедительно присвистнул Харьюзов. Он так спешил, что не мог попать рукой в рукав пальто и, смешно подпрыгивая на одной ноге, дергался и злился. Не застегнув пальто, он нахлобучил на голову шапку и стремглав спустился по крутой лестнице. Уже снизу он крикнул:

— Спешите! Последние подводы уезжают!..

У Ладанова перехватило дыхание. Он лихорадочно заметался по опустевшим комнатам. По губернаторской канцелярии словно ураган пронёсся. Только в кабинете самого губернатора был порядок. На столе лежала пачка хороших английских сигарет и янтарный мундштук, которым Латкин очень дорожил в память об Архангельске. И если уж он забыл его здесь, значит, спешил.

«Надуться петух! Первым смылся!» — обозлился Ладанов. Он уже собрался покинуть опустевшее здание, но вспомнил о Макаре.

— Можешь идти! — вернувшись в свою комнату, сказал Макару Ладанов. Тот с удивлением поднял брови:

— Куда?

— Меня это не касается! — раздраженно буркнул Ладанов, поспешно укладывая списки в папку и собираясь уходить. Подумав, он добавил более спокойно: — Как соседу и земляку, я не хочу чинить тебе неприятностей. Отпускаю на все четыре стороны. Иди с богом!

Прихватив папку со списками, Ладанов направился к двери, но Макара остановил его:

— Одну минутку. Мне давно хочется спросить: Мартынова помните?

— Какого Мартынова? Ах, да! Того ссыльного?

— И Красный яр, конечно, помните под Кочпоном?

— Что за странные воспоминания!

— Подождите, мне хочется уточнить одну деталь. Нас было там четверо: Мартынов, я, ты и Пронька. К греху Иуды я не причастен. Пронька тоже не мог этого сделать. Остается один человек, донесший на Мартынова...

Ладанов не выдержал взгляда Макара и отвернул глаза в сторону.

— Гадина! — услышал он за своей спиной и вздрогнул, точно от удара, но тут же взял себя в руки и крикнул глухим, сдавленным голосом:

— Ну, ты, поосторожней!..

Он еще что-то собирался сказать, но, не найдя слов, махнул рукой.

На улице он пришел в себя. Но что делать, куда идти и что предпринять? Бежать из города или отправиться домой? Он даже не знал, далеко ли красные и когда их можно ждать сюда.

Спустившись на Береговую улицу, у воинской казармы он увидел несколько подвод с вооруженными солдатами. Там спорили и ругались. Угрожая оружием, солдаты кричали на ямщиков.

Ладанов подошел к ним.

— Что за шум?

— Ямщик отказывается ехать, господин прапорщик! — приложив руку к поясу папаше, доложил фельдфебель Чуркин, рядом с которым на снегу стоял ручной пулемет и громоздились цинковые коробки с патронами.

— Как же я повезу на такой лошади? Разве не видите, одни кости да кожа! — отбивался от наседавшего фельдфебеля молодой русобородый мужик и для убедительности, сняв рукавицу, провел корявым пальцем по выступающим ребрам лошади. — Совсем загнали, не потянет она, а ты не хочешь понять. Так и быть, садись, а ящики с патронами и оружие оставь.

— Ты что, рехнулся, олух царя небесного! Как же я могу оставить пулемет? — горячился фельдфебель, размахивая казацкой нагайкой.

— Вы откуда едете? — спросил у него Ладанов.

— От самой Визинги! Наши покинули город, мы замыкающие, ваш бродь!

— Садись, поедём! — решительно кинул ему Ладанов и тут же приказал ямщику: — А ты много не рассуждай, трогай без разговоров!

Ямщик, бросив косой взгляд на офицерские погоны, спросил унылым голосом:

— Куда вези-то?

— Куда все едут! Да живее!

— А я почему знаю, куда вы все спешите? — продолжал ворчать возница.

— Поезжай по тракту в сторону Корткероса! Туда приказано отступать... Да перестань, старый пень, огрызаться, а не то живо заткну тебе глотку! — пообещал фельдфебель, устранившись в развални с ручным пулеметом. В подтверждение своих слов он ткнул нагайкой ямщику в широкую спину.

Подводы отъехали от казармы. Ладанов, кутаясь в офицерскую шинель, спросил у фельдфебеля:

— Значит, отступаем?

— Отступаем! — недобро осклабился фельдфебель. От него густо пахло спиртным. — Пес я буду, коли правду не скажу. Побили нас, ваше благородие. Надавали и в хвост и в гриву.

— Побили?

— Сначала под Чукайбом морду намылили. Затем в Визинге отхлестали. В Межадоре бой был и тоже не в нашу пользу. Таких синяков и шишек надавали, лучше не надо!

— А где ваш командир?

— Если насчет капитана Медведева иттересуетесь, он давно уже, думаю, в Корткеросе чаек потягивает. Ранили его.

— А красные далеко отсюда?

— Следом за нами двигаются. Пес я буду, если этой ночью они не займут город... Да вы что, ваш бродь, с луны свалились? — удивился фельдфебель. — Разве ничего не знаете?

— Знал бы, не стал расспрашивать! — хотя сознался Ладанов и, как бы оправдываясь, добавил: — Занят был срочными делами и не заметил, как все вдруг изменилось... «Черт возьми, как все, однако, непрочно в этом мире!» — выругался он уже про себя и, отвернувшись, замолчал.

Фельдфебель растянулся в санях поудобнее и, громко зевая, тоже про себя заметил: «Такая наша солдатская жизнь: ложишься спать и не знаешь, где проснешься — на этом свете или на том?»

Они ехали, не разговаривая. Подвыпивший фельдфебель, засунув руки в рукава теплого английского полушубка, сонно клевал носом. Временами он похрапывал. Ладанов же был в шинели, в сапогах, и ему приходилось время от времени вставать и бежать за санями, чтобы согреть продорванные ноги.

Сначала у него была мысль завернуть лошадей в Кочпон и кое-что захватить из дому на дорогу, попрощаться с домашними и уже тогда догонять губернатора. Узнав же, что красные совсем недалеко и вот-вот могут появиться в городе, он не рискнул задерживаться и вверил себя судьбе. Кроме папки со списками арестованных, при нем ничего не было. Для чего ему теперь нужны эти списки, он и сам не знал.

Лошадь продолжала бежать. Уже скрылся город из виду, дорога пошла глухим лесом. Позади ехало еще несколько подвод с солдатами. Они то нагоняли, то снова отставали, скрываясь за поворотами дороги. Ямщик, нахвалившись, молчал. Он, видимо, примирился с необходимостью подчиниться грубой силе.

Чем дальше отъезжали они от города, тем лихорадочнее думал Ладанов. Он пытался разобраться, что же произошло с ним и, главное, что его может ожидать завтра? Поддавшись общей панике, он, подгоняемый страхом, не раздумывая, сел в первую подвернувшуюся подводку и выехал из города. Но теперь, когда и дом, и жена, и все, что связано с его благополучием, с каждой пройденной верстой становится все дальше и дальше, он уже жалел, что поступил так необдуманно.

«Зачем было горячиться и спешить? — мысленно ругал он себя. — И на кой черт я забрал эту папку?.. Губернатор! Да провались он сквозь землю! Ей-ей, не долговечны эти правители... Не вернуться ли мне в город?..»

Проехав верст двадцать, они добрались наконец до первой деревушки Визябож и остановились, чтобы дать лошадям отдохнуть. Храпевший в санях фельдфебель продорвал и, очнувшись, побежал греться в избу. Уходя, он крикнул ямщику:

— Эй, борода! Не собирайся долго прохлаждаться. Перекурим и дальше...

Он и пулемет оставил в санях.

Ладанов огляделся: задние подводки проехали до следующих домов и тоже остановились. Солдаты, хлопая рукавицами и громко переговариваясь, разбрелись по избам. К ночи небо вырезало, мороз заметно крепчал. От вспотевших усталых лошадей поднимался парок.

«На пути в город никого нет, — смекнул Ладанов. — Теперь как раз...»

— Слушай, как тебя зовут? — обратился он к ямщику, возившемуся у лошади.

— Меня? Викул Микул.

— Из каких мест будешь?

— С верховьев Вычегоды я.

— Как это угораздило тебя в такую даль забраться? — расспрашивал Ладанов, оглядываясь по сторонам, не видно ли где патруля. Но, кроме ямщиков, копошившихся около своих лошадей, он никого не заметил. Мороз всех разогнал по избам.

— А вот так, — недружелюбно пояснил возница, ослабляя чересседельник. — Приехал на колесах, уезжаю на санях. И доберусь ли до дому, сам не знаю...

— Постой, не трогай чересседельник! — подойдя к нему, решительно потребовал Ладанов.

— Почему? Лошади надо отдохнуть.

— Ничего, потом она отдохнет. Заверни ее и обратно поедем в город!

— В город? — опешил Микул.

— Да, я забыл одну вещь. Мне обязательно надо в город. Поедем сейчас же, немедленно! — торопил его Ладанов и ухватился за повод, чтобы повернуть лошадь на дорогу.

— Эй, не дури, слышь ты! И тебя и меня пристрелят! — пытался урезонить его ямщик, но Ладанов, не слушая, строго приказал:

— Выкинь из саней ящики с патронами и пулемет, чтобы лошади легче было!

Ладанов подбежал к саням и сам торопливо выбросил цинковые коробки с патронами, выгрузил пулемет и вскопчил в освободившиеся розвальни. Дышал он учащено, отрывисто. Руки его дрожали, сердце бешено колотилось в груди. Прерывающимся голосом он прикрикнул на продолжавшего стоять ошеломленного ямщика:

— Гони!

Лошадь тронулась с места и нехотя затрусила, но Ладанову это показалось мало. Он столкнул ямщика из саней и, ухватившись за вожжи, стал нахлестывать лошадь. Вывалившийся из саней ямщик что-то кричал ему вслед, но Ладанов ничего не слышал. Он с ожесточением нахлестывал лошадь вожжами.

«Успеть бы! Успеть скрыться за поворотом!» — отчаянно билась в голове одна-единственная мысль.

Ладанов не видел, как открылась дверь избы и оттуда выскочили солдаты. Словно во сне он услышал позади несколько выстрелов, что-то со страшной силой кольнуло его между лопаток, перехватило дыхание, и он вывалился из саней...

Приходя в сознание, первое, что он увидел, было искаженное злобой лицо фельдфебеля и сабля в его руке, занесенная над ним. Ладанов в ужасе поднял руку, чтобы прикрыть лицо.

Но сабля опустилась, и рука его как бы сама собой отвалилась. Потом сабля снова взметнулась над ним, и Ладанов в зверином страхе закричал...

— Собака собачья смерть! — дошли до его сознания слова, но это было уже последнее, что мог он понять. Блеснувшая молнией казачья сабля обворала его уже помутневшее и парализованное страхом сознание и все то, что связывало его с жизнью.

БОРЬБА ОБОСТРЕАЕТСЯ

1

К концу 1919 года Красная Армия захватила инициативу и смертным боем громила контрреволюцию. Уже была разбита армия Котлача, разгромлены дивизии Юденича под Петроградом. С кровопролитными боями отступал на Кубани Деникин.

Нечем было похвастаться интервентам и белогвардейцам и здесь, на Севере: части Красной 6-й армии упорно удерживали свои позиции по всему Северо-Двинскому фронту, не пуская врага ни на шаг вперед. В этот момент в ставке Миллера и родился план: ударом с тылу захватить железную дорогу Котлас — Вятка. С этой целью и был организован так называемый особый вычегодский отряд под командованием капитана Орлова. На помощь ему был направлен другой отряд белых с низовьев Печоры.

Для уничтожения этих отрядов командование 6-й армии послало на помощь красным партизанам регулярные части. Красные моряки и пехотинцы в жарком бою под деревней Леной около Яренска разбили отряд Орлова. В ночном бою Орлов был убит. Советские войска освободили Яренск, очистили от белогвардейцев значительную полосу Коми края от Усть-Вьмы до села Турьи, прогнали банду предателя Прокушева, пробравшуюся с верховьев Сысолы к железнодорожной станции Мураши.

Части Красной Армии спутали все планы белогвардейцев. После боев под Чукабом, Визингой и Межадором отряд Прокушева-Медведа откатывался безостановочно почти сотню верст, оставив без боя Усть-Сысольск. Красноармейские отряды в город вошли в ночь под 1 декабря и уже спустя два часа снова ринулись преследовать противника, отходившего на Вычегду по зимнему тракту Визябож — Корткерос.

Враг хотя и отступал, но еще не был разбит. Как раненый зверь, бежал он в поисках логова, где бы мог отлежаться и, набравшись свежих сил, вновь броситься в смертельную драку.

Соединившись с прибывшей с Печоры белогвардейской ротой, Прокушев пытался дать бой под селом Корткерос, но не удержался и вынужден был отступить дальше до Пезмога, а затем, после очередного сражения, отойти до большого торгового села Нёбдино.

К этому времени наступила суровая зима, выпал глубокий снег, ударили морозы. Несмотря на холода, красноармейцы сводного отряда уже много дней продолжали гнать врага, не давая ему передышки.

Перед новым наступлением на Нёбдино красным потребовалось уточнить данные о противнике и найти проводников, чтобы совершить глубокий обход лесными тропами. В разведку вызвалась пойти Домна.

В эту ночь она спала мало и только успела забыться, как чья-то рука легла на плечо, а приглушенный голос сказал:

— Пора вставать...

Домна села на лавку, поискала приготовленную с вечера одежду, быстро оделась. За окном непроглядная темь. Темно было и в избе, лишь в руке командира мерцал фонарь.

Осторожно, чтобы не разбудить спящих, Домна подошла к печке, нашла валенки, обулась, надела хозяйкин полшубок со сборниками сзади, приладила накладную косу, закрутив ее венчиком вокруг головы, повязалась теплым клетчатым платком, взяла узелок и выжидающе остановилась перед начальником разведки. Обо всем уже было переговорено, она знала, куда идет и что ждут от нее, знала, какой дорогой будет пробираться, и все же чего-то еще ждала. Может быть, каких-либо уточнений, может быть, слова ободрения.

Начальник тихо сказал:

— Счастливого пути, Каликова! Не забывай: к началу нашего наступления ты должна быть уже здесь. Желаю удачи...

Выйдя на безлюдную улицу, Домна направилась за околицу. Невдалеке от дороги отходил зимник, по которому можно пройти на проселочную дорогу. По ней из ближних деревень ездят на мельницу. А оттуда недалеко и до деревни Борки, куда шла разведчица, чтобы добыть необходимые сведения о противнике и найти проводников, которые скрытыми лесными тропами помогут партизанам обойти главные силы белых, взять их в кольцо и уничтожить.

«Лишь бы не нарваться в пути на беляков! — подходя к лесу, подумала Домна. — Но что им тут делать, в этой глухомани, где живут одни медведи, да и те попрятались по берлогам?»

Все же надо быть осторожной, особенно на подходе к деревне. Правда, до села, где

расположен противник, верст с десяток, и стоит оно в стороне. Об этом Домна знала от Викула Микула. К нему она теперь и пробиралась.

Ночь подходила к концу. Тьма отступала в глубь лесной чащобы. Уже просматривались деревья у обочины дороги. Идти было легче.

Но вот дорога разветвилась, стала менее заметной и наконец совсем исчезла. Дальше на саях, видимо, не ездили, а только ходили пешком. Тропинку почти замело снегом, и она с трудом различалась в зыбком свете раннего утра.

По рассказам Домна знала, что где-то, на другой стороне болота, проходит дорога на мельницу. Но до нее еще далеко. Лишь бы не заплутаться в незнакомом месте.

Побрела по глубокому снегу, проваливалась по пояс, спотыкалась о кочки. Падала. Снова поднималась навстречу колючему ветру.

Разведчица упорно продвигалась вперед, спеша пересечь широкое болото, быстрее добраться до виднеющейся вдали опушки леса. Там будет легче...

Она с облегчением вздохнула, когда, разгоряченная и умаявшаяся, наконец добралась до елового леса и почувствовала под ногами утоптанную тропу. Концом платка утерла лицо, поправила волосы и окинула взглядом оставшееся за спиной болото. Там ветер вздымал тучи снежной пыли, словно беснуясь от ярости.

Тропинка, проложенная ельником, как и рассчитывала Домна, вывела ее на наезженную проселочную дорогу, к мосту. По краю лесного ручья — две высокие ели, на другом берегу — крутой песчаный обрыв. Все так, как ей рассказывали. Это и была, очевидно, дорога на мельницу. Если пойти по ней направо — должна показаться мельница, а еще дальше будет и село. Но Домне нужно было попасть в противоположный конец села, и она свернула налево.

От моста надо идти, как ей рассказывали, еще верст семь. Она снова зашагала вперед.

Дорога вывела в березняк. Белые стволы и кружевной узор их, белый снег, заискрившийся в лучах зари, были необычайно нарядны.

Кончился березняк, и снова пошел густой бор. Вдруг Домна услышала звук топора. Где-то недалеко рубили дерево.

Разведчица остановилась, тревожно раздумывая, кто бы мог быть? Это, вернее всего, приехали за дровами. Значит, до деревни совсем близко. Но как быть: пройти мимо или же подойти к дровосеку? Лучше, пожалуй, поговорить с ним. Если человек покажется надежным, можно будет спросить, дома ли Викул

Микул? За дровами приехал, конечно, кто-то из бедняков. Богатый не будет так рано покидать постель. Все же надо быть осторожной.

И Домна, натянув платок ниже на глаза, пошла вперед.

2

За поворотом дороги стояла запряженная в старенные сани легая лошадедка. В лесу кто-то продолжал неугомонно рубить. Затем дерево с треском надломилось и рухнуло на снег. На мгновение наступила тишина.

Домна прошла еще несколько шагов. Снег был свежий и рыхлый, шагов ее почти не было слышно. Но лошаде, заметив приближающегося чужого человека, встряхнула головой и заржала. Невдалеке послышался женский голос:

— Ну, чего там тебе не стоится, леший?

Из чащи вышла рослая женщина в шабуре¹ из синей крашеины и по своим старым следам направилась к лошади. Заметив девушку, остановилась. Была она еще не старая, но с усталым лицом. В руках крепко, по-мужски, держала топор.

Домна приветливо улыбнулась, сказала громко:

— Не бойся меня, тетушка. Я иду в Борки, к родне. А ты откуда будешь?

Ее приветливый голос успокоил женщину. Она облегченно вздохнула, поправила волосы, выбившиеся из-под старенькой теплой шапки.

— Уф, упарилась!.. Кто это, думаю, ходит в такую рань? Признаться, немного испугалась даже, увидев тебя.

— А что, разве я такая страшная?

— Ты ничего вроде, да ведь время теперь такое... А что так рано ходишь по гостям? Кто у тебя тут?

— Дядя и тетка. Вздумала навестить, да белых солдат боюсь встретить по дороге. Им ничего не стоит обидеть беззащитного человека, вот и пошла пораньше. Ты тоже, видать, не любишь долго спать?

Женщина освободила вожжи, замотанные на конец оглобли, прикрикнула на лошаде:

— Трогай давай! — и, обернувшись к Домне, сказала: — Дровишки понадобились. Топить нечем, ребятишки замерзают.

Утопая по колено в снегу, она пошла рядом с саями.

— Тяжело тебе одной... дай помогу! — сказала Домна и, не дожидаясь ответа, пошла за ней.

¹ Шабур — верхняя рабочая одежда с круглым вырезом вместо ворота.

— Коли не к спеху тебе — помоги, спасибо скажу! Навалим вон те крижки и отправимся вместе...

У дороги лежали заготовленные крижки сухостоя. Видно, женщина порядком уже потрудилась и успела приготовить добрый воз дров. Вдвоем они быстро раскряжевали только что поваленное дерево, взвалили крижки на сани. Женщина ловко увязала воз, и лошадь с трудом выволокла его на дорогу и уже легче пошла по наезженному пути.

— Теперь доедем, — с облегчением сказала женщина, шагая за саними. Они шли рядом, поглядывая друг на друга.

Женщине было лет сорок с небольшим. Но Домна знала, как трудно угадать года крестьянки. Тяжелая работа, нужда, дети и многочисленные заботы старят рано.

— В деревне белые? — спросила Домна.

— Нет, только изредка появляются. Вконец разорили крестьян. Вот и у нас угнали коня. Пришлось соседу поклониться. Спасибо, не отказал.

— А что ты сама вздумала за дровами ехать? Или мужа нет?

Женщина печально покачала головой:

— Что тебе и сказать, голубка? Вдова не вдова, но может, стать, скоро стану ею. Мужа дома нет, вот и поехала. — Женщина, пытливо посмотрев на Домну, спросила: — К кому же ты идешь и чья сама?

Домна доверчиво улыбнулась:

— Говорила уж я: дядя у меня тут, брат матери. К нему и иду, и работу с собой прихватила, буду пряхать от нечего делать! — показала она узелок.

— А кто же дядя, как зовут?

— Викул Микул, а жена его — Катерина. Отца моего звали Данилом, а мать Викул Марфой.

Домне показалось, что женщина с недоумением посмотрела на нее, глаза блеснули холодно и отчужденно. Она помолчала, о чем-то раздумывая, затем как-то странно посмотрела на Домну, оглядела ее с ног до головы, спросила глухо:

— А сестра Марфы — Дарья как поживает? Мужик не поправился?

Домна замалась. В штабе уговорились, что она назовется дочерью квартирной хозяйки, сестры Викул Микула, у которой была взрослая дочь. Домна расспросила хозяйку о родственниках, знала, что у той есть сестра, но есть ли у нее муж и здоров ли, спросить не догадалась. Решила ответить уклончиво:

— Живут понемножку... Я у них давненько не была, да и они редко заглядывают к нам. А ты хорошо знаешь Викул Микула?

— Как же мне не знать, если я его жена?.. Ну, здравствуй, племянница! Что, не узнала тетку родную? И, коли меня не узнала, где тебе знать, что мужа Дарья белые до полусмерти избили нагайкой! — Она строго прикрикнула на девушку: — Не вилай! Кто ты и что тебе надо от моего мужа? Может, ты тут нарочно ходишь, вынохиваешь, а потом к белым побежишь докладывать? Племянница нашлась! Говори прямо, что тебе надо?

Домна колебалась, хотя лицо крестьянки внушало доверие. С такой следует говорить только открыто. И она решила рассказать правду.

— Не сердись, тетушка Катерина! Я иду с важным делом к твоему мужу. Пусть он мне не родной, но я знаю его давно. Хороший он человек и очень нужен мне теперь.

Женщина смягчилась:

— Значит, ты не из той стаи?.. А вот дядю Микула тебе не удастся увидеть. Белые схватили его. Ходила с передачей. Но офицер ихний, антихрист такой, велел солдатам прогнать меня. Прикладами вытолкали, еле ноги унесла.

Домна, огорченная, молчала, обдумывая. Наконец решила: надо поговорить обо всем с женой Викул Микула.

— Катерина! Ты не поможешь мне вместо своего мужа? Мне нужно найти верных людей, проводников, чтобы наши могли окружить белых.

Женщина помолчала. Затем, вскинув голову, уверенно сказала:

— Найдем верных людей. И в деревне кой-кто есть и в лесу, в охотничьих избушках прячутся. Сегодня же пошлю кого-нибудь, хотя бы своего крестника Васютку. Он парнишка шустрый, мигом слетает, ночью уже здесь будет мужики.

— А может, мне самой к ним сходить в лес? Я на лыжах тоже хожу.

— Нет, тебе не годится: незнакомая девушка на лыжах — сразу бросится в глаза. Ты уж будь моей племянницей Машей, пришла в гости, так и гости. Только будешь дочерью не Марфы, а другой сестры, Дарьи. У нее тоже дочь, они подальше живут, и Маша здесь давно не бывала. Дочь Марфы знают многие. Нехорошо может получиться, есть всякие люди у нас.

У Домны отлегло от сердца. Женщина и в своем горе нашла силы помочь ей.

— Спасибо, тетка Катерина.

— Ну, что ты, что за спасибо! Мне самой хочется помочь вам поскорее покончить с этой волчьей сворой, — сказала Катерина. — Что для

вас хорошо, то и для меня ладно. Может, удастся еще освободить моего Микулу?

За разговором не заметили, что отстали от лошади, и они бросились на бегу бегом.

Дорога шла в гору. Воз догнали уже на половине подъема. Лошадь остановилась, опустив голову и тяжело дыша. Женщины перевели дух, затем помогли лошади сдвинуть воз с места и благополучно преодолеть подъем.

— Вот мы и приехали! — сказала Катерина. Уже виднелась деревенская околица, вдоль которой росли высокие сосны. Невысокие, с подслеповатыми оконцами, выглядывавшими из-под пышных снежных шапок, дома разбросались по обе стороны дороги. Кой-где курился дымок, видно, подтапливали печи, грели наставшие избы.

На улице было холодно, дул пронзительный ветер, мел поземку, насыпая сугробы возле изгородей и бань.

Катерина направила лошадь в небольшой проулок, въехала во двор приземистого дома, остановила у крыльца.

Домна огляделась. Дом стоял на задах, за огородами уже виднелся молодой лесок. Это хорошо на всякий случай. А хозяйева, видно, не очень богато живут. Домишко старый, на две половины, с сенями посредине. Одна половина постройки обветшала, рамы покосились, кое-где выбитые стекла заткнуты тряпичами. Жилая половина чуть новее, окна больше. В одном из них, в просвете морозных узоров, выглядывали детские лица. Через мгновение на крыльцо выбежала девочка с наброшенным на голову платком. Она радостно крикнула:

— Мам, давай отведу лошадь к дяде Опоню.

Катерина прикрикнула на нее:

— Зачем выскочила раздетая? Оденься, тогда и отведешь.

Девочка тут же исчезла в сенях, словно ее сдуло порывом ветра с крыльца.

Катерина и Домна, сбросив крижи, вывели лошадь на дорогу. С крыльца снова сбежала девочка уже одетая в старенькую овчинную не по росту шубейку, с длинными рукавами. За ней спешил чуть ее поменьше мальчик. На ходу нахлобучивая шапку, он бросился с жалобой к матери:

— Мам, Сандра не хочет меня брать с собой. С саней толкну, говорит! Скажи, мам, пусть возьмет... — Черные его глазенки смотрели с такой мольбой, что Домне искренне его стало жаль. Она уже собралась было заступиться за него, но мать строго сказала девочке:

— Сандра, не обижай Мишутку! Садитесь рядом и поезжайте вместе.

Дети радостно бросились к саням, поспорили, кому править лошадью, но старшая взяла

верх. Сандра взмахнула вожжами, и усталая лошадь нехотя затрусила по дороге.

Домна и Катерина вошли в избу.

После улицы в доме показалось темно и тесно. Домна остановилась у порога. Катерина, раздеваясь, предложила и ей снять полшубок:

— Раздевайся и грейся, гостья! Проходи, не стесняйся.

У печки с чугунами возилась маленькая сгорбленная старушка. Она поставила ухват, вытерла руки синим холщовым фартуком и слезящимися старческими глазами вглядывалась в гостью, выжидающе поглядывая на Катерину. Та негромко сказала:

— Не узнала, мама? Это же Машук, дочка Дарьи, в гости к нам пришла.

— Ну? Такая дальняя гостья? — удивилась старушка. — Садись, родная, отдыхай! Прогрела, чай! Я быстренько соберу на стол, и мы позавтракаем. Катеринушка, тоже, наверное, устала и замерзла? — И, снова обращаясь к Домне, стала рассказывать: — Когда ты к нам в прошлый раз приезжала, я уж и запамтовала? Еще маленькая ты была да худенькая, вроде синички. Кажется, на тронцу приезжала? Тогда ты будто иначе выглядела, личико беленькое было, и глаза светлые... Вот ведь как уже ослабла память. Своих забывать стала. — Старушка повздыхала, сокрушенно покачала головой. Она растелила на стол холстину, принесла в берестяном лукошке хлеб, ложки.

Катерина, украдкой улыбаясь гостье, сказала матери:

— Молодые люди растут и меняются. И не диво, коли ты не узнала Машеньку.

Старуха снова покачала головой, словно удивляясь себе, и согласилась:

— Так, конечно, так! Известное дело, мы, старые, книзу пошли, мхом обрастаем, а молодые, что весенние цветы, распускаются и кверху тянутся... Как же, ягодка, у вас дома живут-поживают?

— Помаленьку, хвалиться нечем. Отец, как избили белые, все прихварывает, а мать от слез высохла.

Бабушка пригорюнилась. Ей стало жаль зятя. Утирая глаза краем передника, она сокрушенно говорила:

— Тяжело, конечно, твоей родительнице! Нашего Микула тоже забрали окаянные ироды, в холодном амбаре держат. Трудно из рук убивцев вырваться, ох, трудно! Остались теперь без кормильца. Что только будем делать без него?

Катерине, видимо, стало невмоготу слушать причитания матери, и она резко ее оборвала:

— Ну, что ты прежде времени хоронишь человека? Давай завтракать. Гостья голодная,

да и у детишек животы подвело. Настук не вернулась?

— Еще не показывалась.

— Где-то уж она, бедняжка? Послали, проклятые, девчонку в извоз. Обморозится еще!

— Насильно заставили ехать, изверги! Настоящие звери! Хоть бы живой-здоровой вернулась наша Настук. — Вздыхая и крестясь, старушка засемила к печке. В доме на некоторое время наступила тишина.

Домна огляделась. Она бывала во многих крестьянских избах, и каждая из них какими-то своими неуловимыми подробностями говорила о хозяевах, об их достатке и даже о том, насколько дружно они живут.

В избе Викул Микула было чисто. Пол блестел высокбленными половицами, дверца-залавка у печи была покрыта замысловатыми узорами — диковинные травы переплетались с утками, петухами. Над залавкой тянулась длинная полка — джадж. На ней самодельная домашняя незамысловатая утварь: берестяные чуманы и коробки разных размеров, различного назначения, солонка в виде утки, деревянный лоток для просеивания муки. Стены хотя и потемнели от времени, но видно было, что хозяева моют их каждый год. На стене висело узорное полотенце для украшения. В красном углу, на божнице, маленькая почерневшая иконка. Домна долго гляделась, кто на ней изображен, и по широкой, пышной бороде решила, что Никола-угодник. Тут же на стене висела картина, которую она встречала в некоторых домах и раньше: праведники чинно шли в рай, а грешники унылой вереницей тянулись в ад. На двух параллельных брусьях — сёр, протянувшихся сверху от голбца до противоположной стены, лежала доска для хлеба, половинки расколотого длинного березового полена. Хозяин, видимо, что-то ладился смастерить и положил их сюда посушить.

В сенях послышался топот. Раскрылась дверь, и в клубах морозного воздуха ворвались Сандра и Мишутка. Лица у обоих разругались, глаза искрились восторгом. Наперебой оба стали рассказывать:

— Мам, Сандра как ударит лошадь, Пегашка как понесется!

— А Мишутка не хотел слезать с саней, еще, говорит, слетаем до конца деревни. Едва стащила его!

— Не ври, я сам слез! А дядя Опонь мне велел позже прийти лошадь напоить. Вот увидишь, как сяду верхом да как поскачу!

Мать, переодевшись, спустилась с голбца, велела детям раздеваться:

— Давайте, ребятки, завтракать! Вон и го- стья проголодались...

Дети тут же сняли одежонку, уселась за стол, быстро разыскали в лукошке свои ложки.

Бабушка принесла в большой деревянной тарелке капусту, налила в глиняную чашку грибной суп и, поставив на стол, пригласила Домну:

— Садись, Машук, перекуси. Поешь с нами. Не обессудь, лучше нечем угостить. Завтра сварим дичь. На прошлой неделе Катерина ходила силки проверять и принесла две куропатки. Вот они и пригодятся. Подвигайся поближе...

Домна села рядом с Катериной. Хлеб был черствый, грубый, безвкусный. Попробовав, она догадалась, что в хлеб примешана толченая солома с пихтовой корой. Словно угадывая ее мысли, старуха сказала:

— Давно примешиваем... Слава богу, такой есть. Скоро и его не будет: мука на исходе.

Проголодавшаяся Домна с удовольствием ела и кашеную капусту, и грибную похлебку, и пареную репу. Катерина часто вздыхала, поглядывая в окно, видимо, поджидая старшую дочь. Домна, заметив это, спросила:

— Куда послали вашу Настеньку?

— Есть тут хозяйчик, старается для белых, из кожи лезет вон, — печально сказала Катерина. — Многие погна ямщичать, а свою дочь оставил, хотя и здоровенная девка — об стену шмякнешь, таь отскочит как ни в чем не бывало. А моя Настук слабенькая да безответная. Ей шестнадцать только.

— Вы уже не молодые с дядей Микулом, а ребята у вас вон еще какие малыши! — заметила Катерине Домна.

— Что поделает, раз такое наше счастье! Первенские-то давно оставили нас. До Настеньки трое умерло, а эти двое не успели еще подрасти. А Настук уже работница. Прилежная, старательная. Помощница в хозяйстве.

— А Сандра с Мишуткой не ходят в школу?

— Ходили, да нашего учителя белые убили. Такой был славный молодой человек. Алексеем Васильевичем звали. Разговорчивый и уважливый, с каждым, бывало, побеседует. К нам частенько заглядывал. Ладил он с моим...

— За что же его убили? — заинтересовалась Домна.

— В коммунисты записался. Злые люди донесли на него... Как уж он заботился о детях бедняков! А что с ним сделали, о, господи!

— Расскажи, тетушка Катерина! — попросила Домна.

— Да что рассказывать... — со вздохом сказала Катерина. Однако, помолчав, рассказала: — Пришли к нему солдаты с офицером, хозяин его, человек пожилой, Федором звали. Он заступился. «Собираетесь, говорит, школу

без учителя оставить?... Ну белые и его забрали, да в волость. Били да мучили их, бедных. А затем повели на реку, к проруби. Люди видели: сначала Федора туда спихнули. Говорят, вынырнул и давай руками цепляться за край проруби. А офицер по пальцам, да в голову пинать. Алексей Васильевич не вытерпел, бросился на изверга, хотел самого в прорубь столкнуть, зверюгу. Упал офицер, да не вниз головой, а боком... В это время солдат и хлоп в учителя из винтовки. Прикончил наповал. Старика затолкали живым под лед, а за ним и учителя... Всей деревней оплакивали несчастных. Такого человека ни за что, ни про что сгубили! Вот и остались без учителя...

Дети сидели за столом, боязливо поглядывая на мать. Перестала есть и Домна. Ей бесконечно было жалко учителя, хотя она его никогда не видела.

Тяжелый вздох Катерины нарушил гнетущую тишину:

— А теперь у них в руках и наш отец...

Она встала из-за стола, сказала Домне:

— Ты, милая, поешь и залезай на полати, отдохай. До вечера далеко. Силенки побереги. А я схожу по делам, постараюсь повидать кое-кого. Мама, убери со стола, не давай детям волынчать, пусть не мешают гостье отдыхать. Придет без меня Настенька, накорми.

Катерина оделась и вышла из избы.

8

Домна сняла валенки, поставила сушить на печку, а сама взобралась на полати. Ах, и мягкой с усталости показалась ей соломенная постель! Подушки у Катерины большие, длинные, вроде детских перинок. Дядя Микул, видать, неплохо лесовал!

...Пока все шло хорошо. Печально, что Викул Микула схватили. Но, может быть, Катерина поможет. К началу наступления обязательно надо быть там...

Мысли стали путаться, и Домна не заметила, как заснула.

Долго ли она спала, не могла понять.казалось, что лишь вздремнула, когда сквозь сон уловила в доме приглушенные голоса. Домна мгновенно проснулась и, не двигаясь, стала прислушиваться. Полушепотом с кем-то разговаривала Катерина, по-видимому, у стола. Другой голос тоже был женский.

Чуть приподняв голову, она огляделась. В избе полумрак, чуть теплится коптилка. Окошка под голбцем не видно — значит, на улице стемнело.

Незнакомый голос внизу продолжал рассказывать. Затем спросила Катерина:

— Как же ты смогла, Настенька, убежать?

«Значит, дочка вернулась», — решила Домна и, приподнявшись на локтях, посмотрела вниз. За столом сидела девушка и ела. Напротив, облокотившись, Катерина печально слушала дочь.

Пламя коптилки освещало худенькое лицо девушки с темными бровями и большими, смелыми, как у матери, глазами.

Вслушав рассказ дочери, Катерина спросила:

— Ну, и куда же выгрузили сено?

— Подвезли к дому Дарук Паш. Богато он живет, шесть коров с телками держит... Хотели свалить на огород за тыном, да выскочил хозяин и давай нас ругать! Заставили перетаскать на сеновал. Хотели въехать на взвоз, куда там! Не пустил. Не велики баре, говорит, перетаскаете. Сначала вилами покидали, а потом охапками носили. Пришли солдаты, заигрывали с нами. Мы думали, помочь нам хотят, а они норовят в угол затащить, так и хватают везде... — Брови девушки сдвинулись. — Остатки сена мы оставили, сели в сани и усаkali!

Мать облегченно вздохнула:

— Хорошо, что обошлось, не обидели вас солдаты. От них добра не жди!

Домна кашлянула. Женщины взглянули на полати. Катерина, поняв, что гостья не спит, сказала:

— Иди к нам, Машук, поешь вместе с Настенькой.

Домна спустилась и села рядом с Настей. Та приветливо улыбнулась. Домна протянула девушке руку:

— Здравствуй, Настук! Вернулась? Жива-здоровая?

— Как видишь! Бери ложку, хлебай! — Настя придвинула к Домне миску.

Руки у нее маленькие, теплые, но загорбевшие от работы и мороза.

Настук рассказала Домне, что видела в селе:

— Белые взбудоражены, роют окопы, село похоже на разворощенный муравейник. Везде патрули. Слышно, и сам Латкин тут. Он у брата остановился, у Луки.

Вскоре пришла старуха с детьми. Настук спросила:

— Куда вы, бабушка, ходили с Сандрой и Мишуткой?

— К Агафье посидеть. Пусть, думаю, гостья спокойно поспит. У этих балаболок языки ни на минуту не умолкают. Только и молчат, когда спят... К нам обещали девушки прийти на посиделки, будем вместе вечер коротать. Я им

сказала: у нас в гостях Машук. Приходите обязательно!

— Вечно суешься, где тебя не спрашивают! — укоризненно сказала Катерина и с тревожной спросила Домну: — Не помешают ли они тебе? Правда, девушки славные.

Домна успокоила ее:

— Пусть придут, веселее будет. Поговорим, посудачим, может, что нужное скажут.

— Если тебе не помеха, нам и подавно. Они недолго, посидят и уйдут, — сказала Катерина и тихо шепнула Домне: — Ночью придут мужики. Крестник отправился за ними.

Перенесли на голбец копилку и устроились вокруг нее. Сандра с Мишуткой принялись играть в лодыжки. Домна затеяла веселую возню с детьми. В тот момент, когда мальчик горячо заспорил, что она, щелкнув пальцем, промахнулась и не попала в его лодыжку, с шумом открылась дверь и бойкий девичий голос произнес:

— Тегушка Катерина, пусти нас посумерничать!

Катерина спустилась с голбца:

— Проходите, милые! Будем вместе сидеть. И вы, запечники, спускайтесь. Настук, Машук, идите сюда...

Домна выглянула между брусьями: положив свои прялки на широкую лавку, раздевались две девушки. Обе в сарафанах из домашней пестряди, в ситцевых платочках. Одна в ситцевой цветастой кофте, на другой белая холщовая рубаха с пышными рукавами. Невысокая девушка с живыми черными глазами, в ситцевой кофточке, подхватила Мишутку на руки, шутливо тормозила его:

— Мишук, ты гляди-ка, какой уже большой вырос! Когда придешь меня сватать? Вот поцелую, и сразу у тебя усы вырастут!

Отбываясь руками и ногами, Мишутка отчаянно завопил:

— Мам, зачем меня Наталка обижает?.. Пусти, нехорошая, я тебя не люблю! Я маму люблю...

Наталья, смеясь, опустила мальчонка на пол и села с прялкой у окна. Ее подружка, высокая, тонкая, как ива на берегу Бычегды, с голубыми несмелыми глазами, уже сидела за прялкой и улыбалась возне Наташи с Мишуткой.

Домна и Настя спустились с голбца. Соседские девушки с любопытством разглядывали из-за своих прялок незнакому гостью. Домна развернула свой узелок, вынула кудель, веретено и взглянула на Катерину.

Та сказала девушкам:

— Это Машук, Дарья дочка, погостить пришла. Погоди минутку, Машенька, схожу

в холодную половину, принесу тебе свою прялку.

Вскоре она вернулась с разукрашенной резьбой легкой прялкой и подала Домне:

— Это еще моя девичья! Видишь, какая аккуратенькая!.. Девушки, я принесла вам смолку жевать. — Катерина поставила на стол в маленькой берестяной корзиночке комочки застывшей душистой смолы-живицы. — Выберите, кому что нравится, — тут и от ели, и от лиственницы есть. Я сама больше от лиственницы люблю: смолка ее вкусная, да и прясть с ней способнее, слюны больше от нее.

Девушки, весело переговариваясь, потянулись к корзиночке и стали выбирать смолку по своему вкусу.

Только успела Домна наладить прялку, как вошли еще несколько женщин. Та, что постарше, поклонилась:

— Доброго здоровья всем! Катерина, мы к тебе посумерничать. Не выгонишь поди?

— Раздевайтесь! — радушно отозвалась та. — Агафья, скидай полшубок! Глафира, проходи. У нас сегодня тепло, железную печку подтопили. Сейчас огня прибавим, светлее будет.

Усадив соседок, Катерина принесла ламповое стекло, почистила его, вставила в горелку, подняла фитиль:

— Теперь виднее будет, а то с копилкой ослепнуть можно.

Агафья вздохнула:

— А мы с лужиной сидим. Керосин кончился.

— И мы сидели без керосина. Брат выменял на беличьи шкурки, дал кундичу в придачу, вот и с нами поделился. Сегодня вон целый воз дров привезла, живем пока! — бодрилась Катерина, печально улыбаясь своим словам.

Домна усердно прядла, прислушиваясь к их разговору. Веретено ее, направляемое ловкими и сильными пальцами, крутилось бойко и со звонким жужжанием. Нитка у нее получалась ровная, крученая, так что даже Агафья похвалила:

— Вижу, мастерица ты, Машук, прясть, позавидовать можно!.. Выросла, невестой стала! Тыфу, тыфу, чтобы не сглазить! Мы с твоей родительницей подружками были, и скажу — в одно время обе на одного парня заглядывались, даже поссорились между собой по этой причине...

Девушки заулыбались. Черноглазая Наталья, вскинув глаза на Агафью, спросила с лукавинкой:

— Это правда, мамук? Расскажи, как вы повздорили с Машиной мамой? Какой такой

парень вам обмен в сердце занозой влез? Красивый?

— Ишь чего захотела, озорница, расскажи ей. По правде говоря, и рассказывать-то нечего. Недолго мы серчали друг на друга. Как узнали, что тот потихоньку от нас навещает вдовушку, обе отпили его. Вот и всей сказке конец...

— Кто он такой? Как зовут?

— Кто да кто! И все-то тебе надо знать. Зовуткой зовут. Ну, коли хочешь знать, скажу — Макар Иван, вот кто.

— Макар Иван? — удивилась Наталья. — Такой старый да противный? Нашли из-за кого ссориться! Только и знает сосать трубку да прокуренные зубы скалить: «Э-э, нашты, того-этого!» — дразнясь, скривила она лицо.

Все расхохотались. Агафья, покачив головой, тихо заметила дочери:

— Ты не хули его! Раньше он был не таким.

В сеняхбрякнуло кольцо и было слышно: в потемках кто-то нащупывал ручку дверей.

Через порог перешагнул мужик в заячьей шапке, с увесистой трубкой в зубах. Не вынимая изо рта трубки, он сказал, слегка гнусая.

— Прохожу, нашты, мимо, вижу — свет. Давай, думаю, загляну...

Девушки грохнули. Заулыбались и Катерина с Глафирой. Сидевшая на подножке голбца бабка и та захихикала.

Человек оглянулся с недоумением: с ума похосдили? А смеющаяся Наталья каталась на лавке.

Мужик недовольно спросил:

— Что случилось, господь с вами? Катерина, нашты, посмотри, того-этого, не в сажу у меня лицо? — Вместо «знаешь ты» он выговаривал «нашты», и это делало его еще более потешным.

Катерина, утирая слезы, прикрикнула на девушек:

— Хватит вам, хохотушки! Проходи, Иван, садись. Никакой сажы, просто так смеются. Присаживайся к девушкам ближе, а хочешь — устраивайся между мной и Агафьей. За кавалера будешь. Не обижайся: им только палец покажи, покатаются со смеху.

Агафья, освобождая для мужика место, заметила негромко:

— Сказывали, Макар Ивана белые послали за грузом, а он, гляди, как миленький, по вечеринкам шатается...

Иван неторопливо выбил креслом огонь и, раскуривая трубку, отозвался:

— Макар Иван не поглупел еще окончательно. Лошадь у меня захромала, на водопой

еле добирается... Возвращаюсь с водопоя, вижу — огонь у нас. Не хозяин ли, думаю, вернулся? Вот и решил наведаться...

— Только попадись им в руки, — вздохнула Катерина, — добром разве вырвешься? Ты, Иван, в волости был. Что там слышно?

— Ничего хорошего! Белые совсем озверели, лютуют, что ни попадет, тащат у мужика, подводы собирают. Бежать, что ли, ладятся? Куда ни глянь, везде солдаты с ружьями... А про Микула рассказывают: жив он, в амбаре томится.

Агафья перекрестилась, заговорила сокрушенно:

— Старики сказывали: светопреставление скоро будет. Может, уже началось? У нашего брата-бедняка грехов много ли? В голоде да холоде живя, неужто не отквитались? На том свете хоть покрасуемся. Вот он, рай-то, какой славный! — Концом веретена она показала на лубочную картину, висевшую над головой Домны.

— Зачем нам тот свет да рай небесный! — возразила Катерина. — На этом свете по-человечески бы пожить немножко. Учитель наш Алексей Васильевич говорил: никакого рая нет. В этой жизни надо устраиваться по-настоящему. Оно, пожалуй, и верно! Как думаешь, Машенька?

— Нарисовать все можно, — вглядываясь в картину, отзывалась Домна. — Давеча я уже разглядывала: красиво намалеван рай небесный, да поглядите, кто туда спешит?

Все, кто были поближе, потянулись к картине, а Наташа с Дашей, оставив прятки, подвинулись вплотную к Домне.

— Глядите, кто в рай идет? — показывала Домна. — Монахи, архиереи, купцы... Волосы у купчин намаслены, блестят, а у купчих пышные сарафаны! Не то, что у нашего брата пестрядь домотканая. Найдешь ли среди них бедняка? Вот они, ниже смотрите. Женщины с измученными, высохшими лицами, мужики в лаптях, фабричные в опорках — этих в ад. В раю для них места нет. Для бедного места в аду, среди бесов чумазых.

— О господи! — вздохнула Агафья.

— А ты что думала? — сплунув под ноги, сказал Иван. — Купцов и монахов, нашты, в ад захихать. Толково говорит твоя гостья, Катерина!

— Я ничего не выдумала, а рассказала то, что нарисовано! — усаживаясь за прятку, ответила Домна. — А белые эти порядки и защищают.

— Белым скоро, того-этого, каюк! — сказал Иван.

— Как сказать! Если ждать рая небесного — можно и в дураках остаться! — усмехнулась Домна.

— А что мы можем сделать?

— Если есть желание, можно многое сделать, дядя Иван. Красные недалеко. Надо помогать. Иначе белые всех перебьют. Тетка Катерина давеча рассказывала, что они сделали с учителем. Разве можно такое терпеть? Всем миром надо на них навалиться.

— На учителя донес Рыжий Филя, все это знают, — негромко сказала Агафья. — Пес шелудивый, выродок несчастный!

— Теперь и он почувал, откуда ветер дует! — сказал Иван. Постучав корявым ногтем по трубке, добавил: — Красные близко, так ходит тише воды, ниже травы. А то было, нашты, ого!

В сенях раздался стук. В избу ввалились трое солдат.

Катерина взглянула на Домну. Разведчица успокоила ее взглядом. Она старалась держаться спокойно, все же щеки ее запылали. Как и остальные девушки, Домна пылливо приглядывалась к неожиданным гостям.

Один из них выступил вперед. Его острые колючие глаза цепко оглядели всех, остановились на Макаре Иване, ощупали его, скользнули дальше, заглянули на печку, на полати. Он спросил:

— Что за сборище? Кто хозяин?

Катерина встала, отложила в сторону штопку.

— Хозяйка я. А это соседи, посумерничать собрались.

Бабушка выглянула с голбца между брусьями, прошамкала:

— Свои, родненький, все свои. Кто к нам чужой придет? Коли с дороги, отдохайте, грейтесь. Вон какие у нас славные девушки прядут, поговорите с ними, позабавьте веселыми шутками. Они страсть как любят посмеяться!

Старший слегка смягчился, сказал миролюбиво:

— Патрули мы. Проверяем, нет ли чужих.

— Никто не появлялся. Наша деревушка на отшибе, редко кто бывает здесь из чужих. Вот вы заглянули, и за то спасибо. Раздавайтесь, будьте гостями. Или куда дальше спешите? — поинтересовалась Катерина.

— Это наше дело... Обошли деревушку — ни души, только у вас в окне свет. Зашли проверить... Перекурим, что ли, ребята? — обратился старший к спутникам. Те одобритительно переглянулись. Невысокий, плотный, в мокнато-серой папахе солдат сверкнул темными цыганскими глазами.

— Можно перекурить! — Он весело подмигнул девушкам.

Другой, краснолицый, косолапый детина, помолчал, промямлил:

— Если хотите отдохнуть, мне что... Посидим, в тепле погреемся.

Все облегченно вздохнули. Макаре Иван, сосредоточенно набивавший трубку новой порцией табака, разжег и энергично засосал ее. Волны вонючего дыма клубами обдавали сидевшую рядом Наталью. Она затрясла головой, чихнула. Отмахиваясь рукой, громко запротестовала:

— Задымил опять! Дядя Иван, отвернулся бы хоть со своей дымокурней! Дышать нечем.

Катерина обратилась к солдатам:

— Что, парни, стоите у порога. Присаживайтесь, дайте ногам отдых!

Солдаты сняли шапки, расстегнули полушубки и уселись на лавки, зажав винтовки в коленях.

К Домне подсел черноглазый парень. Он улыбнулся, сверкнув ослепительно-белыми зубами, привалился к ней и пропел сладким голосом:

— Ах, девушки-красавицы, куколки-зазнобушки!

Домна рассмеялась, хотя Катерина заметила в ее глазах плохо скрытую ненависть. Девушка оттолкнула забавного парня, сказала:

— Ты что, парень, сидеть разучился, что валишься чурбаком?

— Меня к завлекательным танет, удержаться не могу. Характер такой! Но ты не бойся, я не кусаюсь. — И солдат снова выразительно подмигнул.

Высокий, остроглазый уселся возле бедовой Натальи. Сверкая бойкими плутоватыми глазами, она молча поглядывала на него. Косолапый детина неуклюже топтался посреди избы, не зная, куда приткнуться. Агафья пододвинулась и, освободив место между собой и Иваном, пригласила:

— Садись сюда, паренек, с нами покаляй!

Тот покорно поплелся к ним и тяжело плюхнулся на лавку.

Иван, откашлявшись, спросил у него:

— Вы здешних мест или дальние?

Старший взглянул на него, сказал насмешливо:

— Отсюда не видать. А ты что, в гости к нам ладишься?

Наталья с осуждением взглянула на грубияна, отстранилась от него:

— Зачем на старого человека собакой огрызаешься?

— Пусть не спрашивает. Какое его дело?

— Подумаешь, и спросить нельзя! — Она передернула плечом, отвернулась.

Цыганистый солдат, сидевший рядом с Домной, попытался их помирить:

— Ну, что вы не поладили? Если хочется знать — пожалуйста! Дальние мы, из разных мест. Я, например, с Мезени, а этот родился у черта на куличках. — Веселый солдатик забавно прищурил глаз. — Этот коновал печорский, собачий сват... А имя у него красивое: Василий!

Глафира, недружелюбно покосившись на Василия, сказала:

— Знаем печорских, показали себя...

— Осторожнее язычком-то, осторожнее! — пригрозил ей тот.

И поднялся.

— Идемте отсюда! Нам еще на мельнице нужно побывать. Шагом марш!

Черноглазый затынул теплый шарф, застегнулся на все крючки, повернулся к Домне и осклабился:

— До свидания, красавица! Понравилась ты мне, жди сватов!

Домна ответила с усмешкой:

— Валий, присылай. Буду ждать...

Солдаты ушли. Женщины стали собираться домой и вместе с Макаром Ивановым, согласившимся проводить их, вышли из дому.

Катерина закрыла дверь, облегченно вздохнула.

Домна почувствовала усталость от напряжения. Забравшись на полати, прилегла. Уснули дети с бабushкой. Настенька устроилась на голбце. Одна лишь хозяйка продолжала возиться в избе. Она, видимо, кого-то ждала.

Когда в избе затихли, Катерина шепнула Домне:

— Отдыхай, не раздеваясь. Может, скоро и наши заявятся...

4

Около полуночи в сенные двери кто-то легко постукал.

Домна приподняла голову, замерла в тревожном ожидании: «Не за мной ли уж те белые солдаты?»

Катерина движением руки предупредила, чтобы она притворилась спящей. Домна юркнула под одеяло с головой и притихла.

— Катерина вышла в сени, спросила:

— Кто крещеный стучится?

Отозвался, видимо, знакомый; хозяйка открыла дверь. В избу вошел высокий, плечистый мужик. Перешагнув порог, Катерина спросила с тревогой:

— Что-нибудь случилось, Габэ? Почему так поздно вздумал навестить?

Брат Катерины, с такими же, как у нее, добрыми и умными глазами, очистил с курчавой бороды намерзшие сосульки, огляделся. Чувствовалось, что он не спешит сообщить, с чем пришел.

— Замешкался я... Везде патрули снуют, пришлось на лыжах добираться лесом. Не с доброй вестью я пришел...

— Подожди!.. — схватилась за сердце Катерина. — Они Микулу...

— Сегодня... Недалеко от мельницы... Завели в лес, к Черному ручью... расстреляли... Там и лежит, у Черного ручья...

Первой вскрикнула Настук, затем во весь голос заголосила старуха. Проснулись и дети, молча в испуге смотрели, как взрослые плачут навзрыд...

Только Катерина сидела на лавке ни жива ни мертва, в лице ни кровинки.

Весть, которую принес брат Катерины, потрясла и Домну. Горький комок подступил к горлу, не продохнуть. Было жаль доброго Микула Викула, и тетушку Катерину, и ее осиротевших детишек...

В окошко постучали. Катерина не вдруг подняла голову и не сразу дошло до нее, что в мире все продолжает жить по-прежнему. Габэ бережно тронул ее за плечо. Стук повторился. Катерина вытерла слезы, молча вышла в сени. Вскоре она вернулась, тяжело волоча ноги, подошла к Домне и прошептала непослушными губами:

— Там тебя ждут. Васятка сведет куда надо. Иди!

Домна накинула пальто, схватила свой узелок, крепко сжала руку Катерине:

— Спасибо, тетушка Катерина, за хлеб-соль и за все! Может, скоро не встретимся. А ты крепись, родная. Жалко дядю Микула, да ничего не изменишь...

Домна прильнула на миг к груди доброй женщины, крепко обняла.

На улице, около крыльца, ее ожидал паренек лет пятнадцати.

— Это ты, Васятка?

— Я! — отозвался подросток.

— Пошли.

Васятка повел Домну задами, по узенькой тропинке, петлявшей между банями. Было удивительно, как это парнишка находил дорогу. Иногда они оступались, проваливались в глубокий снег, брели в темноте почти на ощупь. Но, оглядевшись, паренек снова нащупывал ногой протоптанную в сугробах стезю и двигался дальше.

Тропинка вывела их к гумну со скирдой и овином. Чуть дальше просматривалась темная стена леса. Было тихо. Ни звука не доносится из деревушки, оставшейся позади. Затих даже ветер, носившийся по снежным просторам.

У овина, когда Домна с Васяткой подошли к нему, раздался окрик:

— Кто идет?

— Это мы, дядя! — также вполголоса отозвался Вася.

Из-за угла черного овина показались трое, подошли. Домна поздоровалась с мужиками, пытаясь разглядеть собеседников, рассказала о постигшем Катерину горе.

Ночь хотя была темная, и все же, стоя рядом, можно было различить лица охотников. Они были в легкой, теплой одежде, в суконых охотничьих шапках, у двоих — охотничьи ружья, у третьего за спиной топор, вдетый в кожаную петлю лузана¹.

Двое молодые, лет тридцати. Третий пожилой, бородатый. Он одобрительно похлопал Васятку по плечу и велел возвращаться.

— Про нас ни гугу! Понял?

— Знаю, чай, не маленький! — ответил парнишка и направился по старому следу к деревне. Через минуту его уже не было видно.

Пожилой обратился к Домне:

— Расскажи, девушка, ладом, какая помошь от нас требуется?

— Утром начнется наступление, — сообщила она. — Нужны подробные сведения о противнике, где какие части сосредоточены. Нужны проводники, чтобы лесными тропами пробраться нашим отрядам в тыл белым. Вы же здешние. Сможете?

— Мы тут все тропинки, все просеки знаем, — отозвались охотники.

— Можем сделать, — подтвердил бородач.

Охотники рассказали, где и какие отряды стоят у белых, сколько у них пулеметов. Сведения были очень нужные. Домна поторопила охотников:

— Давайте в путь! Нас ждут.

Пожилой охотник добавил:

— Белые со стороны Печоры ждут подкрепления. Надо опередить их, так сделать: двое пойдут с тобой, девушка, они будут вам проводниками. А я останусь и соберу мужиков. Как начнется наступление, ударим с тылу и затем присоединимся к вам.

— Хорошо! — одобрила Домна. — Будем ждать вас в наш партизанский отряд!

— На лыжи и айда! — сказал своим товарищам пожилой охотник. — А сама ты можешь на лыжах? У нас есть свободная пара, прихватили на всякий случай!

— Думаю, не отстану. По готовому следу мне будет легче, чем им!

— Вот и ладно! — одобрительно отозвался бородатый охотник и сказал молодому с ружьем: — Ты, Педэр, вперед пойдешь! Прямо лесом дуйте. К рассвету будете там уже. На, бери мой компас! Ну, в добрый час!

Домна крепко пожала руку пожилому охотнику, поблагодарила. Втроем они направились к лесу

5

В эту ночь никто не спал в доме Видул Микула. Дети, умаявшись от слез, задремали. Настенька продолжала всхлипывать на полатах. Брат Катерины прилег на голбце, а сама хозяйка и ее старая мать так и не ложились в эту ночь.

Старушка, собираясь ставить тесто в большую квашню, печально спросила у Катерины:

— Всю муку будем расходовать?.. Придут люди провожать хозяина, кормить придется... Ох, горе горевать, не пир пировать!

Катерина принесла из холодной избы чистое белье мужа, рубашку верхнюю, штаны и, разостлав на столе, рассматривала их. На вопрос матери, кивнув головой, тихо сказала:

— Стряпай из хорошей муки. Авось не помрем с голоду.

А слезы бежали по лицу, прожигая новые глубокие морщины. Иногда они падали на мужнину ситцевую рубашку в синюю полоску. Эту рубашку она сама сшила прошлой весной. Микул очень любил ее и надевал только по праздникам.

Катерина верила и не верила, что собирается провожать своего Микула в последний путь, а поверив, прильнула к рубашке и, не удержавшись, зарыдала.

Мать осторожно высвободила из ее рук рубашку, упрекнула с досадой:

— Не роняй, Катеринушка, слезы на одежду мужа! Тяжело будет ему лежать в сырой-то рубашке. Нехорошо это, в народе так сказывают.

Катерина хотя и не очень верила разным приметам, но послушно вытерла глаза передником.

Праздничные казинетовые штаны хозяина на коленках поистерлись. Надо было заштопать, Катерина проворно штопала и думала: как бы привезти Микула домой? Не валяться же ему там, в лесу? Затемно бы еще надо выехать.

¹ Лузан, или лаз — обязательная принадлежность охотничьего костюма, безрукавка из полосатого домотканого сукна или толстого грубого холста, предохраняющего охотника от ветра и сырости.

Снова придется поклониться Опоню, попросит лошадь.

— Что еще понадобится? — спросила у матери Катерина. — Господи, голова как чугуная, ничего не могу делать, все из рук валится!

— Покрыть его надо, дитяtko, — поучала старушка. — У нас есть выбеленный тонкий холст. Да и гроб опустать тоже понадобится холстина. Не будем же на веревках опускать хорошего человека! Надо еще в гроб настелить две с половиной пары веников, лежать мягче будет. Только кто будет гроб делать?

— Попрошу Макара Ивана. Сухие доски есть, в сарае сложены. Микул собирался крыльцо чинить. Вот и пригодились! — И Катерина снова расплакалась.

Ночь уже кончалась, а женщины продолжали хлопотать по дому. Старушка то посидит на лавке, отдыхая, то снова копошится у печки. Тесто замесила, растопила печь, вздыхает, что-то шепчет под нос. И вдруг сказала укоризненно:

— Господи, куда уже ты смотришь? Си-дишь на небе, ничем не поможешь людям, все шиворот-навыворот пошло. Беляки всех убивают, а он смотрит и пальцем не пошевельнет!

Катерина оделась, пошла к соседям со своими печальными хлопотами. Вернулась она нескоро, старуха уже ладилась хлеб сажать в печку.

С Катериной пришел сосед Опонь, старый ссутулившийся мужичок, с сивой бороденкой и морщинистым лицом. Присаживаясь на лавку, он сказал печально:

— Вернется Микул к себе домой, да ненадолго...

Катерина разбудила дремавшего брата, спросила:

— Что взять с собой в лес?

Вместо него ответил Опонь:

— Захватите половик или холстину.

Старуха, хлопотавшая у печки, посоветовала:

— В холодной избе на брусках висит полог, чистый, выстиранный. Возьмите его. Да в сани-то, Габэ, сенца побольше накидайте. В каких санях ладитесь ехать?

— У Макара Ивана розвальни взяли, они большие, удобные. Сам обещал прийти делать гроб, — сказал Опонь. — Я помогу. Пока съез-дят за хозяином, мы сколотим.

— Давай собираться, брат. Пораньше выедем, раньше приедем, — сказала Катерина и стала одеваться.

Старушка поставила миску щей, принесла яичные пироги:

— Щей похлебайте. Не натошак же ехать.

Габэ хлебнул несколько ложек, а Катерина и не притронулась.

Старушка подала Катерине хлебец-ярушник, наказала положить себе за пазуху, чтобы не остыл. В чистый платок завернула горшок каши.

— Возьми, — поучала она Катерину. — Будете везти Микула, помяните его, чтобы душа его не осталась бесприютной в темном лесу. Не от нас повелся и не нами кончится этот обычай...

Еще затемно они вышли на двор и, усевшись в розвальни, по утреннему морозцу выехали на дорогу к мельнице. Отдохнувшая Пегашка бежала резво.

Дорога вилась по заснеженному бору, где Микул учился лесовать — ставить силки на рябчиков и тетерок, добывать белок. Катерина вспоминала, где они с хозяином рубили жерди, заготовляли дрова, собирали грибы, ягоды. И вот нет его в живых, злодеи убили.

Они ехали долго, никого не встретив. Начало светать.

Вот и еловый лес, где убили Микула. Следы совсем еще свежие, хорошо заметны.

— Много их было! — посмотрев на следы, заметил Габэ. — Видишь, к Черному ручью вели.

Сердце Катерины затрепетало. Она заторопилась, куда вели следы. Где-то в душе теплилась крошечная надежда: а может, жив еще Микулаушко? Может, не до смерти пристрелили или и сам прикинулся убитым, а когда ушли палачи, выполз из леса, дотачился до жилья и спасся?

Сердце Катерины до боли билось в груди. Спешила она к своему ненаглядному, как, может быть, в молодости не спешила на свидание...

Вот и ручей. Около него следов-то, следов натоптано!

Габэ остановил лошадь и стал догонять сестру. А та спешит, не останавливаясь, и страшится и надеется.

А лес кругом, как заколдованный: высокий, темный, угрюмый. Тихо вокруг, словно жизнь остановилась, замерла. Тучи нависли темным пологом.

Вдруг Катерина увидела: распластавшись на снегу, лежит человек. Спотыкаясь и падая, кинулась к нему Катерина. Добежала, опустилась на колени, ощупала шею, голову, просунула руку под рубашку, не уловит ли тепло. Но ледяный душу холод ожег ладони. Глядит Катерина на мужа: не страшный ли сон ей приснился? Но нет, лежит Микул, кровью пропитана рубашка. Белое лицо строго. Темные брови сдвинуты, зубы стиснуты. А на лице ни следов боли, ни скорби. Всесильная смерть, из-

лечивающая от всех земных забот и недугов, коснулась его холодной рукой.

И только теперь убедилась Катерина, что муж ее мертв и никогда не вернется к ней. Со стоном бросилась она к нему на грудь, обхватила руками, запричитала.

— Умойся моими слезами, родной, никогда уже не успокоит меня твое сердце своим добрым, ласковым словом, не поддержит сильная рука!..

Очнулась от прикосновения чьей-то руки. Брат ее подвел лошадь, подал горшок с кашей, сказал виновато:

— Пора домой. Помянем Микула, как мать наказывала, и поедем.

Катерина поставила в изголовье мужа горшок, сверху положила хлебец-ярушник и снова принялась причитать. Слушая причитания сестры, Габэ не мог удержать дрожь в губах, и слезы застилали ему глаза. А Катерина, разговаривая, точно с живым, жаловалась:

Ясно солнышко да радость моя,
муженек ненаглядный!
Заклевали тебя черны вороны,
Загубили жизнь раньше времени...
И нашли они, злые коршуны-стервятники,
Для злодейства место темное.
Ведь недаром сказано:
В сосновом бору молиться,
В березовом — веселиться!
А в еловом — убивать да глумиться!
С тобой, Микуляюшко, свет Викулович,
Расправилась волчья стая здесь,
В лесной оуды да темном ельнике!
Встань же, дорогой муженек,
Да поедем к дому, к нашим деточкам.
Поедем ко мне, к твоей безутешной жене!
У меня глаза не смыкаются
Без тебя, родного да желанного!..

Габэ снова поторопил Катерину. Продолжая всхлипывать, она встала, отнесла горшок в сани, распушила сено, расстелила полог. Габэ стоял у тела, глубоко задумавшись. Затем сказал:

— Стреляли в него в упор. Стоял он лицом к ним... И не просто стоял, а сопротивлялся! Видишь, в голову ударили чем-то тяжелым, а потом грудь прострелили. Вон как снег кругом вытоптан, — видеть, боролись! И куланы у Микула сжаты. Дрался он с ними до последнего...

С трудом сестра и брат отнесли Микула в сани. Катерина бережно укрыла его пологом, под голову подоткнула сено, чтобы на ухабах не трясло. Наконец они тронулись. Габэ правил лошадью, Катерина, притулившись к телу мужа, поддерживала его голову.

Миновал сумрачный ельник, выехали на дорогу, где-то далеко-далеко гроыхнуло два выстрела. Габэ попридержал лошадь, прислушал-

ся. Стрельба раздавалась в направлении села. Он снял шапку, перекрестился:

— Слава тебе, господи! Кажется, началось.

Катерина слушала, как где-то нарастала и усиливалась стрельба. На сердце у нее словно потеплело. Скорее бы пришли красные и отомстили ненавистным убийцам за мужа и за пролитые сиротские и вдовьи слезы.

Вспомнила о Домне: «Где теперь эта смелая, бесстрашная девушка? Все ли с ней ладно?»

А Домна уже была у себя в штабе...

6

Перед боем за Нёбдин в сводном отряде вместе с партизанами уже насчитывалось несколько полных рот. Недавно туда влился еще отряд красноармейцев-лыжников, в числе которых были также и Проня Юркин.

Ему и в голову не приходило, что где-то здесь, в партизанском отряде, сражается и Домна. Встретиться им не довелось, и они ничего не знали друг о друге. Совершенно неожиданно они все же увиделись. Произошло это на третий или четвертый день ожесточенных боев под Нёбдином.

Лыжному отряду командир приказал проникнуть в тыл белых, обойти их главные силы и перекрывать дорогу, по которой противник мог бежать. Рассчитывали взять белых в клещи.

Вечером лыжники построились у околицы села. Раздалась команда: «Вперед!» — и отряд двинулся на боевое задание. Впереди шли разведчики, а с ними проводники — два молодых охотника.

Лыжники вошли в лес и по едва заметной лесной тропинке направились к Нёбдину.

Проня шел вместе с разведчиками — его назначили связным. Он привычно скользил по снегу на легких лыжах. За спиной винтовка, сумка с патронами и бутылочная граната на ремне. В пути бойцы так согрелись, что Проня даже ослабил шарф.

Было тихо. Лишь поскрипывал снег да изредка хрустели попадающиеся под лыжи сучья. На марше не курили, не разговаривали.

Но вот впереди показалась дорога, ведущая от волости в лес. Там могла быть засада...

Проня доложил командиру. По цепочке была дана вполголоса команда: залечь, ждать приказа.

Разведчики обследовали дорогу. Осторожно продвигались вперед, осматривали местность. Лыжники отдыхали в ожидании сигнала.

Вот послышался негромкий свист. Это был сигнал: путь свободен! Проня вернулся и до-

жил об этом командиру роты, тот подал команду лыжникам:

— Бегом вперед!

Лыжники пересекли дорогу и скрылись за деревьями.

Проня, догнав разведчиков, углубился с ними в лес.

И снова было тихо, лишь поскрипывали лыжи да изредка слышался лай собак вдали.

К утру вышли к кладбищу. Лыжники вновь залегли. Разведчики вместе с Проней осторожно, поперебегку, приблизились вплотную к крайним домам. Нигде никого. Тишина. Белые, видимо, не ожидали нападения с этой стороны и охраны не выставили. Темные улицы были пустынные. Патрулей не видно. Этот конец села казался вымершим.

Проня и разведчики прошли два-три дома, приблизились к большому двухэтажному зданию. Здесь окна были освещены, значит, там есть люди, не спали.

Подкравшись к крыльцу, разведчики увидели смутно вырисовывающуюся фигуру часового. Закутавшись в длинный теплый тулуп, он вкусно позевывал, похлопывал рукавицами.

Проня, крадучись, приблизился к нему. Часовой, услышав их шаги, насторожился, но тревогу поднять не успел: в спину вонзился острый охотничий нож. Вход в дом был свободен. Разведчики осторожно вошли в сени, распахнули в избу дверь и перешагнули порог с ружьями на изготовку. Но там они увидели белого, как лунь, старика, разжигающего самовар.

— Дедушка, кто в доме? — спросил Проня.

Старик с испугу чуть не выронил из рук самоварную трубу, указал рукой вверх и прерывающимся голосом произнес:

— Наверху... офицеры и телефонисты.

— Сколько?

— Четверо. Главный велел мне самовар поставить.

— Кто еще поблизости?

— Связисты. Казарма немного впереди, а их начальник, поручик, у меня живет. Телефон у него здесь...

Разведчики устремились на верхний этаж.

Дверь в комнату, откуда доносились голоса, была прикрыта. Разведчики встали у двери, приготовив винтовки. Старший, распахнув дверь, крикнул:

— Руки вверх!

Длинный рыжеусый поручик бросился к телефону, на ходу вырывая из кобуры револьвер, но меткая пуля свалила его. Остальные подняли руки.

Разведчики обыскали их, отобрали полевые сумки, оружие, карты, оборвали телефонный провод, взяли аппарат.

О произошедшем Проня сообщил командиру. Тот приказал отряду укрепиться на краю села, быть в боевой готовности. Лыжники натаскали все, что попадалось под руки: саней, кражей, поленьев и перегородили дорогу так, чтобы по ней нельзя было ни проехать, ни пройти.

Патрули белых подняли тревогу. Ночную тишину разорвали первые выстрелы.

Противник, обнаружив красных у себя в тылу, понял, чем это грозит, и попытался атаковать лыжников. Завязался бой и длился до утра.

Противник предпринимал ряд атак, чтобы очистить свой тыл, но безуспешно. Не помог и пулемет.

На рассвете Проня услышал выстрелы правее села, где действовали партизаны. Вскоре яростно застрочили пулеметы белых. Значит, в наступление пошли главные силы красных.

Бой не утихал до следующей ночи. Не переставая, били пулеметы врага. Их плотный огонь прижимал цепи красных к земле.

Рота лыжников удерживала позицию. В питании нехватки бойцы не ощущали. Их подкармливали жители. Под покровом темноты они приносили молоко, хлеб, горячую картошку. Но стали кончаться боеприпасы, а пополнить их было неоткуда. После двух дней боев у Прони осталось лишь несколько патронов, у других и того меньше. Без сна, усталые, постоянно на морозе, бойцы с трудом удерживали дорогу.

На третий день бой разгорелся с новой силой. Лыжники слышали, как в том направлении, где дрались партизаны, стрельба прекратилась: к противнику подошла помощь. Партизаны были вынуждены отойти.

Лыжная рота осталась одна и сама могла попасть в окружение. Пришлось оставить занятые позиции. Отряд начал отход.

По пути к лесу лыжники наткнулись на высланный белыми заградительный отряд, встретивший их пулеметным и винтовочным огнем.

Командир лыжного отряда подал команду:

— Пробритесь штыками!..

Залегшие в снегу лыжники поднялись и, стреляя на ходу, бросились на белых, в рукопашной схватке опрокинули вражескую цепь и достигли леса. К тому времени стемнело, и морозная ночь скрыла их под своим звездным пологом.

В отчаянной схватке лыжники немало перекололи вражеских солдат, но и сами понесли потери. Был ранен Проня. Он уже подбегал к опушке леса, как вдруг его сильно ударило в плечо, и рука бессильно повисла. Проня понял: ранен. Из последних сил он добрался до деревьев и вошел в лес. Присев на снег, он от-

дышался и направился вдолгону за своими. Но уже стемнело, и он никого не нашел.

Всю ночь бродил Проня по лесу, искал лыжников. Голоса не подавал, опасаясь привлечь белых. И хотя рана ныла все сильнее и стала кружиться голова, он все же, ни разу не крикнув, шел незнакомым лесом, не зная куда.

Как сильно ни устал он, отдыхать не позволял. Он знал: сядет, задремлет на морозе и замерзнет. Напрягая силы, Проня медленно брел в снег от дерева к дереву.

С трудом передвигая ноги, он подбадривал себя: «Вот если бы дойти до того дерева!.. Давай, шагай! На Мудьюге не такое терпел и то выжил. Не может быть, чтобы я пропал здесь, у себя дома?!»

Мысли о товарищах, о том, что где-то они рядом, придали Проне сил, и он настойчиво продвигался вперед, опираясь здоровой рукой на вбитую.

На рассвете Проня вышел на берег лесной речки. Кое-где поблескивала в полыньях вода, клубился парок.

Какая это речка? Если пойти по ней, куда выведет? Проня долго стоял в раздумье. Хотелось пить, но к полынье подходить было опасно. Наконец решил идти вверх по течению. По расчетам, где-то там должна быть мельница.

С трудом давался ему каждый шаг. Лыжи он потерял во время рукопашной схватки. А снег в лесу по пояс.

Проня обессилел. Рана сильнее давала о себе знать. Он чувствовал, как горит голова, по лицу струится пот. И все же он не ложился на снег, упорно брел вперед.

Уже вновь начало темнеть, когда он наконец увидел мельничный пруд. Он даже не поверил себе, подумал — мерещится. Проня от радости хотел крикнуть, но пересохший рот с потрескавшимися губами чуть раскрылся, крикнуть не хватило сил.

Возле пруда, у самой речки, виднелся одинокий дом. Из последних сил добредая до него, Проня свалился у крыльца. Невесть откуда взявшийся пес залаял на незнакомое человека.

Из дома вышли хозяйин, хозяйка. Они ввели раненого в избу, сняли затвердевшую от крови шинель, разрезали рукав гимнастерки, перевязали рану, наполнили молоком.

Проня едва мог сидеть. Пока он ел, хозяйин поддерживал его, чтобы не свалился.

В избе, кроме хозяина и хозяйки, никого не было. Они разговаривали вполголоса. По их озабоченным лицам и вскользь брошенным фразам можно было понять, что волость все еще у белых.

Хозяин, догадываясь о тревоге Прони, успокоил его:

— Парень, не бойся, все будет ладно!

Они помогли Проне забраться на печь. Хозяин сказал:

— Ложись к стене! Жена, накрой малого получше! Быстрее согреется... Надо как-то сообщить товарищам, чтобы пришли за ним.

Накрыв Проню, они нагромоздили впереди него разные вещи, чтобы, если кто и зайдет, не заметил чужого на печке.

— Смотри, паря, не подавай голоса! — предупредил его хозяин. — Я пойду узнать, что делается в волости.

Он ушел, а Проня остался на теплой печке. Скоро усталость сказалаась, и он забылся в тягелом сне...

7

В крестьянской избе Проня провел всю ночь. Иногда он просыпался и снова забывался, видя один и тот же сон: будто заблудился в густом лесу, кричит, но ему никто не отвечает.

Хозяйка мягко поглаживала его по голове, как ребенка, и успокаивала:

— Лежи, дитятко! Спи...

Под утро вернулся хозяин. Вместе с ним в избу вошла девушка в крестьянской одежде. Она взглянула на печку, тихо спросила у хозяйки:

— Что, спит?

— Затих, а то все метался. Видимо, рана болит. Если бы фельдшер посмотрел...

— Пусть полегит у вас. Скоро увезем его в санчасть, — продолжала девушка. — Сейчас ехать с ним опасно. Увезем, как стемнеет...

Девушка ушла.

Рассвело. Опять наступил беспокойный то-скливый день, казавшийся длинным из-за тревожного ожидания.

Хозяин весь день провел во дворе, колол дрова, возился под окном, в избу заглядывал только что погреться. Переменит валенки и рукавицы, пошепчется с хозяйкой и опять на улицу, чтобы вовремя предупредить раненого, если появятся белые.

Когда стемнело, под окнами остановилась подвода.

Хозяйка разбудила Проню:

— Вставай, солдат, за тобой приехали.

— Кто? — спросил Проня и от радости ожил; даже рана как будто стала меньше ныть.

— Подвода пришла. побыстрее собирайся, парень! К своим поедешь, — помогая ему спускаться с печки, торопил хозяин.

Они одели Проню, вывели на улицу. Под на-весом их ждали. В овчинном полушубке, в теп-лой шали, небольшого роста девушка-ямщик

взбила помягче сено в саях, помогла уложить раненого. Укутывая ему теплым одеялом ноги, девушка прощептала:

— Потерпи, дорогой! Скоро в санчасти будешь.

Голос ее показался Проне знакомым. Он хотел спросить, но его с головой накрыли тулупом, велели лежать спокойно. Лошадь затрусилась...

Сани слегка покачивало, на мягком сене было приятно лежать. Надышавшись свежего воздуха, Проня вскоре уснул. Проснулся он от окрика:

— Стой, кто едет?

Возница назвала пароль.

— Куда едешь?

— В санчасть, раненого везу, — объяснила девушка, и ее звонкий голос опять показался Проне хорошо знакомым. Он откинул здоровой рукой тулуп и осмотрелся. Здесь, видимо, была своя застава. Вооруженные красноармейцы сошли с дороги, и возница взмахнула кнутом. Сани снова заскользили по дороге.

Через некоторое время Проню привезли в санчасть, уложили, осмотрели. Доктор обработал рану, забинтовал.

Проне сразу стало легче, рана не так ныла, боль утихла.

— Доктор, сообщите обо мне в лыжную роту! — попросил Проня.

Доктор усмехнулся, кивнул на девушку, стоявшую тут же:

— Об этом, парень, поговори со своим ящиком! Это она может сделать.

Проня взглянул на возницу, на ее круглое лицо, завитки русых волос и знакомую улыбку на слегка пухлых губах. Да это же Домна! Но как сюда попала?

— А я уже давно смотрю на тебя! — сказала Домна и взяла его руку и бережно пожала. — Узнала тебя.

Ухаживая за Проней, угощая его чаем с ложечки, Домна весело говорила:

— Невдомек мне было, кого я выкрала из-под носа у белых! Там, на печи, ты, конечно, и не догадывался, из какой хитрости мне пришлось прибегнуть, чтобы вызволить тебя!

— Ты и отсюда увези меня поскорее, — стал упрашивать Проня. — Хочу к товарищам!

— Придется подождать, браток! — сказала чуть-чуть обиженно Домна. — Сейчас им не до тебя: бой идет, сам должен понимать. Да ты и слаб. Полежи, наберись силенок.

Проня хмурился.

— Не беспокойся! — ласково поглаживала она здоровую руку Прони. — Я сообщу в твой отряд, и товарищи наведаются.

— Как ты сюда попала, Домна?

— Так же, как и другие. Я давно в партизанском отряде.

— Спасибо, выручила меня, спасла от смерти.

— Хозяина с хозяйкой благодари. Если бы не они, не узнать бы нам.

— В лесу я уже думал: конец пришел. И на тебе — снова живу!

Проня устало закрыл глаза. Домна сказала:

— Белые бегут. Кулаки им показали лесную дорогу, и они драпают по ней. Ну, ты, парень, устал, отдыхай! — укрывая его, сказала Домна.

— Спасибо! — уже с закрытыми глазами шепнул Проня. На сердце было празднично. Он, слегка приоткрыв веки, украдкой наблюдал за Домной, слушал, как она раненым что-то весело говорит, смеется.

Затем сознание оборвалось. С мыслью о милой девушке он и уснул.

8

Освободив Нёбдино, красные войска взяли Вомынскую волость и намеревались продвигаться дальше, но пришел приказ: наступление приостановить и закрепиться между Сторожевском и Подбельском. В штабе сводного отряда стали готовиться к глубокой разведке в расположение врага.

Узнав, что требуется опытный человек, Домна сама попросилась в разведку. В штабе она заявила:

— Готова хоть сейчас! Мне не впервые...

— Знаю! — улыбнулся командир сводного отряда. Он был в черной кожаной тужурке, с маузером в деревянной кобуре.

Домна с жаром убеждала командира:

— Женщине легче проникнуть в расположение врага, в глаза не так бросается! Уже я-то знаю...

— Так-то так!.. — сказал неопределенно тот и обратился к начальнику штаба: — Расскажите, какие задачи стоят перед разведкой?

Начальник штаба, полный блондин в очках, с короткой русой бородой, вынул из полевой сумки карту и, водя по ней пальцем, стал объяснять:

— Нам нужно знать силы противника в Аныбе и прилегающих пунктах, его вооружение, количество пулеметов, снабжение, откуда и какие ожидаются резервы. Затем надо сходить в Усть-Кулом, где, по нашим сведениям, их главный штаб. Задача трудная.

Командир, набивая трубку, рассматривал Домну.

Раскурив, он раза два затянулся и, не сводя с девушки испытующего взгляда, резко спросил:

— Слышала, Каликова? Скажи прямо: сможешь пробраться к белым в тыл? Понимаешь ли, как это опасно.

— Понимаю, товарищ командир, — ответила Домна. — Не беспокойтесь, вернусь невредима и принесу все необходимые сведения! Не первый раз иду в разведку.

Командир потер бровь, подумал, потом указал трубкой на стул:

— Давай садись, потолкуем.

Домна сняла шапку, поправила подстриженные волосы.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать третий... А что? — насторожилась Домна. — Неужели выгляжу чересчур молодой.

Командир ничего не сказал, облокотился и задумался. Судя по тому, что он время от времени украдкой поглядывал на нее и морщил лоб, можно было догадаться, что он думает о ней. Может быть, ему вспомнилась своя дочь, а может, думал о том, что и ему когда-то было двадцать три года...

Начштаба спросил Домну:

— Значит, готова идти?

— Хоть сейчас!

— А если завтра? — спросил начальник штаба. — Ну, а как пойдешь, в какой одежде?

— Оденусь девушкой. Буду говорить — иду в Помоздино, к родственникам, хочу наняться в прислугу. Я ведь прислужой с детства работала.

— Делай, как находишь нужным. Девушкой, пожалуй, удобнее будет идти. Только ты, я вижу, подстригла волосы!

— Волосы мне недолго отрастить! — рассмееялась Домна, извлекая из кармана свои отрезанные косы, завернутые в чистую тряпицу. Она тут же вплела их в свои волосы и спросила:

— Ну, кто я теперь, парень или девка?

Командир и начштаба встали, осмотрели девушку, переглянулись.

— Подходяще вроде! — сказал командир. — Если не вглядеться, не заметишь. Но если близко всматриваться...

— Я в платке буду! — сказала Домна и, нагнув на голову платок, стала совсем похожа на деревенскую девушку.

— Хорошо! — согласился командир.

— Не бойтесь. Я уже ходила. Не впервое!..

— Надо предусмотреть все до мелочей, —

подчеркнул командир и взял на ладонь бледно-синюю ленту, вплетенную в косу. — А это не лишнее?

— Нет же! Девушки наши любят их носить, у кого есть.

— А коса не упадет ненароком?

— Я так вплету, чтобы не упала.

— Ну, тебе виднее. — Он подумал и спросил: — А юбка, кофта есть?

— Здесь нет ничего, — пряча косы, сказала Домна. — У здешних попрошу.

— Об этом мы сами позаботимся. — Обернувшись, командир приказал начштаба: — Чтоб не забыть, запишите себе. И дальше: до Подбельска проводит небольшой отряд. Там Каликова переоденется, наймет лошадь и направится в Аныб. А какой дорогой ехать? — спросил он Домну.

— Конечно, не трактом. Там белые шныряют. Придется обходить через Керос и Эжол, вот здесь! — показал на карте начштаба. — Здесь менее опасно, да и белым не бросится в глаза.

— Я тоже так думаю! — согласился командир. — А как ты сама, товарищ Каликова, думаешь?

— Обходным путем пойду, так лучше!

— От Подбельска до Кероса пять верст, — стал подсчитывать по карте начштаба. — От Кероса до Эжола — восемь, оттуда до Аныба еще десять. Всего будет двадцать три версты. Если на лошади ехать, часа четыре хватит.

— Ежели утром выехать, до темноты, пожалуй, успею прибыть в Аныб? — сказала Домна.

— Конечно, успеешь. Только вот, когда ехать: днем или вечером?

— Лучше днем, чтобы прибыть до наступления темноты.

— Правильно! И тебе веселее ехать, — потцовски тепло улыбнулся командир. — Мы еще раз продумаем все и завтра скажем. Что еще возьмешь с собой?

— Сменную одежду — рубашку, кофту, юбку. Заверну в платок, буду в руке держать, — ответила Домна. — Если бы и в самом деле ехала наниматься в прислугу, взяла бы то же самое.

— А деньги?

— Много не нужно. Сколько их может быть у девушки, ищущей работу? На оплату за лошадь — и все.

— А питание?

— С голоду не помру, — отмахнулась Домна. — Где поянчусь, где дрова поколю; все умею делать!

— Правильно рассуждаешь! — похвалил командир. — Сейчас иди отдыхай. Еще раз по-

лучше подумай о завтрашнем дне. То, о чем мы здесь говорили, никому ни слова! Еще лучше, если переспишь здесь же, в штабе. Дом попа большой, думаю, место тебе найдется. Это чтобы не искать тебя, если вдруг понадобишься. Согласна?

— Мне все равно! Где лягу, там мне, майбыр, и спать! — сказала, вставая, Домна.

— Ну, отдыхай себе! — Взяв за плечи Домну, командир ласково посмотрел ей в глаза. — Иди, милая девушка!

— Слушаюсь, товарищ командир! — Домна взяла винтовку, по-солдатски повернулась и вышла.

9

Был уже вечер, но работа в штабе не затихала. Люди входили и выходили, громко разговаривая. Иные, устав после тяжелых боев, спали прямо на полу, им не мешал штабной шум. Больше всего здесь было телефонистов, связанных, бойцов комендантского звонда.

Выйдя от командира, Домна поискала глазами, где бы ей можно было отдохнуть. Но везде было полно людей. Входящие перешагивали через спящих. Лишь в небольшой комнате, где сидели телефонисты, ей показалось посвободнее. Она к ним и обратилась:

— Может, разрешите отдохнуть?

Телефонистка обернулась и узнала Домну.

— Отдыхай, нам мешать не будешь.

Она была в красноармейской одежде, с подстриженными, как и у Домны, волосами, лет на пять старше.

— Раздевайся!..

— Я посижу тут в сторонке, — направляясь к скамейке у окна, сказала Домна.

Пожилой телефонист с задумчивым взглядом усталых глаз, наматывая на железную катушку потрепанный телефонный кабель, сказал ласково:

— Мешать нам не будешь, девушка, разденься и отдыхай. Вон на плите, в чайнике, кипяток, хочешь, пей.

Домна поставила винтовку в угол, сняла шинель, расстегнула воротник гимнастерки и с облегчением вздохнула, будто с ее хрупких плеч свалился груз. Вынув из узелка кружку, хлеб и кусок сахара, она, вполголоса разговаривая, с удовольствием стала пить горячий чай.

У натопленной печи было тепло. Привыкшая к походной жизни, Домна чувствовала себя как дома. Пожилой телефонист расспрашивал, откуда она, не надоело ли таскать винтовку. Домна рассказала: с малых лет жила в

людях, работала прислугой, а теперь служит в партизанском отряде.

Стемнело. В штабе ярко горели лампы. Домну не тянуло ко сну. Ей хотелось о многом передумать, побить наедине со своими мыслями. Она уселась в углу, чтобы не мешать штабным, достала иголку с ниткой и стала пришивать к шинели болтавшуюся пуговицу. Так легче было думать.

«Завтра в это время я, наверно, буду в Аныбе, — размышляла Домна. — Знать бы, как все там сложится?..»

Конечно, застава остановит, проведет в деревню, в штаб, там станут расспрашивать: откуда, куда? Вполне возможно, продержат день-два. Могут побить. Придется потерпеть. Не проговориться только на допросе. И, конечно же, ее выпустят. Что им делать с бедной крестьянской девкой, ищущей работу?.. Ну, а тогда можно и действовать: расспросить жителей, съездить в Усть-Кулом.

Она готовилась к тому, как ей вести себя, о чем говорить, как держаться. Может быть, придется и слезу пустить, чтобы разжалобить тех, кто ее будет допрашивать, хотя Домна не очень надеялась на их добросердечность.

О нравах белых она хорошо знала. Рассказывали, как совсем недавно здесь, в Небдине, белые зверски замучили молодую учительницу Трубачеву. Рассказывали и о том, как в Айкино искололи штыками и убили коммуниста Конова, а его жену раздели и столкнули в полынью.

Домна знала, что идет в пасть зверя, и представляла, какое воронье свило себе гнездо на Аныбской горе. Она видела изуродованные жертвы в освобожденных деревнях. Долго ли изверги будут лить людскую кровь?

«Главное, не терять хладнокровия и не бояться их», — успокаивала она себя.

Разумеется, она не могла угадать, что ее ждет. В станину не зря говорили: если бы знать, где упадешь, там подослал бы соломки.

Отправляясь в разведку, она надеялась на свою выдержку и находчивость. Ну, а если что случится?..

«Маму жалко...» — и, отгоняя тягостную мысль, стала думать о подругах, с которыми встречалась на вечеринках, водила хороводы. В памяти всплыли и образы фабричных девушек — Ксюши, Зины, жены Ткачева — Груши, многих тех, с кем работала на ткацкой фабрике. Она мысленно увидела проспекты Петрограда, по которым когда-то, радостная и возбужденная, ходила.

«Кончится война, съезжу туда, — думала Домна. — Может быть, и учиться буду там?!»

Домне захотелось повидать Проню. Она ска-

зала телефонистам, что идет в санчасть, надела шинель и вышла.

В санчасти навстречу ей выбежал Проня: он уже заметно поправился.

— Давно тебя жду! — обрадовался он. —

Знал, что сегодня придешь...

— Откуда знал? Ты что, кудесник?

— С утра левый глаз чесался!

— Значит, придется плакать, — сказала Домна. — Как выздоравливаешь?

— Уже, видишь, хожу! Я живуч, — оживленно говорил Проня. — Хорошо бы выйти на улицу, подышать свежим воздухом!

— Не заругают?..

— Да нет же! Мне это полезно. — Проня попросил набросить на его плечи шинель и, поддерживаемый Домной, направился к выходу. Проня был радостно возбужден, говорил не умолкая и не заметил, как наступил Домне на ногу.

— Ой, косопалый! — Она заразительно расхохоталась. — Помнишь?

— Еще бы!

Смеясь, они вышли на улицу.

Погода заметно потеплела. «Для меня это хорошо!» — подумала Домна, слушая Проню. Он говорил, как живет в санчасти, как угораздило его на остров Мудьюг, как бежал оттуда и после госпиталя попросился в красноармейский отряд, с которым и попал сюда.

— Помнишь Мартынова?.. Ссылный жил в городе, нас он еще на лодке катал? Помнишь? Я тогда бусы тебе подарил.

— Помню, конечно. А что потом было с ним? Где он теперь?

— При бегстве с Мудьюга его ранило в ногу... Мы долго блуждали по лесу, чтобы не попасть в лапы белых. Лекарств не было, помочь ему ничем не могли. Нога распухла. Мы его несли по очереди на руках...

Проня оборвал рассказ. Домна тихо спросила:

— Умер?

— Умер...

Шли молча, каждый думал о своем.

— Хороший был человек! — промолвила Домна.

— Да. — Проня продолжил рассказ: — На берегу мы, бевашие, разбились на две группы. Нашей удалось пробраться к своим, а вторую группу белые поймали. Расстреляли всех...

Дойдя до пригорка, с которого дорога круто спускалась в лог, разделивший село пополам, Домна и Проня остановились.

Вечер был тихий, в просветы облаков проглядывали звезды, и все кругом виднелось зыбко в неверном свете. Небосклон на востоке про-

черчивала светлая полоса, странно напоминала Домне памятный рассвет на Неве.

Она задумчиво спросила:

— Помнишь Петроград, Проня?

— Все помню! Везет нам с тобой, Домна! Своими глазами удалось повидать революцию, да и сами ее делали вот этими руками. — Проня сжал в кулак здоровую руку. — А как мы с тобой столкнулись у Финляндского, помнишь?

— Еще бы. Твоя спина оказалась такой широкой, что заслонила от меня все.

— Уж так и заслонила! — засмеялся Проня. — Вот я помню, как ты мне в бок саданула. — И оба весело рассмеялись.

Неожиданно совсем рядом бесшумно пронеслась ночная птица. Очевидно, вылетела из глубокого лога, поросшего ельником. Домна отшатнулась.

— Напугала, противная!

Проня обнял девушку за плечи, рассмеялся:

— Вот уж не думал, что ты такая трусиха.

Это сова на охоту вылетела. Вот и все.

Домна благодарно улыбнулась ему.

Они вернулись в санчасть и остановились у высокого крыльца с резными столбцами. Домна протянула ему руку.

— Завтра мне, Проня, рано вставать. Иди и ты отдыхай.

Проня уловил что-то тревожное в ее словах.

— Собираешься куда?

— Иду в Подбельск, — поколебавшись, ответила Домна.

— На заставу?

— Туда...

— Береги себя, без нужды не показывай храбрость, — посоветовал он.

— Не беспокойся обо мне! — Домна посмотрела на него и, подумав, сказала: — А бусы я до сих пор храню.

— Сберегла? — обрадовался Проня.

— Сберегла. Я тебя вспоминаю, когда гляжу на них...

— Меня?

— И катание, и соборную гору, и как ты там разбрасывал листовки. Какие были счастливые дни! — Она вдруг прильнула к нему и зашептала: — Как хорошо жить на белом свете! Правда?

Домна тихонько засмеялась. Вокруг было темно. Проня плохо видел ее лицо и не мог понять причину смеха. Впрочем, он и не доискивался. У него у самого было приподнятое настроение оттого, что удалось повидаться с Домной.

— Скоро белым конец! — сказал он.

— Думаю, скоро!

— Здесь я много знакомых встретил: в пулеметной команде — Андрея Долгого, в лыжной — Арсения Вежева... Во время боя за Нёбдин Вежева тоже ранило, но не сильно.

Домна вынула из кармана гимнастерки что-то свернутое в комочек и сунула в руку Проня.

— Я перед тобой в долгу, — сказала она. — Возьми.

— Что это?

— Кисет. Сама сшила. Кроме тебя, мне больше никому его дарить. Возьми. Как сумела — вышила, не осуди, если не так красиво получилось.

— Это — мне?

— Тебе, конечно.

— Мне? — все еще не верил Проня. Счастливо улыбаясь, он горячо зашептал:

— Домнушка! Если бы ты знала, сколько раз я вспоминал о тебе! Ты же для меня самая близкая, самая дорогая...

Он хотел еще что-то добавить, но Домна шаловливо схватила высунувшуюся из-под шапки белокурую прядь его волос и ласково дернула за нее:

— Об этом, дружок, потом, в другой раз... Больным пора ложиться. Беги в санчасть, а мне тоже пора. Вернусь, обо всем и поговорим. Ладно, милый?

Домна взяла здоровую руку парня и крепко сжала в своей.

Знал бы Проня, что ждет девушку, задержал бы руку, не выпустил. Но человеку не дано знать, что ожидает его завтра.

Так они и расстались...

На другой день в Подъельск на крестьянских подводах прибыл отряд красноармейцев. Среди них находился круглолицый, с задорными глазами, молодой боец. Это была Домна Каликова.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

1

Отесняемые красными войсками в декабре 1919 года белогвардейцы откатились до Аныба. Здесь они построили ледяные блиндажи, отрыли окопы, установили пулеметы. Такие же укрепленные позиции возвели они в прилегающих к Аныбу деревушках, выдвинув заставы. Отряды стояли также в Усть-Неме и Усть-Куломе. Белые цеплялись за Аныбскую возвышенность, чтобы, накопив силы, снова ринуться вперед. В это осиное гнездо и направилась в разведку Домна.

В Подъельске она прожила два дня, готовясь в опасную дорогу. В день выхода на за-

дание она надела черную юбку, легонькое пальтишко, повязала голову белой шалью. Едва стало рассветать, Домна попрощалась с красноармейцами и села в сани.

— Поехали, Паня! — весело крикнула она ямщику, подростку лет четырнадцати, и лошадь затрусила по селу.

Выехали за Подъельск. Дорога свернула в сосновый бор. Казалось, зимний лес шумел тревожно. Сосны, подступавшие к самой дороге, протягивали ветки к лошади, сыпали на седоков колючий снег.

С каждым новым поворотом Домна удалялась от своих, от дома, от матери, от всего, что было дорогого в ее беспокойной, тревожной жизни.

Чтобы не одолевали грустные мысли, Домна разговаривала с ямщиком-подростком. Мальчишка, подражая взрослым, говорил степенно, иногда он замахиивался кнутом на лошадь и строго покривлялся:

— Но, давай! А то видишь кнут?..

Домна расспрашивала, как он учится, с кем дружит, умеет ли ходить на лыжах.

— В детстве я любила кататься на лыжах. Бывало, под гору мчимся — аж дух захватывает! — рассказывала Домна.

— Куда же ты едешь, в Аныб? Там белые, — удивился малец, поправляя сползавшую на глаза шапку и, оглянувшись, недоверчиво посмотрел на Домну.

— Ну и что ж? Думаю наняться в богатый дом. Не помирать же с голоду.

— Не знаю, но я дальше Кероса тебя не повезу.

— А если в Керосе я не найду подводы? Неужели не довезешь до Аныба? Тебе же велено.

— Мало ли что велено! Боюсь я туда ехать...

— Чего бояться! Я заплачу. Разве не нужны тебе деньги?

— Как не нужны, да ведь там белые!

— Не бойся, не съедят. Если будут спрашивать, скажешь про меня: едет, мол, искать работу, а попросила подвезти. Я сама все расскажу. Не бойся, все будет хорошо!..

Ни в Керосе, ни в Эжоле подводы Домна не нашла, и ей пришлось долго уговаривать ямщика ехать дальше, до Аныба. Надо было попать туда еще засветло.

Между Эжолом и Аныбом дорога была заперошена снегом, как видно, ездили здесь редко. Лес возвышался вокруг мрачный и густой.

Едва они выехали из лесу, как раздался окрик:

— Стой!

Из укрытия высочили белые солдаты.

— Кто такие?

У Домны похолодело в груди, но она преодолела робость и бойко ответила:

— Я в Помоздино, к родственникам. Хочу наняться в прислуги. А это ямщик.

Солдаты обыскали Домну и ямщика, перетряхнули сено в саях и, ничего не обнаружив, распорядились:

— Поехали на заставу!

Солдаты завязали им глаза, один сел на подводу и взятым у ямщика кнутом хлестнул по лошади; дорога спускалась под гору.

На Кодзвильской заставе Домне глаза развязали. Она осмотрелась.

Здесь было около десяти домов. За ручьем виднелся Аныб. Налево, за крутым обрывом, извивалась покрытая снегом Вытегла. За нею тянулся лес, где садилось холодное зимнее солнце.

На заставе Домну в дом не вводили. Начальник, в мохнатой шапке и английской шубе, тут же, около подводы, стал расспрашивать ее, кто она и откуда едет. Домна отвечала так же, как и солдатам. Поправив спустившуюся шаль, она заговорила смелее:

— Отпустите, мне ведь дальше ехать! Куда дели мой узелок?

— Постой! — вдруг шагнул вперед косолапый солдат. — Где я видел тебя, молодуха?

— Меня? — неподдельно изумилась она. — Первый раз вижу тебя. И какая же я молодуха, если еще замужем не была?

— Подожди, не прыгай! — Вспоминая, солдат морщил лоб, сдвигал брови, и вдруг заорал, словно найдя давно потерянное: — Знаешь, где встречались?

— Где? — спросила Домна с беспокойством. Она узнала толстые губы, но, не показав вида, засмеялась: — Ты, служивый, не клюкнул ли сегодня лишнего?

Солдат сказал начальнику заставы:

— Я видел ее совсем недавно. Патрулируя, зашли мы в один дом погреться. Там сидели девушки и прiali. Мой товарищ ей еще руку пожимал, поблаговать хотел.

— Мою руку пожимал? Ослеп ты, что ли, невеста что плетешь! Получше взгляни, тогда и говори! — возмутилась Домна. Она заметила, что солдат хоть и божился, но все же не был уверен до конца. А когда она горячо заспорила с ним, раздраженно махнул рукой; и, отходя в сторону, пробормотал:

— А кто ее знает! Может, и не она! Все они на одну колодку!.. Темно было в избе.

— Вот ведь! У какой-то девки руку пожимал, а меня чернит! — с облегчением вздох-

нула Домна и стала просить начальника заставы: — Ноги замерзли, хоть погреться пусть.

Но унтер-офицер, в белых пимах, судя по разговору, с Ижмы, зло бросил ей:

— Не маши руками... Сходим к командире. Шагом марш и больше не разговаривай! Ты тоже, щенок, с нами пойдешь! — И ткнул подростка в шею.

Домна поняла, что, если сейчас ее не отпустили, потом будет труднее выкрутиться. «Ну да ладно, все еще впереди. нечего голову вешать!» — утешала она себя, шагая между вооруженных солдат.

2

Смутно проступали в сумерках очертания домов. В окнах зажглись огни. На дороге встретилось несколько солдат — это все, что Домне удалось заметить.

Конвоиры пересекли ручей и на другом берегу подошли к крестьянскому дому, где размещалась комендатура.

Унтер-офицер доложил прапорщику о задержанных на заставе, оставил Домну и ямщика и ушел с солдатами обратно.

Наступил длинный и тоскливый вечер — первый вечер Домны в стане врагов.

Она не падала духом. Отправляясь в разведку, готовилась к тому, что могут задержать, расспрашивать, а потом все же отпустят. Прапорщик ввел ее в комнату и стал допрашивать. Домна повторила все то, что говорила начальнику заставы, и стала просить:

— Господин начальник, что ты возишься со мной? Отпусти, я тороплюсь в Помоздино. Если отпустишь, ни на один день не задержусь, переночую и завтра же уйду. Не найдется попутной подводы, пешком пойду.

— А ты действительно идешь наниматься в прислуги? — недоверчиво спросил прапорщик. — Не врешь?

— Да нет же!

— У тебя есть какой-нибудь документ? Паспорт, что ли?

— Откуда у девушки паспорт? Если дашь, тогда будет!

— Завтра в штабе поговорим! — решил прапорщик и приказал солдатам не выпускать из дома ни Домну, ни мальчишку-ямщика.

Эта ночь показалась Домне бесконечной. Не снимая пальто, она просидела в простенке, вздыхая, смотрела через зандевшее стекло на темную улицу.

Бежать? Но как? Дневальный не спит. Да и чего спешить? Может, завтра допросят в штабе и отпустят. А что не покормили сегодня — не

велика беда. В прислугах не раз приходилось ей ложиться голодной.

Перед рассветом Домна немножко подремала на скамейке.

Утром ее с ямщиком-подростком повели в штаб.

— Паня, накормили тебя? — спросила Домна.

— Нет. А тебя?

— И меня нет. Но ты не горюй... — Домна хотела напомнить ему, что говорит и как себя вести в штабе, но конвоир строго предупредил:

— Не велено разговаривать!

Штаб белых помещался в большом доме с мезонином. Раньше, по-видимому, здесь была школа. Около дома в беспорядке раскиданы парты, классные доски, выброшенные прямо на снег.

У крыльца валялась какая-то книга. Домна наклонилась, хотела подобрать, но конвоир сердито прикрикнул на нее:

— Куда берешь? Не велено!..

Штабные пришли поглазеть на задержанную на заставе девушку.

Допрашивал ее длиннолицый поручик с плешинкой.

Как и вчера, Домна рассказала: идет в Помоздино, к дальним родственникам, хочет поступить в прислугу, а подводу наняла в Подъяельске, ямщик тоже оттуда.

— Почему мальчика голодом держите! Со вчерашнего дня парнишка не ел! Нельзя детей обижать! — начала упрекать Домна поручика. Она все еще надеялась обвести белых вокруг пальца, готова была шуметь и ругаться до тех пор, пока не надоеет и ее не прогонят. Придумать что-нибудь другое в ее положении было трудно. И, может быть, так и получилось бы, если бы на беду там не оказался прыщеватый подпоручик.

Домна не сразу его заметила. В сером френче с большими карманами, он сидел в сторонке и ничем себя не обнаруживал. Когда поручик с плешинкой, закурился английскую сигарету, спросил других офицеров, что они думают об этой девушке, подпоручик встал:

— Я знаю ее. Она — из Вильгорта, работала у красных в уземотделе курьером, Домна Каликова. Я не верю, что она идет искать работу. Все это враки! Она пришла сюда как разведчик!..

Прыщеватый подпоручик подошел к Домне, внимательно посмотрел ей в лицо, схватил за косу и дернул. Коса девушки отделилась, платок сбился на голове. Подпоручик сдернул и платок и недобро засмеялся:

— Видите — маскарад!

Домна в замешательстве стояла с непокрытой головой.

Сорвав накладную косу, подпоручик отнял последнюю надежду, которая все еще у нее теплилась.

Домна с ненавистью взглянула на прыщеватого подпоручика. Это был сынок протопопа. Офицеры окружили Домну.

— Партизанка? — прищурившись, спросил лысый поручик.

Домна не ответила и лишь гордо вскинула голову.

— Коммунистка?

— Хотя бы и так!

— На разведку шла?

— На разведку! — с дерзкой смелостью ответила Домна. Теперь не было смысла отпираться. — Можете сделать со мной что угодно — расстрелять, изрубить, повесить. Но мальчика не обижайте. Он ни в чем не виноват.

— Скажи, пожалуйста, какая самоотверженность! Говори лучше, какие силы красных находятся против нас? Скажешь — останешься живой, а обманешь, то... — Поручик вынул из кобуры револьвер, положил перед собой на стол и небрежно бросил: — Ну?

Домна презрительно усмехнулась:

— Если хотите знать наши силы, сходите сами. Пришла же я узнать о ваших силах.

— Не хочешь сказать!

— Нет!

Поручик подошел к Домне, прижал ее руку к столу и ткнул в нее горящей сигаретой.

Все, кто там были, застыли, впились глазами в нее. Она побледнела, углы губ дрогнули, а затем словно окаменели.

— Ну, как? — спросил поручик и отвернулся от тошнотворного запаха паленого тела.

Домна не ответила. Лицо ее искажилось от боли, глаза увлажнились. Она сдерживала стон. Наконец поручик оттолкнул ее руку и приказал:

— Фельдфебеля Чуркина!

Усатый казак, пришедший с бандой Орлова из Архангельска, явился на зов, выслушал поручика и козырнул с готовностью:

— Слушаюсь, вашбродь!

Он засучил рукава и привычно поиграл на гайкой: эта работа ему была знакома, не одну спину он исполосовал. Но такую молодую и красивую девушку бить приходилось впервые.

Нет, не увидела Домна в его глазах жалости. Фельдфебель рванул с нее тоненькое пальто, и тяжелая казацкая нагайка со свистом обвилась вокруг ее плеч... Офицеры смолчали, как после каждого удара девушка вздрагивала от боли.

— Будешь говорить? — повременив, спросил ее поручик.

— С бандитами не разговариваю!

Поручик, с лошадиным лицом, вынул из кармана носовой платок, вытер влажные пальцы и кивнул фельдфебелю. Снова казацкая нагайка со свистом стала полосовать тело девушки...

Когда ее уводили из штаба, Домна, шатаясь, шагала по дороге, ничего не видя вокруг. Ей казалось, что казацкая нагайка спустила всю кожу со спины. Тело горело, как в огне.

Ее привели туда же, где она провела ночь. Переступая через порог, Домна пошатнулась и чуть не упала. Хозяйка бросилась к ней, хотела поддержать, но конвоиры запретили приближаться к партизанке.

— Попыти! — умоляла Домна, держась за дверной косяк.

— Ой да ояй! Что же вы, ироды, сделали с девушкой? — Хозяйка в синем шушуне бросилась к кадке с водой, зачерпнула ковшом воды, подбежала к Домне.

— Пей, бедняжка... За что же тебя? Уже девушек начали мучать...

В доме находились еще две девочки и старуха. Они с испугом и жалостью смотрели, как Домна обеими руками ухватилась за ковш и начала жадно пить, но бородатый солдат вдруг с такой силой ударил по ковшу, что у девушки из носу брызнула кровь.

— Не давать ни капли воды, ни крошки хлеба! — сказал он хозяйке. — Слышите? Она — партизанка. И не разговаривать с ней.

Домну заперли в дальней комнате. Наступили в ее жизни самые страшные, самые мучительные дни.

Били каждый день и здесь и в штабе, куда водили в сопровождении солдат. Офицеры изощрялись в пытках, но партизанка молчала.

Обессиленная от побоев и голода, Домна однажды услышала, как тихо отворилась дверь и в комнату украдкой вошла хозяйка. Это было ночью. Солдаты спали, а дневальный вышел на улицу.

— Возьми, поешь хоть немножко! — Хозяйка положила перед Домкой кусок хлеба и несколько вареных картофелин. — Спрячь, чтобы не отняли поганые души!.. Может, еще что надо?

— Спасибо, хозяйюшка! — Домна оглянувшись, сказала: — Убежать бы мне.

— Не сможешь, милая! В доме солдаты, и на улице день и ночь часовой ходит...

— Нельзя ли сообщить нашим обо мне, чтобы знали, где я?

— Попытаюсь.

— Поспешите. Меня долго здесь не продержат. Передайте: что бы ни делали со мной враги, я не продамсь, ничего не скажу! И еще передай: пусть крепче бьют белых гадов!..

— Передам, дорогая! — шептала хозяйка. — Мой муж где-то тоже у красных воюет, коммунист он. Потому так и издеваются над нами белые. Видишь, сколько человек у меня живут на постое! Что было, все съели, даже корову зарезали, не спросили, чем я буду кормить детей. Грозятся всех убить.

— Потерпите, скоро конец им придет! — сказала Домна.

В сенях заскрипели половицы, и хозяйка, погладив руку Домны, поспешно удалилась.

В дом вошел дневальный, просунул голову в комнату арестованной, ничего не заметил и снова притворил дверь. Домна, подождав с минуту, взялась за хлеб. Никогда еще он не казался таким вкусным. Не она одна страдала в эту глухую полночь! Рядом с нею люди, готовые помочь ей. Эта мысль согревала ее, бодрила, вливала новые силы.

После новых пыток Домну на следующий день под конвоем направили в Усть-Кулом, в главный штаб.

3

Капитан Кук, длинный, сухопарый англичанин, направленный интервентами в вычегодский белогвардейский отряд в качестве советника, выпитил нижнюю губу, что свидетельствовало о крайней степени его раздражения. Откинувшись назад и скрестив ноги, он курил трубку крепкого, ароматного Кэпстэна, время от времени попыхивая голубоватым дымком. Круглые и острые, как у хищной птицы, глаза его пристально следили за пухлым пальцем Латкина, скользившим по карте на стене.

Было это в Усть-Куломе, в помещении главного штаба.

— Сейчас, господин советник, можно быть уверенным, что фронт стабилизировался. Абыт стоит прочно, позиции там надежные... Я не преувеличу, если скажу, что мы теперь сильнее, чем когда бы то ни было раньше, уверенно смотрим вперед и надеемся, что с вашей помощью мы освободим уезд от красных!

Латкин вынул из кармана френча носовой платок и вытер лысину.

Кук, не вынимая трубку изо рта, сказал:

— Господин Латкин! Примерно то же самое вы говорили год назад! Мы с вами сейчас разговариваем в Усть-Куломе, тогда как начальнику Вологодской губернии надо бы находиться если не в Вологде, то хотя бы в Усть-Сысольске! А вы все еще здесь торчите.

Кук встал и, сердито попыхивая трубкой, подошел к окну. К штабу подкатили санки. Из них выскочил офицер и вбежал в штаб.

Латкин, простудившийся на днях, осторожно высморкался и, улыбаясь чуть иронически, отозвался мягко, но достаточно ядовито:

— Все это так, господин советник. Но ведь союзному командованию пора было бы находиться в Москве или хотя бы Петрограде... Припоминаю, генерал Айронсайд еще прошлым летом обещал...

— Не будем говорить о том, что не относится к делу! — перебил его Кук. Он прошелся от стены до стены по комнате и вернулся на свое место. Посидев некоторое время, Кук сказал уже более спокойно:

— Будет лучше, если мы поговорим о непосредственных делах. Надеюсь, уже поступили указания о формировании нового стрелкового полка?

— Да, господин советник. Полк начали формировать. Это будет четырнадцатый вычегдский стрелковый полк под командованием капитана Прокушева-Медведева. Штаб будет здесь, в Усть-Куломе.

— Надо торопиться.

— Капитан Прокушев с этими же целями находится в командировке, и, как только вернется, я ему передам ваши слова.

— Как идет мобилизация?

— На Печору, Ижму, Мезень, в верховья Вычегды, повсюду, где мы контролируем, дано распоряжение провести мобилизацию согласно приказу верховного управления Северной области.

Кук пробежал глазами поданную ему бумагу и, возвращая, спросил:

— Прибывают солдаты?

— Похващаются еще нечем, господин советник, но надеюсь... Мы широко оповещаем население о том, что союзники дают нам хлеб, товары. Крестьяне, охотники пойдут служить. А тех, кто будет уклоняться от мобилизации, я приказал считать дезертирами и судить по законам военного времени.

— Рассстреливать! — жестоко сказал Куки снова принялся мерять длинными ногами комнату. — Сейчас надо действовать только так! Подчеркиваю: мы идем самых энергичных действий! Собирайте новые силы, живее формируйте полк. Время не ждет.

— Будет сделано, господин советник, но учтите: потребуются оружие, обмундирование, продовольствие.

— Все будет. Продовольствие тоже дадим, но надо выискывать и на месте... А как пушнина? Отправляете в Архангельск?

— Господин советник! Я не агент по заготовке пушнины, а уполномоченный Северного правительства, — пытался возразить Латкин.

Но англичанин сразу осадил его:

— Не забывайте, за все, что мы даем, вы должны платить. Я спрашиваю, как с пушной?

— Заготавливаем, часть отправили... Но я надеюсь, что нас в Архангельске тоже не забудут.

— Нет, конечно, — пообещал Кук, и прощаясь, многозначительно подчеркнул: — Откровенно говоря, как уполномоченный временного Северного правительства вы пока не на высоте, но я все же постараюсь убедить командование представить вас к награде.

Латкин с поклоном, как слуга своего господина, проводил Кука до порога. В эту минуту он сам себе был противен, но иначе поступить не мог. И едва за дверью скрылась длинная сухая фигура советника, Латкин с возмущением высморкался: единственное, что он мог себе позволить... Англичанин больно уязвил его самолюбие, и без того подвергавшееся испытанию. Губернаторскую душу грызли тоскливые мысли. Ничего хорошего от заморских друзей ожидать не приходилось. Они держались нагло и высокомерно, как в колонии. И это приходилось терпеть...

Хотя Латкин и сказал Куку, что будто бы Аныбский фронт стабилизировался, на самом же деле он в этом сам, очень сомневался. По данным разведки, красные подтягивали артиллерию, боеприпасы, готовились к наступлению. Предстояли ожесточенные бои. А чем они закончатся?

Все чаще закрадывались мысли о том, что его планы безнадежно проваливаются. И ничем не отодвинуть роковую развязку. Против них теперь не слабые партизанские отряды, а части регулярной армии. Удручали и неудачи союзников: Красная Армия разбила Колчака, Юденича. Откатился на юг Деникин. Нечем было похвастаться и Миллеру. Латкин сознавал, что под ногами у него горела земля.

Разговор с надменным Куком только подогрел тревогу. Нет, не случайно спешат они собрать и вывезти с Севера все, что можно. По всему видно: катастрофа надвигается...

Невеселые мысли Латкина нарушил дежурный офицер, доложивший:

— Господин губернатор! Просит приема какой-то крестьянин. Что прикажете?

— Крестьянин? — переспросил Латкин. — Впустите...

Дверь отворилась, и вошел мужик лет сорока.

— Что скажешь, любезный? — спросил Латкин.

В старой парке¹, в унтах, чернобородый мужик перекрестился и, поклонившись, поздоровался:

— Здоровье, Степан Осипович! Из деревни Рябки, Зайцевым прозываюсь.

— А я губернатор, а не Степан Осипович, — недовольно нахмурился Латкин. — Что скажешь? Какая нужда привела ко мне?

— Да вот... господин губернатор... с жалобой к тебе. Просто погибель пришла, деваться некуда. Обижают...

— Кто тебя обижает? — Латкин понял, что напрасно разрешил впустить мужика. Он ожидал посланца от старшины из Керчьмо с хорошими вестями и подарками, а не жалобщика.

— Говори, не бойся. Кто обижает?

— Солдаты, господин губернатор! Видишь ли, целых десять человек вселили ко мне. Ну, пусть бы уж жили, да пакостят, окаянные. Овцу вчера резали. В ларь ли, голбец. не спрашиваясь, заходят, что увидят, забирают. Сноха молодая плачет, боится выйти в сарай бросить коню сена. Недавно послал баню топить, а она отказывается: не пойду, говорит, опять эта кобелиная свора за мной погонится!

А дочку соседа и вовсе, говорят, испоганили солдаты.

— Это правда? — притворился изумленным Латкин и даже покачал головой.

— Если говорю, то уже правду, вот он бог-то! — взглянув на иконы, перекрестился мужик. — Как-нибудь нельзя ли их утихомирить. Обещали хлеб, товары, а вместо того грабят.

Латкин, терпеливо слушавший крестьянина, при последних словах взорвался:

— Вот как ты отзываешься о наших доблестных воинах?! Солдат, которые защищают тебя от врагов, ты смеешь обзывать грабителями? Вас грабили коммунисты! Забыл подразверстку?... На твоём месте я бы ничего не пожалел, чтобы помочь доблестным белым войскам. Настоящие крестьяне несут нам мясо и масло, дают и коней и коров. А тебе паршивую овцу жалко!

— У кого много, тому, может быть, и не жалко, а если последняя, как дашь? — уже тише вымолвил мужик. Он еще хотел что-то сказать, но Латкин не стал его слушать.

— Лучше скажи: сколько лет тебе?

— Мне? — запнулся мужик. — На пречистой сорок исполнилось.

— Сорок? И мне около того же, и я воюю за веру православную. А ты почему скрываешься? Думаешь, за тебя будут другие драться, а ты будешь баранину дома жрать? Знаешь приказ о мобилизации?

— У меня медведь руку изувечил, пальцы не гнутся. — Мужик высунул из рукава парки левую руку. А месте раны кожа синевато-красного цвета. Пальцы едва сгибались. Латкин отвернулся, расстегнул воротник рубашки, сжимавший шею. Ему хотелось убежать от этого противного мужика и от всего, что его окружало. Всего лучше выпить рому, что он делал все чаще.

— Так что, господин губернатор? — спросил крестьянин.

Вместо ответа Латкин вызвал дежурного:

— Передай, пусть проверят, почему этот человек не мобилизован. Если укрывается, немедленно судить как дезертира! Уведите...

— Степан Осипович, как же так? — взмолился мужик, но дежурный, напирая, закричал:

— Выходи! Кому говорят?

«Ах, мерзкая рожа! Совсем испортил на строение!» — подумал Латкин, наблюдая, как выпроваживают мужика. И тогда он вспомнил об Ульяновском монастыре, о его настоятеле. Почему бы не съездить к игумену? Есть удобный предлог...

Латкин, не мешкая, распорядился подать упряжку, сказав, что едет в монастырь по срочным продовольственным делам, и, когда крытый возок прибыл, залез в него и приказал ямщику погонять коня.

Не забыв Латкин прихватить несколько бутылоч рома — гостинец настоятелю.

Печорской породы сильный вороной конь за несколько часов домчал Латкина до монастыря. От Усть-Кулома было не так далеко.

Монастырь стоял на высоком живописном берегу, окруженный каменной стеной. Вокруг, куда достигал взгляд, простирались монастырские земли и луга. А дальше зеленел лес.

Прежде со всех концов Коми края, с севера и с юга, с Ижмы, с Удоры, даже с низовьев

¹ Парка — верхняя одежда из оленьей шкуры.

Печоры, сюда стекалось множество богомольцев. Чего только они не приносили с собой: рыбаки — лучшую рыбу, охотники — дичь, пушнину, бедные вдовы — холст.

Многие приезжали сюда по обету. Постигнет какая-нибудь беда, заболит ли кто, ушибется на лесозаготовках или на сплаве, либо искусают на охоте медведь, в таких хозяйствах дают обет отправить в монастырь сыновей. Здесь они работают год, два и даже три: пашут, сеют, ухаживают за монастырским скотом, ловят рыбу, собирают для монахов грибы, ягоды. И все это безвозмездно. Монахам жилосо сытно и вольготно. Монастырские кладовые ломились от всякого добра. Одного хлеба хранилось несколько тысяч пудов. Он плесневел, гнил, но голодающим крестьянам монахи его не давали.

...Монастырский колокол монотонно гудел, призывая к вечерне, когда вороной конь пригнал Латкина к ограде монастыря.

Настоятель уже был в церкви, но монахи, узнав, кого им бог послал, приняли Латкина как доброго гостя, провели в лучшую комнату в доме, где жил сам игумен.

Одному сидеть было скучно и, передохнув, Латкин попросил послушника провести его в церковь.

На вечерней службе людей было немного, в большинстве монахи. Время от времени они вслед за игуменом и хором подхватывали:

— Подай, господи!.. Тебе, господи!..

В церкви стоял полумрак. Мерцали редко расставленные свечи, подрагивало пламя в лампадах.

Латкин не отличался набожностью, но в последнее время неудачи терзали его, вызвали невеселые мысли. Слушая богослужение, он думал о тяжелом грузе, который взвалил на себя, о том, что делать дальше, что готовит ему приближающийся новый год? Невольно вспомнил Орлова, с которым вместе выступили из Архангельска, не раз бражничали, а теперь уже не было в живых...

При мысли об этом у Латкина заныло сердце. Он взял свечу, подошел к иконе Стефана Пермского и, опустившись на колени, долго молился. Так усердно он никогда еще не клал поклоны.

Вечером, по окончании службы, когда он сел за стол, игумен, благословляя его, сказал:

— Я видел, Степан Осипович, как вы молились. За богом молитва никогда не пропадет.

Гость коротко ответил:

— Я для того и приехал, отец Иннокентий, чтобы вознести молитвы богу. Хочу отвлечься

от мирской суеты, побыть наедине с богом. У вас здесь так тихо и спокойно, и духом и телом отдыхаешь.

Они ужинали вместе. Блюда приносила пышногрудая монашенка. Как она попала сюда, в мужской монастырь? Ныне в жизни все так перевернулось, перепуталось, что Латкин не удивился ее присутствию и не стал расспрашивать. Не все ли равно! Монашка Таисья была не так уж стара и могла еще ввести в соблазн, поигрывая пухленькими губами.

В трапезной, как и повсюду, стоял специфический затхлый запах. Плотные закрытые небольшие окна не открывались бог весть с какого времени, воздух был сырой, спертый. Таисья, в низко повязанном черном платке, наставила столько блюд — впору десятерым поужинать; здесь была и семга, и вусно заквашенная капуста, и грузди в сметане, и жареная телятина, и сардины, и шпроты, и полная серебряная чаша прозрачного меда. На столе возвышались бутылки с наливками.

В довершение всего, она принесла в большой фарфоровой чашке дымящиеся пельмени, поклонилась и, растягивая слова нараспев, сказала:

— Потчуйтесь, господин губернатор!.. Сегодня, правда, не готовили хороших кушаний: завтра приготовим... Вам какого налить, красного или беленького?

— Я прихватил ром. Может, отец игумен отвечает? — сказал Латкин. — Прощу! Из Англии привезен.

От чарки рома не отказались ни отец игумен, ни сестра Таисья, у которой сразу же зарумянилось лицо.

Когда сестра Таисья вышла ставить самовар, Латкин спросил игумена:

— Во время вечерни, святой отец, я почувствовал, что у вас в церкви чего-то не хватает. Как-то тускло стало, нет прежнего благолепия. Или мне показалось?

— Зело зорок ты, Степан Осипович! — стряхивая крошки с красивой пушистой бороды, усмехнулся игумен. Он еще был не стар, хотя в бороде уже виднелись седые нити. Наклонившись к гостю, он сказал: — Я велел со всех икон снять ризы, убрать золото, серебро, все ценное и спрятать.

— Спрятать? — изумился Латкин и тут же подумал: «Ну и нюх у старого пса. И этот чует недоброе!..»

— А разве может что-нибудь случиться, отец игумен? — спросил он.

Игумен, подняв глаза, вздохнул:

— Может быть, и ничего не произойдет, а все же так лучше.

— Понимаю... Опасаетесь прихода красных? Но мы не собираемся отступать. Больше того, готовимся к новому решительному наступлению. Только что у меня был английский советник капитан Кук. Мы договорились сформировать новый стрелковый полк, проводим мобилизацию. Союзники обещают помочь оружием.

Подогретый ромом, Латкин не жалел слов, доказывая, что они сейчас сильнее, чем раньше. Он говорил и сам не верил своим словам. Но глаза игумена повеселели: видимо, по сердцу пришлось ему эти речи. Латкин осмелел и уже прямо приступил к цели своего приезда.

— Ваша святая обитель, конечно, не будет стоять в стороне в этот грозный час? — подливая рому в серебряную чашу игумена, спросил он.

— Мы от всего сердца возносим молитвы о даровании нашему христолюбивому воинству скорейшей победы, — отозвался игумен. — Служим молебны, денно и нощно молимся за вас, наших освободителей.

— Это хорошо, но мало. Одними молитвами врага не сломить.

— Чем же мы можем помочь?

— Хлебом, мясом, продуктами. Союзники, конечно, обещают, но их продукты надо еще привезти из Архангельска. Дорога дальняя. А нам сегодня надо кормить солдат. Численность войск возрастает. — Латкин говорил убедительно, помогая себе жестиком, опасаясь, что игумен будет упираться. Но все получилось лучше, чем он думал.

— Много ли нужно хлеба? — спросил настоятель.

— На первый раз пудов пятьсот, — сказал Латкин и приготовился доказывать необходимость такого количества хлеба. Но игумен, подняв очи, поглядев на своды монастырской трапезной, произнес благоговейно:

— Пусть поможет вам бог в ваших ратных подвигах! — и добавил обычным деловым тоном: — Можете завтра же вывезти. Понадобится, еще столько дадим. Для вас найдется. Бог дал, пусть на божие дело тот хлеб и пойдет.

Латкин, привстав от волнения, потряс крепкую жилистую руку игумена:

— Я так и знал, так и знал! — растроганно благодарил он. — Большое спасибо. Не забудем вас.

Таисья внесла фыркающий самовар, и они долго сидели, разговаривая. Сославшись на то, что завтра надо рано вставать, игумен удалился в свои покои, а захмелевший гость остался с монашкой допивать чай.

Весь следующий день Латкин провел в монастыре. Выпьет, поспит, встанет с красными ослепшими глазами, снова выпьет и опять валится спать. Закрывая глаза, видел кошмарные сны: то губернаторское кресло под ним, как заартачившаяся лошадь, ржало и брыкалось, пытаясь сбросить его, то черные-монахи во главе с игуменом отпевали его, а он все видел, слышал, но не мог и пальцем шевельнуть. Там же Таисья подмигивала и шептала ему:

— Не бойся, Степан Осипович, они шутят.

Лишь на другой день, к вечеру, Латкин очухался, попарился в монастырской бане, чтобы избавиться от похмелья, напился жгуче-кислого квасу, немного полежал и, поостыв, когда стемнело, сел в крытый возок. Перед отъездом попросил игумена отслужить панихиду по Орлову.

Утром ему доложили, что из Аныба доставили партизанку. Спросили, что делать.

— Приведите в штаб, сам буду допрашивать! — приказал Латкин. По телефону ему уже сообщили из Аныба, что партизанка ничего не говорит.

«Посмотрим, что за птица!» — собираясь в штаб, подумал Латкин. Он надел хорошо сшитую английскую шинель, круглую шапку, взглянул на себя в зеркало и, заметив, что лицо опухшее, подумал: «Не надо было смешивать наливки, и все было бы хорошо».

Выходя на улицу, он размышлял, как вести допрос партизанки. Надо во что бы то ни стало заставить ее говорить.

Латкину хотелось знать планы и намерения противника именно сейчас. Он боялся попасть в капкан, как волк. Нет, он не настолько глуп. Пусть другие суют головы, а он — едва нависнет прямая угроза — бросит здесь все и махнет в Архангельск.

«Они в Аныбе уже допрашивали партизанку, да, верно, грубо действовали. Лаской смягчить сердце и заставить заговорить. Надо все обещать, а потом видно будет, что делать!» — так, шагая по дороге в штаб, размышлял Латкин.

В штабе к нему привели девушку невысокого роста с изможденным лицом.

Латкин взглянул на нее и с удивлением спросил:

— Это ты партизанка?

— Я.

— Гм!.. А я представлял тебя повзрослее... Ты еще очень молода. Тебе на одной ноге кру-

житься, а подружками веселиться! Сколько тебе лет?

— Двадцать три...

— Ну вот выдумала с партизанами путаться. Ай-ай-ай, какую ошибку допустила! На месте твоего отца я бы отстегал тебя.

— У меня нет отца... — сказала Домна и, чуть помедлив, отчетливо, словно чеканя слова, добавила: — И никакой ошибки моей нет.

Латкин встретился с взглядом партизанки, горевшим ненавистью, и подумал: «Где видел?»

За свою жизнь он сталкивался со многими людьми и многих давно уже забыл, а вот этот взгляд исподлобья почему-то запомнился.

— Ведь мы когда-то встречались, не так ли? — усмехнулся Латкин.

— Может быть.

— Знаешь когда? В Усть-Сысольске, около кирпичного сарая Гыч Опоня. Ты, кажется, работала там?

— Хотя бы и работала...

— Помнишь, я хотел просить проводить до Кочпона. Да уж очень сердито ты на меня взглянула, совсем так, как и сейчас, хе-хе! А ведь я хотел леденцами угостить... Ну вот, как говорится, гора с горой не сходится, а человек с человеком могут. Значит, мы с тобой старые знакомые. Я знакомых не обижаю. Сегодня тебя кормили? Эй, дежурный, вели принести что-нибудь закусить! — распорядился Латкин.

На столе появились каравай белого хлеба, открытая банка консервов, нарезанный ломтиками шпик, варенье, стакан чаю. Второй стакан подали Латкину.

— Ешь, подкрепись! — пододвигая тарелку с хлебом к Домне, ласково сказал Латкин, когда они остались вдвоем.

Домна сурово сдвинула брови. От свежеспеченного белого хлеба шел вкусный приятный запах. Домна не выдержала, отвернулась. В желудке засосало, голова закружилась. Чтобы не упасть, она схватилась за спинку стула. Латкин по-своему истолковал это:

— Садись, садись! Это все тебе принесли. Ешь, не бойся.

— Я сыта! — сказала Домна.

«Действительно, упряма, — подумал Латкин. — Ведь наверняка голодная». Он взял свой стакан, отхлебнул из него.

— Зря капризничаешь! Я от чистого сердца предлагаю! — сказал он добродушно и помешал ложечкой в стакане. — Я на тебя не в обиде. В молодости чего не делаешь. Сам был таким, немало наглупил. Помню, в Петербург-

ском университете бегал на студенческие собрания, ходил на кружки. О чем только не говорили: революция, социализм! А в одно время за мною даже был установлен полицейский надзор. В 1905 году в нашем городе листовки разбрасывал среди запасных солдат, против войны выступал и был привлечен к судебной ответственности. Видишь, какой я был революционер, хе-хе! Все было, все! — вздыхая, говорил Латкин и, улыбнувшись, наклонился к Домне: — Ты меня не бойся. Я тебя понимаю и плохого не сделаю, в обиду не дам. Поговорим по-хорошему.

— Не о чем нам разговаривать! — отрезала Домна и отступила назад.

— Ах, ты какая! Я добром, а ты, как волчонок, зубы показываешь, — сказал раздосадованный Латкин. Он уже стал уставать и с трудом принуждал себя говорить ласково. Он все еще надеялся, что девушка откроется, что ему удастся сломить ее упорство. Есть ему не хотелось, но Латкин взял кусок сала, положил на хлеб и откусил. Вяло пожевав, деланно улыбнулся и опять вернулся к прежнему разговору.

— Ничего плохого я о тебе не думаю, — устало сказал он.

— А мне безразлично, что ты обо мне думаешь, поганый слизняк!

Латкин вскочил как ужаленный. Он спросил:

— Ты понимаешь, что говоришь, красная шпионка?

— Понимаю! — глядя прямо ему в глаза, отрубил разведчица.

Домна была в той же одежде, в какой пошла на задание из Подзельска: легкое пальтишко, юбка, отороченная на подоле желтой лентой, на голове белый платок. Не было только косы с голубой ленточкой. И хотя она уже неделю была в руках палачей, все же выглядела опрятной, насколько это было можно в ее положении, не теряла своего достоинства. Похудевшая, бледная, с запавшими глазами, окаймленными синевой, с рукой, висевшей бессильно, видимо ушибленной, она была похожа на орлицу с перебитым крылом, поверженную, но не сдавшуюся, готовую бороться до последнего вздоха.

Латкин смотрел на нее, и непонятное чувство затеплилось в нем — зависти, что ли?

Думал ли он, что через несколько лет, вышибленный с родины, потаскавшись по заграницам, он по воле своих хозяев вернется тайно в этот край с диверсионным заданием, опознанным встанет перед революционным трибуналом, что будет жалко лепетать о своем раскаянии, просить пощады и даже, когда его

в сопровождении солдат поведут на расстрел, цепляясь за дверной косяк в безумной надежде, что еще что-то может перемениться в его позорной судьбе, падать в ноги конвойным, пока не замолкнет навек?

Конечно, об этом Латкин не думал, не мог думать. Он лишь чувствовал зависть к стойкой партизанке.

— Ты, говорят, упрямилась в Аныбе? — снова мягко заговорил Латкин, пытаясь улыбаться. Но улыбка получалась кривой, недоброй. — Мне надо знать, какие силы у красных и к чему они готовятся?

— Если надо знать, — Домна усмехнулась, — сходи сам, узнаешь.

Латкин вскипел. Он забыл, что собирался говорить спокойно. Какая-то батрачка, всю жизнь только нянчившая да убиравшая грязь, смеет так дерзко говорить с начальником Вологодской губернии!

— Да ты знаешь, с кем разговариваешь? — уставил Латкин оловянные глаза на Домну.

Но та не дрогнула. С презрением смотрела она на бесновавшегося барина.

— Ты знаешь, кто я? — повторил Латкин.

— Знаю, — негромко сказала она. — Подлый, гнусный человек.

Латкин обомлел, раза два судорожно глотнул воздух, подбежал к Домне и ткнул ей в лицо:

— Да я тебя, щенок, велю убить! Но сначала клещами вырву твой язык. Клещами! А труп бросим собакам, пусть от тебя и следа не останется!

Домна взглянула на него с ненавистью:

— Тебе, палачу, головой придется расплачиваться за все: за каждую каплю крови замученных людей! Дрожи, шелудивый пес! За все наши тебе отомстят. Сполна! За все!

— Замолчи! — крикнул Латкин. — Становись на колени и молись. Сейчас же тебя расстреляют. Тебе говорю — молись!

— Сам ты молись! У тебя грехи, проклятый палач!

— Отослать в карательный отряд Вяткина! — приказал Латкин заглянувшему офицеру. — Держать в холоде, пытать!

На другой день из Усть-Кулома в Помоздино выехало десять подвод. На передней и последней подводах находились тепло одетые вооруженные конвоиры, на остальных везли арестованных. На средней, съездившись, в легком пальтишке сидела девушка. Ветер обжигал ее лицо, мороз хватал за колени, щипал пальцы ног, но спрятаться некуда было. Сунув руки в рукава пальто, девушка сидела, уткнувшись

лицом в колени, время от времени вынимая руку, чтобы отвести падающие на глаза пряди русских волос.

Так Домну отправили навстречу смерти.

6

Над Помоздином распростерлась звездная ночь.

Какая она длинная и... какая короткая! В чулане арестного дома, куда заперли привезенную из Усть-Кулома Домну, было холодно, как на улице. Время тянулось мучительно медленно... Но это была последняя ночь, последние часы в ее недолгой жизни.

Домна знала, что жизнь ее скоро оборвется. Вчера утром из этого же чулана увели скоромужского учителя Шомысова. Солдаты, приходившие за ним, бросили Домне:

— Завтра за тобой придем, жди!..

Шомысов не вернулся... Это был добрый, умный человек. Он рассказывал, как учился, как детей учил в родном селе, руководил работой комбеда, распределял реквизированный у богатеев хлеб голодающим, бедным семьям.

— Мы недавно организовали коммуны. Хорошие люди были в ней, — негромко говорил он. — Уже навоз начинали вывозить на поля, весной готовились сообща пахать, сеять. Да помешали. А планы были большие. Жаль, если все разрушится. Да и семью жаль: жена, четверо детей... Как будут жить?.. Дома у меня фисгармония — я ведь и уроки пения проводил в школе. Дети усаживались вокруг, пели под аккомпанемент: «Смело, товарищи, в ногу!...»

— Моя любимая песня! — призналась Домна.

— Хорошая песня, революционная...

— Может, сжальтятся и ради детей выпустят?

— Они? Скорее солнце на западе взойдет!

Он не тешил себя бесплодной надеждой. Но Домна хотела сказать ему что-нибудь бодрое, утешительное:

— Может быть, сумеем вырваться, убежать? Может, подоспеют из нашего отряда и освободят? — Сама она до последней минуты не теряла надежды, хотя и знала: ждать чуда бессмысленно...

Домна не знала, что из чулана солдаты повели Шомысова к Вычегде и расстреляли.

Без него в тесном и темном чулане показалось Домне холоднее, тоскливее. Шомысов словно унес с собой последнее тепло, согревавшее Домну. Вдвоем они могли хоть шепотом

разговаривать, утешать друг друга. А теперь она одна.

Домна не знала, сколько дней мерзнет здесь, сбилась со счета. Угрозами и побоями от нее ничего не добились, теперь пытали холодом.

Командир карательного отряда Вяткин, видимо, надеялся, что холод развяжет ей язык. Но Домна не сдалась.

В последнюю ночь она совсем не смыкала глаз. Ходила взад-вперед в тесном чулане, дыханием согревала руки.

Многодневные мучения, жизнь впроголодь сказались: Домна ослабла, силы ее таяли. От постоянных побоев тело ныло. Казалось, мучениям не будет конца. И все же последние силы она берегла, как берегут последний патрон на случай, когда он больше всего будет нужен.

«Почему я не родилась мужчиной? Палачи сильные, как медведи, а я слабая девушка, — думала Домна. — Но я еще им покажу, кто крепче!..»

Иногда она спускалась с нар и смотрела в дыру в стене на звездное небо, любовалась северным сиянием, вспоминала детство, зимние вечера, когда со сверстниками каталась на санках. Как же весело ей было! Домой приходила вся в снегу, руки красные, горят. Мать бранилась, а сама раздевала, велела быстрее забраться на печку.

«Дорогая мамочка, прощай — прости!.. Золотое детство, каким же ты было коротким!» — думала Домна, не замечая, как туманятся глаза, как наворачиваются слезы.

Утро наступило медленно. Сначала проступила синева, тьма рассеивалась, таяла.

Под утро отяжелели веки, глаза стали слипаться. Домна крепилась. Времени оставалось немного. Вот уже погледнели звезды, гасли одна за другой, а ей еще надо о многом подумать.

Домна прислонилась к стене чулана, закрыла глаза.

Мысленно она побывала в партизанском отряде, со своими боевыми товарищами, с которыми вместе сражалась. Сколько дней проведено вместе: радость и горе делила, ела из одного котелка. Они за все отомстят бандитам, за все, и за Домну тоже!.. Смешно вспомнить, как она кланялась пулям, вздрагивала от близко раздавшегося выстрела, боялась вида крови. Позже привыкла, овладела тяжелой солдатской наукой.

Сколько бойцов уже нет в живых? Других ранило, вот так же, как и Проню...

«Милый, добрый Проня, где ты теперь, что делаешь?»

И вдруг она, точно наяву, увидела Проню: стоит рядом, улыбается.

«Домна, пойдём кататься на лодке! Помнишь, как когда-то мы плыли мимо соборной горы?»

«Помню! — шепчет стынущими губами Домна. — Да ведь тогда было лето, а теперь зима, Проня! У меня ноги мерзнут! Ты уже выздоровел?»

«Здоров и снова в лыжном отряде! Видишь, какое у меня ружье!»

«Японское, что ли?»

«Да нет же! — весело тряхнул головой Проня, как любил он делать раньше. — Английское автоматическое. Отняли у белых... Сейчас готовимся в наступление. Хотим Шомысова освободить».

«Я знаю, где его держат. Его хотят расстрелять. Скорее, скорее! Где моя винтовка? Я с вами пойду!»

И вот уже Домна ведет бойцов лыжного отряда к дому, куда белые запрятали Шомысова. Мороз перехватывает дыхание. Они подкрадываются все ближе. Домна чувствует рядом Проню. Даже дыхание его слышит...

Проня наклоняется, тихонько спрашивает: «Здесь?»

«Здесь, — шепотом отвечает Домна и показывает на арестный дом. — А штаб у них дальше, в доме купца. Большой белый двухэтажный дом, на правой стороне».

«Сначала освободим Шомысова, а потом атакуем штаб... Разведчики уже убрали часы...»

Они избегают на крыльцо. Проня бьет прикладом по замку. Домна вздрогнула от удара и... открыла глаза.

В открытую дверь ворвался дневной свет. Вошли солдаты с винтовками.

— Выходи!..

Онемевшие ноги не сгибались. Усилием воли Домна выпрямилась, шагнула и вышла из чулана. Вот когда понадобились ей последние силы!..

Ее повели в дом купца Езе, в штаб. Там жарко топились печка. Она стала перед печкой, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком.

Как приятно, как хорошо, когда тепло ласкает продоргошее, избитое тело, когда застывшая кровь начинает быстрее бежать в жилах и сама она оживает. Офицер что-то читал, но она продолжала наслаждаться, греясь у раскаленной печки. Что они там зачитывают? Иногда ей задавали вопросы. Она отвечала односложно:

— Да...

— Нет...

Чтение кончили. Домну повели на улицу, на край села, свернули к Вычегде.

Когда они спускались под гору, им встретилась женщина, ходившая за водой. Увидев партизанку, шагавшую между двух солдат, она остановилась. Домна задержала на ней взгляд, словно хотела запечатлеть в памяти ее лицо, собиралась что-то сказать, но ей в спину ткнули дулом винтовки. Домна, улыбнувшись, кивнула женщине, попрощалась.

На берегу Вычегды высокие сосны. На зеленых ветвях снег. Иней, как кружевами, украсил деревья. Ниже, подо льдом струилась

Вычегда. А за ней без конца и без края раскинулась парма. Ах, вырваться бы и умчаться к своим!

Стояла глухая зима. Снег был уже глубокий. Природа спокойно спала под снежным покровом. В светлом и прозрачном небе виднелся слабый кружочек луны. А за рекой, над продрогшей пармой, уже собиралось взойти солнце. Там все ярче разгоралась заря. И Домне, спускавшейся под гору, к реке, казалось: шагает она туда, навстречу пылающей заре, которая уже охватила полнеба.

Как ты хороша, как прекрасна, майбыр жизни!..

Перевод с коми автора под редакцией Л. Жарикова.

Геннадий Александрович Федоров
КОГДА НАСТУПАЕТ РАССВЕТ

Зав. редакцией **В. ИЛЬИНКОВ.**

Редактор **П. АГЕЕВ.**

Художественный редактор **Г. Андропова** Технический редактор **Л. Платонова.**
Корректоры **А. Новикович** и **М. Смирнова**

Сдано в набор 13/III 1967 г. Подписано к печати 18/IV 1967 г. А 01488. Бумага 84 × 108^{1/8},
5 печ. л. 8,4 усл. печ. л. 9,721 уч.-изд. л. Заказ № 894. Тираж 3 000 000, 6-й завод 2 650 001—
3 000 000 экз. Цена 19 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии
№ 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.
Отпечатано в типографии «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.
Заказ № 435.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

ЛЮДВИК АШКЕНАЗИ. Всюду встречались мне люди. Этюды детские и не детские. Перевод с чешского. Составление и предисловие И. Бернштейн. М. 1967. 344 стр. 81 к.

И. А. БУНИН. Собрание сочинений в девяти томах. Под общей редакцией А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. Том 8. Стихотворения. Подготовка текста Н. М. Любимова, В. С. Гречаниновой. М. 1967. 472 стр. 90 к.

ЛАО ШЭ. Развод. Роман. Перевод с китайского Е. Рождественской. Зарубежный роман XX века. Послесловие А. Кириллова. М. 1967. 224 стр. 61 к.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ. Собрание сочинений в восьми томах. Том первый. Романы и повести. М. 1967. 632 стр. 1 р. 20 к.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ. Избранные произведения в двух томах. Том первый. Стихотворения. М. 1967. 336 стр. 65 к.

Том второй. Стихотворения, поэмы, переводы, критические статьи. 368 стр. 81 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“**

В 11 и 12 номерах

„РОМАН-ГАЗЕТЫ“

Ч И Т А Й Т Е :

ПЕТР ПРОСКУРИН

И С Х О Д

РОМАН

В нетронутой тишине покачнулась и медленно начала падать сосна. А вслед за этим чистый, спокойный, дремучий лес всюду, насколько можно было видеть, приподнялся и рухнул. Немцы еще не успели опомниться, как раздался новый оглушительный взрыв... Ломались вывороченные с корнем деревья, горела трава, горела земля под ногами захватчиков...

Люди из партизанского соединения Трофимова мстили оккупантам за сожженные города и деревни, за слезы матерей. Мученической смертью, но с чувством исполненного долга перед Родиной погибает Володя Скворцов, это он завел карателей сюда, на минное поле.

Много замечательных героев из глубин народа, таких, как Скворцов, встает со страниц романа: трагическая фигура бесстрашной Павлы Лопуховой, у которой враги заживо сожгли в избе трехлетнего сына Васятку, и широкая мятежная душа—Николай Рогов, молчаливый комиссар Михаил Глушов и его девятнадцатилетняя дочь Вера, со своей трудной любовью, вездесущий Почиван, Шумилов, Петлин, Шура, Феня и другие люди смелого сердца и большой душевной чистоты.

Роман „Исход“—широкое эпическое повествование о подвиге народа в Великую Отечественную войну, гимн мужеству и героизму.

ВЫШЛИ В СВЕТ

БЕРТОЛЬД АУЭРБАХ. Деревенские рассказы. Переводы с немецкого. Предисловие И. Волевич. М. 1967. 440 стр. 84 к.

АУГУСТО РОА БАСТОС. Сын человеческий. Роман. Перевод с испанского С. Тартаковской и Г. Шмакова. Предисловие С. Семенова. „Зарубежный роман XX века“. М. 1967. 328 стр. 1 р. 01 к.

ПЛАТОН ГАЛАВАЧ. Повести. Перевод с белорусского. Вступительная статья А. Адамовича. Л. 1967. 376 стр. 77 к.

СЕМЕН КИРСАНОВ. Искания. Стихотворения и поэмы. 1923—1965. М. 240 стр. 75 к.

ИВАН СЕНЧЕНКО. Вишневый листок. Рассказы. Переводы с украинского. Предисловие И. Питляр. М. 1967. 336 стр. 69 к.

Larisa_F